

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Е. Супрун

**СЛАВЯНСКИЕ
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.
СТАНОВЛЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ
КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ**

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2020

ISBN 978-985-566-916-7

©БГУ, 2020

УДК 811.16'367.627(075.8)
ББК 81.41-213я73

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Научный редактор
профессор *М. Г. Булахов*

Рецензенты:
кандидат филологических наук *Н. П. Андропов*;
доктор филологических наук *А. А. Кожина*

Супрун, А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи [Электронный ресурс] / А. Е. Супрун ; науч. ред. М. Г. Булахов ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-985-566-916-7.

Показывается процесс становления числительных как особой части речи на материале всех славянских языков. Раскрываются лексические, словообразовательные и грамматические особенности славянских числительных, приведшие к превращению их в особый грамматический класс.

Издание адресовано преподавателям вузов и студентам филологических факультетов.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше;
RAM 1 Гб; Windows XP/7/10; Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign.

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*. Дизайн обложки *Т. Ю. Таран*.
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*. Компьютерная верстка *Д. О. Бабенко*.

Подписана к использованию 31.07.2020. Объем 1,84 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib/bzu.by/>

Содержание

Предисловие (Е. Н. Руденко)	4
От автора.....	6
I. Семантические предпосылки превращения числительных в особую часть речи	7
II. Словообразовательная система числительных и превращение их в особую часть речи.....	45
III. Изменения в формообразовательной системе славянских числительных	94
IV. Изменения в системе синтаксических свойств числительных.....	142
1. Сочетания числительных с существительными в славянских языках	142
2. Форма согласованного определения при числительных	156
3. Согласование сказуемого с количественным подлежащим.....	171
Заключительные замечания о становлении числительных особой частью речи	195
Литература о славянских числительных	216

Предисловие

Адам Евгеньевич Супрун – советский и белорусский лингвист, славист, доктор филологических наук (1966), доктор педагогических наук (1981), профессор, заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (БГУ), заслуженный деятель науки БССР (1990) – родился 24 октября 1928 г. в Полтаве. А. Е. Супрун учился в Киргизском университете, который окончил в 1952 г. В 1955 г. в Московском университете имени М. В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию «Слова с корнями числительных в современном русском литературном языке». Числительные стали одной из ключевых тем в творчестве ученого: в 1961 г. он написал книгу «Старославянские числительные», а в 1966 г. в Ленинградском университете защитил докторскую диссертацию «Славянские числительные. Становление числительных как части речи». Одноименная книга до сих пор остается в славистике непревзойденным диахроническим исследованием о числительных. На выход книги А. Е. Супруна откликнулись ведущие языковеды, в частности знаменитый французский славист Андре Вайан.

В том же 1966 г. ученый переехал в Беларусь в город Минск и в Белорусском государственном университете организовал и возглавил кафедру общего и славянского языкознания, на которой проработал всю жизнь – более 30 лет. А. Е. Супрун был инициатором создания в Беларуси университетской славистики: на филологическом факультете БГУ преподаются все славянские языки, с 1993 г. открыта специальность и отделение «Славянская филология».

Вторую докторскую диссертацию «Лингводидактические проблемы содержания обучения русскому языку в белорусской школе» (на учёную степень доктора педагогических наук) Адам Евгеньевич защитил в Минске в 1981 г.

Профессора Супруна приглашали для чтения лекционных курсов и выступлений с докладами университеты и научные учреждения Австрии, Болгарии, Венгрии, Дании, Испании, Люксембурга, Польши, Словакии, Словении, США, Финляндии, Хорватии, Чехии, не говоря уже о странах СНГ. Он участник (начиная с 1958 года) международных съездов славистов (также член Белорусского комитета славистов), затем и конгрессов МАПРЯЛ, а также множества международных научных конференций, лауреат международной медали МАПРЯЛ имени А. С. Пушкина (1991).

Ученый остается признанным авторитетом в этимологии, полабистике, лексикологии и лексической типологии славянских языков, психолингвистике, лингводидактике, лингвистике текста. Под руководством А. Е. Супруна были созданы ассоциативные словари белорусского, украинского, киргизского, латышского языков, а также комплекс из пяти частотных словарей разных стилей белорусской речи.

Оставаясь ведущим славистом, он искал материал для своих исследований в генеалогически и типологически различных языках. Его работы издавались на всех славянских, киргизском, узбекском, немецком, дунганском и японском языках: А. Е. Супрун автор более 600 публикаций.

Адам Евгеньевич Супрун был выдающимся педагогом, основателем научной школы: под его руководством защищено более 60 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Среди книг профессора Супруна немало учебников и учебных пособий для средней и высшей школы.

Профессор Супрун умер 18 августа 1999 г. в Минске. С этого времени члены кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ – его ученики и ученики его учеников – издают и переиздают работы Адама Евгеньевича. В 1999 г. (посмертно) был издан сборник его работ «Исследования по лингвистике текста» (Минск : БГУ, 2001. 308 с. Интернет-адрес в электронной библиотеке БГУ: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/52570>). В 2003 г. в серии «Memoria et Gloria» была издана книга «Память и слава: к 75-летию со дня рождения профессора А. Е. Супруна» (под ред. Г. И. Шевченко; Минск : БГУ, 2003. 148 с.), где размещена полная библиография прижизненных изданий ученого и статьи по полабскому языку, являющиеся библиографической редкостью. Через 10 лет в серии «Моваведы Беларусі» вышла книга трудов А. Е. Супруна «Выбраныя працы» (Мінск : РІВШ, 2013. 302 с.), в которую включены работы «Праславянский язык», «Старославянский язык», «Церковно-славянский язык» (Интернет-адрес в электронной библиотеке БГУ: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/52571>). В последние 20 лет кафедрой теоретического и славянского языкознания БГУ каждые два года проводилась конференция «Супруновские чтения», и в сборники материалов конференций всегда включались неизданные или давно не переиздававшиеся статьи Адама Евгеньевича (<http://www.kateosia.com/suprunovskie-ctenia>).

В этом издании мы предлагаем вниманию широкого круга читателей самую известную работу ученого – «Славянские числительные», которая публикуется в соответствии с изданием: Супрун А. Е. Славянские числительные. Минск : Изд-во БГУ, 1969.

*Е. Н. Руденко,
доктор филологических наук*

От автора

В данной работе анализируется процесс кристаллизации тех грамматических свойств, которые позволяют говорить о числительных славянских языков как об особой части речи. Под частями речи при этом понимаются разряды самостоятельных слов, характеризуемые пучками грамматических (морфологических и синтаксических) оппозиций, в общности которых проявляется семантическая общность слов, составляющих данную часть речи.

Эта книга задумана как обобщение предшествовавших ей работ автора о славянских числительных. Больше внимания в ней уделено тем вопросам, которые существенны для всей эволюции числительных в славянских языках. Частные же явления, типичные лишь для отдельных языков или не связанные с основными изменениями славянских числительных, здесь не рассматриваются. Многие вопросы, затронутые в этой книге, уже получили специальное освещение в монографиях автора о русских, старославянских и полабских числительных, а также в ряде статей. В этих публикациях, а также в докторской диссертации автора дана и более подробная документация ряда явлений.

В ходе подготовки работы автору довелось неоднократно выступать с изложением отдельных ее частей и всего труда в целом. В связи с этим многие коллеги высказали немало полезных и нужных замечаний, учет которых очень помог автору в его труде. Автор безгранично благодарен коллегам за поддержку и помощь.

I. Семантические предпосылки превращения числительных в особую часть речи

По принятому в данной работе определению, в общности грамматических свойств слов, относящихся к одной части речи, проявляется их семантическая общность. В различиях пучков оппозиций, характеризующих различные части речи, проявляются семантические различия групп слов, относящихся к различным частям речи. Если в категориях частей речи осуществляется связь слов с грамматикой, то очевидно, что конкретные особенности этой связи зависят от семантики слов. Значит, для того чтобы некоторая группа слов стала особой частью речи, необходимо возникновение семантической общности этих слов, отличающейся от семантических общностей других групп слов. Условие это необходимо, хотя и не достаточно. Можно легко представить себе, что некоторые слова образуют тесную, семантически спаянную группу слов, однако не имеют особых грамматических свойств и, следовательно, не составляют особой части речи.

Сложение семантической общности слов представляет собой процесс приобретения некоторой группой слов общих семантических свойств, отличающихся от свойств других частей речи. Общность семантики слов, входящих в одну часть речи, может быть достаточно широкой. Так, семантика существительных довольно разнообразна: слова *белизна*, *веселье*, *стол*, *уроженце*, *чтение*, *груша*, *Пушкин*, *радость*, *лев*, *осада* и др. обладают довольно различающимися друг от друга значениями; это не мешает им, однако, входить в одну часть речи. В данном конкретном случае в основе общности лежит так называемая грамматическая предметность. Существенно при этом, что семантическая общность рассматриваемых слов отличается от семантических общностей других частей речи. Такие слова, как *зеленый*, *звонко*, *веселиться* или *читать* не могут быть подведены под понятие предмета. Таким образом, семантическая общность одновременно отличает данную часть речи от других. Семантические свойства частей речи находятся в определенных отношениях между собой. Совокупность этих отношений составляет определенную семантическую систему частей речи.

Изменения семантических свойств некоторой; группы слов, таким образом, имеют системный характер. Если такие изменения ведут к выделению некоторой части речи, то изменяются не только семантические черты данной группы слов, но и вся система семантических противопоставлений между частями речи.

Грамматическая общность числительных в славянских языках, а с нею и превращение числительных в особую часть речи, является отражением той их семантической общности, которая еще продолжает складываться как результат проникновения в повседневную жизнь, в практическое мышление сравнительно абстрактного, близкого к математически отвлеченному, представления о числе и количестве. Аналогичный семантический процесс происходит и во многих других языках, но не везде он принимает именно те формы, которые имеют место в славянских языках прежде всего в связи со спецификой исходного материала как в семантическом, так и – что весьма существенно для формирования числительных как части речи – в грамматическом отношении.

Чтобы разобраться в специфике семантического становления славянских числительных, полезно остановиться на исходных данных и возможных путях развития числительных вообще в различных языках мира, а уже на этой базе рассмотреть специфические славянские черты семантики числительных.

Как известно, в основе логического определения понятия числа, так же как и в основе становления этого понятия в генетическом плане, лежит счет, однооднозначное соотнесение элементов двух множеств, одного пересчитываемого с другим, являющимся эталоном этого счета. А. Н. Колмогоров¹ справедливо предупреждал, что при исследовании языка чрезвычайно важно учитывать тот факт, что «язык возник значительно раньше формально-логического мышления». Числительные в этом отношении весьма интересны; с одной стороны, их возникновение относится как раз к начальному этапу зарождения формальной логики: числа – это уже связанные с формальной логикой элементы человеческого мышления и сознания. Поэтому к числительным может быть применен формально-логический аппарат, поэтому в генезисе чисел и в логическом определении числа есть нечто общее. Но, с другой стороны, числа и числительные возникали на самой заре формально-логического мышления. Вот почему имеется довольно сложная картина смысловой эволюции числительных, вот почему даже в этой, чуть ли не самой логичной, части речи есть до сих пор немало нелогичного.

¹ Колмогоров А. Н. Автоматы и жизнь // Возможное и невозможное в кибернетике. М., 1964. С. 26.

В качестве эталона, счетного устройства, с которым сравнивались элементы пересчитываемого множества, использовались, по-видимому, различные предметы: наборы раковин или камешков, иногда нанизываемые, как четки, бусинки, палки с зарубками, части тела. Однако преимущество частей тела, поскольку этот счетный прибор находится всегда с собой, а пальцев в особенности, ибо они, сверх того, удобны для счета, привело к тому, что пальцы стали наиболее употребительными орудиями для счета¹. Это отражается в том, что обозначения чисел во многих языках связаны с названием пальцев или операцией счета на руках и ногах. Используют показ пальцев для обозначения количеств и дети в период освоения числительных. Ср. также роль жеста при использовании числительных в речи афатика: «На вопрос «Сколько букв в слове?» Ц. отвечает жестом, показывая три пальца; после этого, глядя на три пальца своей руки, он называет числительное **три**. В данном случае, – комментирует Вяч. Вс. Иванов, – знаки звукового языка – числительные явно оказываются производными от знаков языка жестов, что сопоставимо с аналогичными явлениями в разных языках мира, восходящими к весьма древней эпохе»².

Что касается множества считаемых предметов, то надо обратить внимание на следующие два обстоятельства. Считаемые предметы рассматриваются как однородные; их однородность состоит уже в том, что их можно считать в качестве элементов некоего множества. Это одно. Второе. Множество считаемых предметов может быть расположено во времени и пространстве. Иначе говоря, можно считать предметы, выставленные в ряд (или в каком-то другом порядке) перед считающим в пространстве, считать можно последовательные (во времени) появления некоторого одного предмета, наконец, можно считать появления некоторых предметов, присваивать этим предметам номера.

В языках мира широко отражены все три возможных типа счета. Это подчеркивал Б. Л. Уорф в связи со своей гипотезой лингвистической относительности. В языке хопи «несколько дней» воспринимается не так, как «несколько людей», к чему склонны наши языки, а как последовательное появление одного и того же человека³. С. Д. Кацнельсон отмечал важность

¹ «Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творческого разума», – замечал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. М., 1961. С. 37.

² Иванов В. В. Лингвистика и исследование афазии // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 79.

³ См.: Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Новое в лингвистике, 1. М., 1960. С. 164. Уорф несколько недооценивает способность людей к лингвистической критике текста, снимающей в случае необходимости подобные наслоения.

порядковых числительных (обозначающих номер предмета) для выражения числа в некоторых языках¹.

В славянских языках обычные количественные числительные были связаны, по-видимому, со счетом предметов, составлявших пространственный ряд. Что касается последовательного появления одного и того же предмета, то оно получило в славянских языках свое выражение, например, в виде сочетаний слов *пять раз* и под., в виде слов типа *дважды*, *трижды* и т. д., однако все эти выражения являются вторичными.

Присвоение номера каждому считающему предмету позволяет использовать этот тип счета как счет завершающий. Остановившись на последнем из подсчитываемых предметов, можно сделать номер этого предмета представителем всего количества. «Пятый» будет тогда означать не только качество данного предмета (его свойство иметь в данном ряду номер пять), но и количество всех предметов в данной совокупности, ибо счет завершается на этом пятом. Речь идет о специальных выражениях типа *сам-пят*. Выражения эти, отмеченные еще в санскрите, встречающиеся в древнегреческом языке, получили наибольшее распространение в славянских и германских языках. Можно назвать эти числительные завершающими, ибо основное значение их состоит в том, что они обозначают количество (преимущественно людей) посредством указания номера считающего (очевидно, считающий считает себя последним): «сам – пятый» (т. е. Иван – первый, Петр – второй, Андрей – третий, Семен – четвертый, а (я) сам – пятый), как номера, завершающего счет.

Словообразовательная структура завершающих числительных в славянских, как и в других индоевропейских языках, достаточно прозрачна: после местоименного компонента *сам* следует собственно числительный компонент в форме порядкового числительного (*друг, втор, треть, четверт, пят, десят* ...).

Но лексическое добавление к слову, обозначающему номер, последнего предмета, снижало универсальность завершающего счета, ибо ограничивало семантику завершающих числительных приложимостью только к группам людей. Решение проблемы использования слова, обозначающего номер последнего предмета при завершающем счете, для обозначения количества предметов лежало на другом пути. Этот путь состоит в том, что в качестве обозначения количества стали использоваться существительные, образуемые от порядковых прилагательных, обозначавших номер последнего предмета. Понимание количественных типа *пять* как образованных из поряд-

¹ См.: Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М.; Л., 1949. С. 137–138 и др.

ковых типа *пять* общепринято. Первичным значением существительных, образовавшихся от порядковых прилагательных типа *пять* при помощи суффикса *-ь*, было общее значение отвлечения, абстрактизации признака. А. Мейе верно характеризует рассматриваемые существительные, называя их абстрактными (пришедшими в славянском на замену исчезнувшему индоевропейским неизменяемым числительным¹). В самом деле, если модель образования рассматриваемых слов представлена, например, в современном русском языке такими словами, как *рябь*, *(в)кривь*, *новь*, *твердь* (ср. ст.-сл. *тврѣдь*), *бель*, *цвель*, *прель*, *гниль*, *голь*, *быль*, *озимь*, *зелень*, *синь*, *чернь*, *(в)старь*, *хворь*, *сырь*, *желть*, *дичь*, *глушь*, *сушь*, то скорее это именно отприлагательные абстрактные существительные, а собирательное значение в словах этого типа развилось позже², причем не во всех. Как слово *новь* обозначало нечто новое, *твердь* – нечто твердое, *бель* – нечто белое, так *пять* обозначало нечто пятое, т. е. пятый предмет, являющийся в данном счете завершающим.

Уже было отмечено, что при счете предметы рассматриваются как однородные. Однородность эта может быть достаточно относительной. «Чтобы считать, – писал Ф. Энгельс, – надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств, кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития»³. На более ранних этапах развития человеческого мышления отвлечение от свойств предметов не могло быть столь сильным, как теперь. С этим, возможно, связано и наличие различных систем счета, различных счетных слов для разных предметов. В русских говорах существует довольно развитая система обозначения различных количеств *льна и близких ему культур*: *горсть*, *повесмо*, *емок*, *пучок*, *кербь* и т. д. Эта система счета неприменима для других предметов; для счета, например, скошенных зерновых использовались уже другие счетные слова: *копна*, *крестец*, *скирд*, *стог* и т. д.

¹ См.: Meill A. [et.]. Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave, p. 2. P., 1961, p. 280. Согласно вероятному предположению А. И. Соболевского („Slavia“, 1927, V, 3) в слове девясил/девесил (ср. сербохорв. невесиль), да может быть, девяносто и Девягорск сохранилась старая основа числительного девять (еще без *-т-у*). Возможно, сохраняется старая основа и в числительных типа чешского *šedesát*. Ср. и важное исследование О. Семереньи: O. Szemerényi. Studies in the Indo-European System of Numerals, pp. 110–111. Ср.: ВЯ, 1967, № 4. С. 9–10.

² Ср.: Азарх Ю. С. Из истории русского словообразования // Учен. зап. Елабуж. гос. пед. ин-та. Т. XIII. Сер. истории и филологии. Елабуга, 1962. С. 160.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. С. 37.

Тридцать повеем льна обозначались одним словом (*горсть* – по Далю), тридцать снопов – другим (*полкопны*), а тридцать яиц – третьим (*полкопы*).

В дальнейшем специальные системы счета для разных предметов постепенно утрачиваются. Некоторые из слов, применявшихся для счета того или иного ряда предметов, могут проникнуть в общую систему числительных (ср. русск. *сорок*, словацкое устар. диалектное *теги* «40», полабск. *stig* «20» и *pöl t'ürě* «30»), большинство же таких слов уходит из языка. Стройность системы числительных, напоминающая в этом отношении систему научной терминологии, как правило, ведет к исчезновению всяких несистемных элементов.

Характерной семантической чертой слов, входивших в специализированные системы счета, является присущее им значение совокупности. Счетные слова этого типа обозначали целые совокупности предметов. Они не требовали пояснения, что именно считается. *Копна*, *горсть* или *скирд* были мерами определенных величин, и значение количества было поглощено в них более обширным и вместе с тем более конкретным значением совокупности. Внутри совокупности для определения порядка меры, ее границ производился подсчет составных элементов, однако этот подсчет является как бы внутренним, подчиненным. Когда подсчет произведен, совокупность выступает как целое, нерасчленяемое (кроме случаев образования долей, дробей этого целого; ср. *полкопы*, *полкопны* и т. д.). С другой стороны, совокупности, меры сами могли считаться (ср. *три сорока*), причем имелись меры более высокого порядка (типа *копна* = 60 *снопов*, *скирд*(а) = * 10 *копен*; в различных местах соотношение таких мер может быть разное, но в пределах одной территории обычно существовала некоторая система мер)¹.

Если одни счетные слова имели значение совокупности, причем сама эта совокупность понималась как некоторый предмет, включающий ряд более мелких предметов, то другая группа счетных слов, обозначавших преимущественно небольшие количества предметов, представляла количество как свойство предметов, входивших в группу: *дъва брата* – это множество братьев, свойством которого является то, что его составляют два элемента; *четыри окъна* – это множество окон, характеризующееся тем, что ею образуют четыре элемента. Множество таких предметов понимается как расчлененное. Свойство приписывается не единому предмету, состоящему из нескольких частей, а этим нескольким частям, составляющим группу,

¹ Глускина С. М., видимо, справедливо усматривает в сохранявшемся довольно долго союзном соединении компонентов составных числительных некоторые следы счета мерами.

но не единство. В славянских языках такова первоначальная семантика числительных *дѣва, триє, четыре*.

Но количество как свойство может быть приписано и единому предмету, совокупности, понимаемой как единый предмет. Такое свойство можно понимать как признак данного (сложного) предмета, который состоит из нескольких составных частей. Не признак нескольких предметов, составляющих некоторую совокупность, а признак совокупности, понимаемой как единый предмет и состоящей из нескольких предметов. Видимо, такой семантикой обладали первоначально числительные *дѣвойь/тройь, четверь (четворь)* и т. д. В дальнейшем семантика этих слов претерпела значительные изменения: форма множественного числа, прилагавшаяся к существительным *pluralia tantum*, стала обозначать уже не только, а затем и не столько состав совокупности, называемой существительными, сколько количество самих совокупностей (это было нужно в связи с тем, что такие числительные, как *дѣва*, не могли быть приложены к существительным *pluralia tantum*, ибо при них существительное должно было употребляться в двойственном числе, что было невозможно для существительных, имевших только множественное число). Числительные типа *дѣвойь*, как и числительные типа *дѣва*, обозначали свойство, качество, признак предметов, и это облегчало их сближение. Вместо слов *дѣвойь* и под. в таком значении в ряде славянских языков стали употребляться прилагательные *двойной, двоякий* и под. Надо отметить, что еще на базе старого значения возникали глаголы *двоить(ся)* и под., обозначавшие процесс деления единого предмета на части, а уже позже – умножения (обычно с приставками: *учетверить, счетверить*). Но хотя уже в период первых письменных памятников выражения типа *дѣвое сѣтование* не были частыми, отнюдь нельзя сказать, чтобы они исчезли полностью. В этом отношении славянская языковая область дает картину довольно пеструю и неравномерную. Если в болгарском и македонском языках числительные типа *дѣвойь* вообще исчезли, в восточнославянских языках, а также в польском и, с известными оговорками, в словацком языках их разделительное значение было утрачено, а с ним утрачены и все формы, кроме бывшей формы единственного числа среднего рода, которая выступает в количественном значении, то в чешском, сербо-лужицких, словенском, сербско-хорватском языках разделительное значение числительных типа *дѣвойь* не было утрачено, а с ним и сохранились родовые формы этих числительных и т. д.

Между тем, семантически слова типа *пять* не оставались неизменными. Если первоначально они, по-видимому, обозначали опредмеченное свойство «быть пятым», то постепенно связь между словами *пять* и *пять* (пятый)

начинала пониматься не в соответствии с этимологией, а наоборот: *пять* (пятый) стало пониматься как производное от *пять*; слово, обозначающее порядковый номер, стало пониматься не как непосредственный результат счета, а как установление связи между тем предметом, к которому оно относится, и числом 5: *пятый предмет = предмет номер пять*. Для этого, возможно, были некоторые исторические предпосылки, состоявшие в том, что индоевропейские порядковые являются производимыми от количественных, которые затем славянскими языками были утрачены. Процесс этой утраты едва ли можно представить в отрыве от возникновения вторичных количественных в славянских языках. Было, по-видимому, некоторое время, когда индоевропейские количественные еще существовали в праславянском языке, а отвлеченные количественные имена типа *пять* уже появились. Имена типа *пять* по некоторым своим чертам были более удобны, чем старые индоевропейские числительные. К числу таких удобств относится их большая грамматическая определенность – склоняемость (ср. и склоняемость числительных в санскрите), ярко выраженная способность выступать в качестве подлежащего (ср. замечание А. Мейе о том, что индоевропейские числительные 5–10 «напоминают первые части сложения»¹).

Процесс вытеснения старых неизменяемых числительных именами типа *пять* сопровождался семантической контаминацией, совмещением в новых числительных-существительных именных значений с количественными значениями старых количественных числительных. Слова типа *пять* стали обозначать количество, понимаемое как некий предмет, как некоторое опредмеченное свойство, но теперь уже не свойство «быть пятым», а свойство «быть в количестве пяти». Нетрудно увидеть, что при таком значении происходило сближение числительных-существительных типа *пять* с числительными-прилагательными типа *три*, обозначавшими свойство расчленение понимаемого множества, состоящего из нескольких элементов. Разница состояла в том, что числительные-существительные обозначали опредмеченное свойство, а числительные-прилагательные – свойство как признак. С другой стороны, происходило известное сближение значения слов типа *пять* со словами типа *копа* или *сорок*. Здесь базой, основанием для сближения значений было понимание количества как предмета. Наиболее ярко проявилось это в словах *копа* (и *полкопы*), а также *сорок* (если принять, что на славянской почве это слово было обозначением мешка, содержавшего 40 шкур). В значении этих слов на известном этапе главным становилось уже не общее значение меры, а значение количества составных частей этой

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1936. С. 411.

меры. Дальнейший отрыв значения количества от значения меры позволил этим словам частично вытеснить соответствующие числительные: в восточно-славянских языках слово *сорок* стало употребляться вместо **четыредесятъ*; в поморском (кашубском) *кора* стало употребляться в значении «60», а *ро̀л̀кору* в значении «30»; в полабском *rõl t'ürë* вытеснило старое числительное для 30 в словацком говоре вместо числительных для 40 употреблялось слово *meru*, «возвратившееся» из венгерского, в котором оно характеризуется как славянское заимствование¹. Для славянских языков в отношении вхождения в систему числительных слов, обозначающих совокупности, характерны некоторые общие факты. Во-первых, все такие случаи связаны с иноязычным влиянием; можно думать, что иноязычное влияние, заимствование, а иногда и калькирование слов, способствует забвению связи слов с системой мер и облегчает проникновение их в родственную систему обозначений чисел. Так обстояло дело в словацком, где приобретение словом значения 40 безусловно связано с его «путешествием» в венгерский и обратно; так обстоит в полабском, где *rõl t'ürë* напоминает средненижненемецкое *halb Schock*; так, по-видимому, обстоит дело и с восточнославянским *сорок*, для которого едва ли можно исключить иноязычное, возможно, восточное, влияние. Что касается использования слова *кора* в кашубских, прежде всего в словинских говорах, то и здесь немецкое влияние вполне вероятно. Другая особенность внедрения «совокупностных» слов в систему числительных в славянских языках состоит в том, что они играют роль своеобразной границы между двумя типами названий десятков; ср. русск. *двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят* и т. д.

Несколько иначе было дело в словинских говорах, где вообще были утрачены обозначения десятков от 30 до 90, а вместо них употреблялись «описательные» названия чисел². В других кашубских говорах, так же как и в говорах украинского языка³, слова *копа* и *полкопы* в функции числительных (вплоть до образования с ними составных числительных; ср. укр. диал. *два пів копн* «32») выступают параллельно с обычными числительными⁴.

Таким образом, семантическое сближение слов типа *пять* и слов типа *копа* имеет в славянских языках весьма ограниченный характер и проис-

¹ Stanislav J. Deiiny slovenskeho iazvka, II. Bratislava, 1967. С. 393.

² См.: Lorentz F. Gramatyka pomorska, III. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 1962. S. 953.

³ См.: Вєрхратський І. Говір замішанців // Зап. Наук. товариства ім. Шевченка. Т. III. С. 175, 180.

⁴ Ср.: еще в словенских говорах Резни и Каринтии использование слова *red* «ряд, укос» в значении «10» в составе сложных числительных 30, 40, 50: *st'irredi* и под. F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika. 1952. S. 112.

ходит в особых благоприятных условиях: на границе между типами образования числительных и при наличии иноязычного влияния.

Изменения в семантике слов типа *дъвойь* и типа *пять* явились также базой для сближения их значений. Существенным условием сближения семантики этих слов является развитие у слов типа *дъвойь* количественного оттенка значения. Числительные типа *дъвойь* в единственном числе употреблялись преимущественно в разделительном значении (хотя есть и случаи с количественным оттенком), а во множественном числе при сохранении разделительного развивался количественный оттенок значения.

Развитие количественных оттенков имело лучшую базу именно во множественном числе в связи с тем, что именно здесь, употребляясь с существительными, исключительно или преимущественно встречающимися во мн. ч., числительные типа *дъвойь* могли совместить количественное и разделительное значение (ср. пример *веригами дъвоими*). Из этого очага количественное значение проникало и в другие случаи, где оно закреплялось и легче могло освободиться от разделительного оттенка. Возникая во множественном числе, количественное значение собирательно-разделительных числительных превращалось в самостоятельное значение при пересадке его в формы единственного числа. Развитие же количественных оттенков значения собирательно-разделительных числительных сближало их с числительными-существительными типа *пять*.

Важным элементом, сближавшим значения слов типа *пять* и слов типа *дъвойь*, были, по-видимому, числительные-прилагательные типа *трие*. С одной стороны, чисто количественное значение сближало их с количественными существительными типа *пять*, а с другой стороны, тот факт, что слова эти обозначали количество как признак, сближал их семантически со словами типа *дъвойь*, которые тоже обозначали количественный признак.

Таким образом, на некотором этапе существования праславянского языка в нем сложилась некоторая семантическая система слов с количественным значением. В эту систему входили:

1. Порядковые прилагательные (*пять, треть, четверть*).
2. Числительные-существительные (*пять, десять*).
3. Числительные-прилагательные (*дъва, трие, четыре*).
4. Прилагательные с разделительно-количественным значением (*дъвойь, четверь/четворь*).
5. Существительные с совокупностно-количественным значением (*копа, сорокъ*).

Стержнем такой системы является значение количества. Наиболее ярко выражено количественное значение в числительных-существитель-

ных и числительных-прилагательных. К числительным-существительным примыкали некоторые все больше порывавшие со своей метрологической средой существительные с совокупностным значением, развивавшие количественные оттенки значения. К числительным-прилагательным, к числительным-существительным, а также к совокупностным существительным, примыкали прилагательные с разделительно-количественным значением, в которых количественное значение иногда отделялось от разделительного. Порядковые прилагательные тоже бесспорно имели отношение к словам с количественным значением, прежде всего к числительным-существительным, но отношение это было менее ярко выраженным. Дело в том, что слова эти содержали в себе значение числа, но не количества, в то время как все прочие количественные слова соотносились друг с другом в семантическом отношении именно потому, что одним из их семантических множителей было количество.

Такова горизонтальная семантическая система слов с количественным значением. Она представлена на схеме 1.

Итак, количественное значение является тем фактором, который объединяет слова типа *пять – сорок – трие – дъвое*. Но специфика системы количественного значения такова, что она не только горизонтальна, но и вертикальна. Под вертикальным сечением количественного значения понимается соотнесение различных количеств. Тогда вертикальную систему количественных значений составят слова *дъва, трие, четыре, пять, шесть, седьмь, осмь, девять, десять...*

Вертикальная система значений количественных слов в праславянском языке входила в сложное взаимодействие с горизонтальной системой.

Во-первых, такие основные элементы обеих систем, как числительные-существительные и числительные-прилагательные, соотносятся с членами натурального числового ряда, продолжая друг друга. Этот немаловажный факт является основой для их все большего семантического сближения.

Во-вторых, совокупностные существительные сближаются семантически с числительными-существительными главным образом в том случае, если они тоже начинают соотноситься.

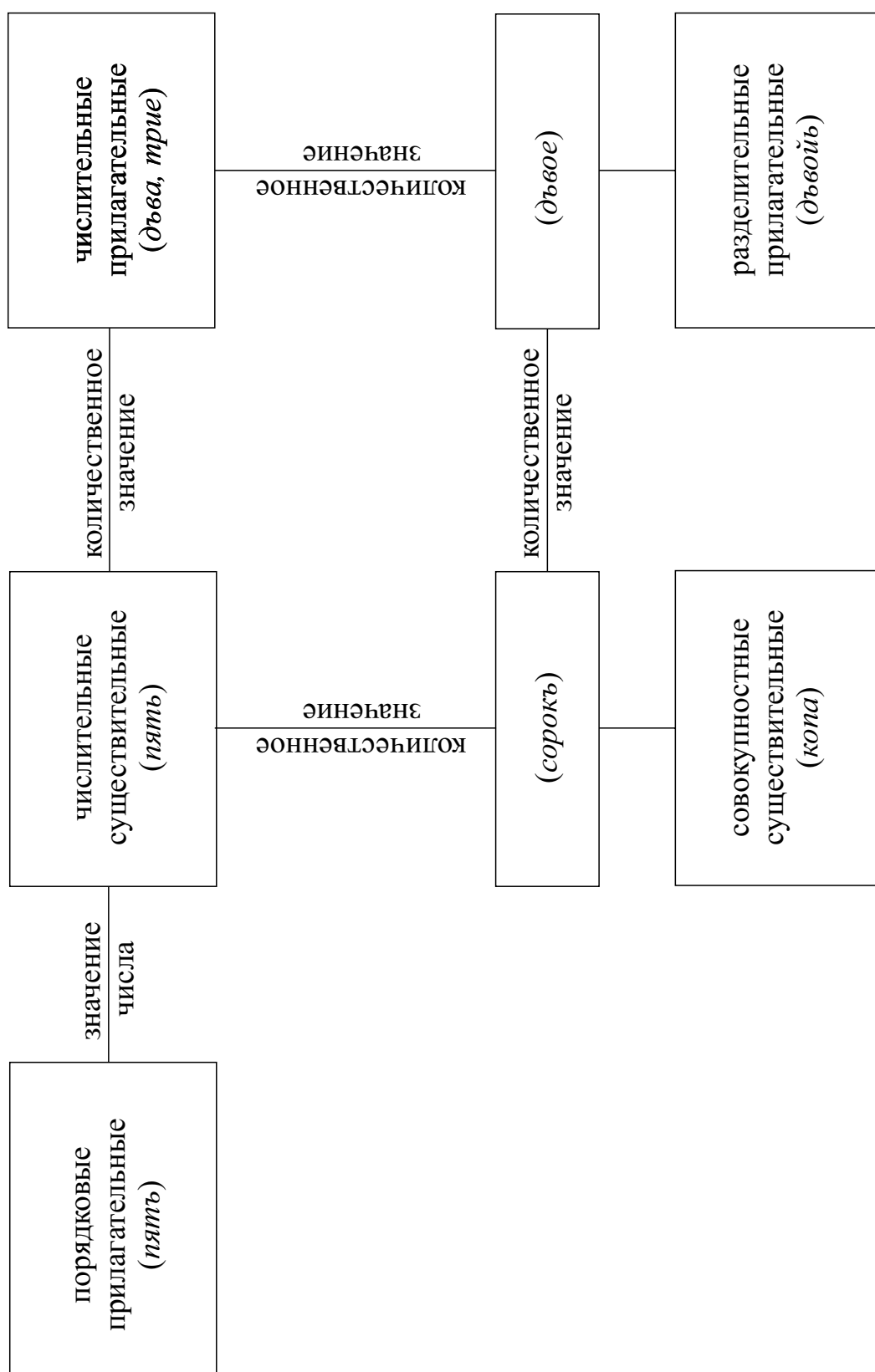

Схема 1

С натуральным числовым рядом по такому же способу, как и числительные-существительные.

Таким образом, по вертикальной системе происходит выравнивание трех групп в одну.

Выравнивание трех групп в одну означает максимальное семантическое сближение слов типа *дѣва*, слов типа *пять* и слов типа *копа* (для некоторых языков) или *сорокъ* (для других языков). Поскольку основой для такого сближения оказывается соотнесение с натуральным рядом чисел, очевидно, что в значении этого столбца намечается новое значение, значение числа. Слова *дѣва*, *пять* и *сорокъ* начинают означать не только количество, что их объединяло раньше, но и число, что делает их ряд более стройным благодаря соотнесенности с числовым рядом. С другой стороны, семантическое сближение указанных слов состоит не только в выдвигании в их семантике на первое место значения количества и числа, но и в постепенном стирании некоторых дополнительных к этому основному значению оттенков, которые раньше составляли семантическое отличие слов типа *дѣва* от слов типа *пять* и т. д. Правда, общая характеристика понимания количества как предмета или как свойства сохраняется в соответствующих числительных надолго, однако общее значение количества настолько сильно, настолько резко проявляется в рассматриваемых словах, что в семантическом отношении эта предметность или призначность количества различается минимально, лишь как следствие грамматической характеристики слов, а не как самостоятельная семантическая характеристика.

Соотнесение выравниваемого ряда «числительных», с числовым рядом требует заполнения пустых клеток вертикальной системы числительных. В качестве одного из заполнителей пустых клеток в ряд входит слово *съто*. Это слово с количественным значением не затрагивалось раньше в данной главе не потому, что предполагалось его отсутствие в праславянском языке или не замечалась его связь с количественным значением, а потому, что не вполне ясно значение этого слова на древнейшем этапе праславянского языка. Этимологические словари возводят это слово к индоевропейскому обозначению «десяти десятков» и пытаются разъяснить не вполне закономерный фонетический облик слова на славянской почве. Этот облик вел к тому, что ряд лингвистов, в частности Бругман, видели в слове *съто* иранское заимствование. Другие языковеды, в их числе, например, Мейе и Фортунатов, доказывали, что славянское *съто* можно вывести из индоевропейского и без посредства иранского. В индоевропейском слово **(d)kmtó-* относилось к именам среднего рода с суффиксом *-to-* и регулярным склонением.

В древнейших известных славянских письменных источниках *съто* выступает в значении «100», однако весьма любопытно отмечаемое в древнерусских источниках, а также отраженное в производном образовании (*сътъникъ*) значение слова *съто* как обозначения административной и территориальной единицы в древней Руси. Это значение делает допустимым отнесение слова *съто* как к группе существительных с количественным значением (типа *пять* на втором этапе его семантического развития), так и к группе существительных с совокупностным значением (типа *копа*). Так или иначе к тому времени, когда происходило семантическое выравнивание ряда «числительных», в него вошло и слово *съто*, хотя и продолжал существовать его омоним *съто* – «административная и хозяйственная единица». Подобным образом при сохранении омонима со значением административной и военной единицы вошло в столбик «числительных» и слово «тысяча».

Заполнение ряда пустых клеток вертикальной системы слов с числовым количественным значением происходило путем вхождения в них сочетаний слов (типа *дѣва на десяте*, *дѣва десяти*), значение которых можно определить как количественно-числовое. В этих словах предметный оттенок, который был присущ словам типа *пять*, *сорокъ*, *съто*, и оттенок признака, который присущ был словам типа *дѣва*, стирался, уступая первое место значению количества и числа. В семантическом отношении роль будущих сложных и составных числительных исключительно велика тем, что они, по-видимому, ранее, чем другие (простые) числительные, освобождались от дополнительных семантических оттенков, которыми еще долго отягощается основное значение количества и числа у простых числительных. Это, очевидно, связано и с дистрибуцией, реальным использованием будущих составных и сложных числительных. Будущие составные и сложные числительные использовались не для обозначения мер, а для выражения чисто количественных значений.

Будущие составные и сложные числительные укрепляли соотношение столбика «числительных» с натуральным рядом чисел. Значение числа твердо включается в семантическую характеристику числительных. Наличие составных и сложных числительных дает возможность полного установления соотносительности между столбиком числительных и элементами числового ряда; составные и сложные числительные в большей мере, чем простые числительные, выражают только числа с их весьма специфическим содержанием.

«Число, – указывал Ф. Энгельс, – есть чистейшее количественное определение, какое мы только знаем»¹. Приобретение словами с количественным

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. С. 573.

значением семантики числа было не просто фактом появления у них некоторого нового смыслового оттенка, но и фактом становления специфической семантики числительных, отличающей их от других слов. Количества могло пониматься и реально понималось как предмет, поскольку оно в сущности устанавливало связь между числом и предметом, но значение числа едва ли допускало опредмечивание. Число это скорее свойство предмета, чем сам предмет. Значение числа, развивавшееся у числительных, вело не только к консолидации будущих числительных как второго «я» чисел, но и к установлению и углублению их семантической специфики по сравнению с другими словами.

Складывавшийся ряд будущих числительных должен был включить и элементы, соотносимые с такими членами числового ряда, как 0 и 1. Понятие нуля – продукт недавней эпохи. Слово, соотносимое с этим понятием, в формах *нуль* и *ноль* было отмечено, например, русскими словарями только в начале XIX века, хотя и встречалось оно уже в учебных тетрадах Петра I¹. Естественно, что в тот период, когда только формировался ряд слов, соотносительных с числовым рядом, и у будущих числительных складывалось значение числа, понятие о нуле и соответствующее слово еще не существовало и не могло играть роли в образовании семантической группы числительных.

Что касается слова, соотносимого с 1 в числовом ряде, то и оно, хотя это и воспринимается иногда как парадокс, не относится к числу йервых числовых слов. Дихотомия «один – много», бесспорно, – одна из первых количественных дихотомий человеческого мышления, находила свое воплощение в различных формах. Феттвейс в своем исследовании понятия числа у так называемых «естественных народов» отмечал, что числительное «два» появляется раньше, чем «один»². Это подтверждается и данными детской речи. В связь с этим ставят и отсутствие общеиндоевропейского слова для единицы. В праславянском языке, конечно, было слово для обозначения единицы, возможно, это было еще **инь*, а может быть уже и **единь*. Но с точки зрения семантики это слово имело скорее значение некоторого выделительного местоимения, чем числительного.

Во-первых, основным стержнем слов с количественным значением было в праславянском языке именно значение количества, а слово *единь* едва ли могло пониматься как обозначение количества³. Слово *единь* (или *инь*),

¹ См.: Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964. С. 20.

² Fettweis E. Das Rechnen der Naturvolker. Berlin; Leipzig, 1927. S. 53.

³ «До тех пор, пока существовало только представление 1, не могло быть и речи о количественном мышлении», – замечал И. А. Бодуэн де Куртенэ. [Количественность в языковом мышлении. С. 315].

по-видимому, употреблялось скорее для того, чтобы выделить некоторую единицу из ряда (множества) ей подобных, чем для того, чтобы этим обозначить количество.

Во-вторых, слово *единъ* (или *инъ*) имело целый ряд значений, которые связывали его и мешали ему сосредоточиться на выражении одной неглавной для него, но главной для других количественных слов функции – обозначения количества и числа. Отягощенность, более того, перегрузка слова *один* значениями ведет к тому, что в современных славянских языках оно остается своеобразным местоимением.

Лишь одно из многих значений слова *один* позволяет зачислять его в группу слов, соотносимых с числовым рядом. Другими же своими значениями слово *один* остается за пределами этой группы.

Так было в праславянский период, так, по существу, осталось и сейчас. С числительными слово *один* скрепляет то, что оно входит в составные и сложные числительные. Даже при счете, когда числовые значения выделяются резко, если не происходит реальное или подразумеваемое наименование считаемых предметов, слово *один* вытесняется словом *раз*.

Таким образом, еще в праславянском языке сформировалась группа слов и сочетаний слов со значением количества и числа, соотносимых с натуральным рядом чисел. Именно эти слова, консолидировавшиеся вокруг натурального числового ряда, слова, значение которых унифицировалось как значение количества и числа, послужили основой для будущей, части речи – имени числительного. Но для формирования числительных как особой части речи дело не могло ограничиться семантической группировкой и семантической унификацией. Для превращения числительных в часть речи должны были еще произойти определенные грамматические преобразования, база для которых имела или создавалась еще в праславянском языке.

Как уже отмечалось, слова типа *дъвойъ*, которые употреблялись первоначально, по-видимому, в разделительном значении, приобрели количественное значение, которое в ряде славянских языков вытеснило первоначальное разделительное. Утрата собирательно-разделительных числительных в болгарском и македонском языках, возможно, связана с тем, что их значение совпало со значением обычных количественных числительных и они потеряли смысл своего существования. Возможно, утрата украинскими собирательно-разделительными числительными форм косвенных падежей и замена их формами косвенных падежей обычных количественных числительных имеет ту же семантическую основу, причем следует сказать, что именно в косвенных падежах семантика восточно-славянских «собирательных» числительных почти не отличается от семантики количественных.

Количественное значение собирательно-разделительных числительных однако не совпадало полностью со значением количественных числительных в большинстве славянских языков. Особенностью количественных по сравнению с собирательно-разделительными было (и остается) наличие у них значения числа. Собирательно-разделительные, когда они употребляются в количественном значении, не могут служить для обозначения абстрактного числа. Отвлеченное число (не количество предметов, а именно число) количественные числительные могут обозначать в том случае, если они употребляются без существительных. Собирательно-разделительные числительные не могут обозначать отвлеченного числа, а без существительных они обозначают обычно совокупность предметов, часто людей.

Собирательно-разделительные числительные, как в случае развития у них главного количественного значения, так и при сохранении разделительного значения, не выстраиваются во всю длину натурального ряда чисел, а ограничиваются частью этого ряда от 2 обычно до 10, иногда до 20, и затем для названий десятков (причем без ограничений употребляются лишь первые собирательные, примерно до 7–10). Не будучи соотносимы с числовым рядом полностью, собирательно-разделительные числительные большей частью не образуют составных. Вертикальная система числительных после десяти по сути дела (кроме польского языка) уже не включает собирательно-разделительных числительных.

В отличие от собирательно-разделительных числительных и всех прочих количественных слов, кроме количественных числительных, порядковые «числительные» выстраиваются в ряд, параллельный натуральному ряду чисел. Это и понятно. Порядковые «числительные» устанавливают отношение предмета к числу. Значение этих слов – не число, а отношение к числу. Значение порядковых «числительных» в этом смысле сближается со значением других относительных прилагательных: они тоже обозначают отношение к чему-то. Но у обычных относительных прилагательных это «что-то» – предмет, а у порядковых относительных прилагательных – число. Такое понимание значения порядковых прилагательных раскрывает семантическую основу использования слов типа *тысячный*, *миллионный*, *двухсоттысячный* и под. не только и не столько в порядковом, сколько в кратностном значении. Надо иметь в виду, что соотносительность порядковых прилагательных с числовым рядом во всем его объеме (начиная с *нулевого*) несколько теоретична: составные порядковые для больших чисел практически используются редко, а некоторые из них «существуют», по-видимому, лишь потенциально.

Значение порядковых прилагательных можно, таким образом, охарактеризовать как типичное значение прилагательных. Лишь соотноситель-

ность их с числовым рядом сближает порядковые с вертикальной (но не горизонтальной) семантической системой числительных. Они идут как бы параллельно вертикальной системе числительных, но, не включаясь в горизонтальную систему значений числительных, обладая специфическим значением не числа или количества, а отношения к числу, остаются за пределами семантической системы числительных славянских языков. Поэтому не возникает основания для развития грамматической специфики порядковых «числительных» по сравнению с прилагательными и грамматического сближения их с другими числительными.

Вообще грамматические особенности числительных определяются не вертикальной, а горизонтальной их семантической системой. Дело, иначе говоря, не в том, что те или иные слова соотносятся с членами числового ряда, а в том, что они имеют значение количества или отвлеченного числа. Преобладание у различных слов, соотносимых с числовым рядом, некоторых других значений ведет к тому, что эти слова не включаются в семантическую систему имен числительных; поэтому не возникает вопроса о становлении их грамматических свойств, схожих со свойствами числительных.

Напротив, в связи с развитием специфических значений числительных, не имеющих субстантивности или адъективности, возникает основание для замещающего производства новых слов с корнями числительных, соотносимых с числовым рядом, но обладающих значениями предметности, значениями тех или иных признаков, связанных с понятием числа. Это слова типа *двойка, пяток; втрое; тройной; семиэтажный; десятилетка; утроить* и т. д. Такие слова большей частью выстраиваются в небольшие вертикальные группы, соотносимые с несколькими (двумя – тремя, иногда большим числом) членами числового ряда. Наиболее часто эти слова соотносятся с числами 2, 3. Лишь немногие из них образуют большие вертикальные группы, распространяющиеся далее десяти. При горизонтальном разрезе (в точке вертикального ряда, соответствующей числу 2) образуется разветвленная и разнообразная система значений этих слов: *два, второй, двоякий, двойной, дважды, вдвоем, двое, надвое, двойня, двойка, двойственность, двойственный, двоечник, двойник, сдвоить, удвоить, раздвоить, двухэтажный, двугорбый, двуязычный, двуличный, двухметровый, двухлетка, двоеженец, двустиишие, двояковогнутый, двусторонне* и т. п. Слова этой системы, конечно, соотносятся со значением числа, но это значение во многих из них находится в связанном виде, его вычленение подчас уже дело анализа, а не живого языкового восприятия. Число – только тот стержень, вокруг которого подобные слова могут быть сгруппированы, но совсем не обязательно группируются.

Нет необходимости производить при анализе значения числительных дальнейшее дробление значения числа на его составные части. Принципиально возможно представить понятие числа как производное, разложить и это значение на семантические множители. Такое разложение даст возможность найти некоторые общие семантические черты, например, у числительных с многократными глаголами и степенями сравнения, но едва ли даст много нового на том уровне анализа, который для нас существен в данном случае, – на уровне анализа семантических особенностей частей речи, поскольку семантическим стержнем числительных как части речи была по крайней мере та совокупность семантических множителей, которая характеризует число.

Соотносимость значений слов с числовым рядом не является механическим показателем наличия у этих слов тех значений, которые были решающими при образовании числительных как части речи: соотносимости с числовым рядом недостаточно для отнесения слов к семантической группировке числительных. Но можно показать, что соотносимость слов с натуральным рядом чисел не является и необходимым условием наличия у слов тех семантических свойств, которые следует рассматривать как предпосылку отнесения слов к числительным как особой части речи.

Уже дроби соотносятся с натуральным числовым рядом довольно специфически. Поскольку дроби – это числа, составленные из целого числа долей единицы, дробные числительные можно соотносить и с обычными числительными количественными и с натуральным рядом:

<i>одна вторая</i>	<i>одна пятая</i>	<i>одна тридцатая</i>	<i>одна сотая</i>
–	<i>две пятых</i>	<i>две тридцатых</i>	<i>две сотых</i>
–	–	<i>шесть тридцатых</i>	<i>шесть сотых</i>
		–	<i>тридцать одна сотая</i>
	<i>и</i>	<i>три вторых</i>	
		<i>три третьих</i>	
		<i>три четвертых</i>	
		<i>три пятых</i>	
		<i>три шестых...</i>	

Однако соотношение такое не имеет того характера, что соотношение числительных количественных, обозначающих целые числа. В случае числительных, обозначающих целые числа, имеется полное соответствие значений слов два, три, четыре, пять и т. д. числовым понятиям. В случае

дробных числительных речь идет только о соотношении, а не о совпадении значений слов (или сочетаний слов) с членами натурального числового ряда. Совпадение значений слов с членами числового ряда в случае дробных числительных имеет место, но не с числами натурального ряда, а с дробными числами. Слова (пол, полтора; треть, четверть) и сочетания слов, обозначающие дроби, образуют чрезвычайно стройную, хотя и сложную систему, отражающую систему дробных чисел.

Но наряду с числами, находящими свое место в натуральном ряду, человеческое мышление оперирует еще и такими специфическими числами, которые не находят себе места в этом ряду. Начать можно хотя бы с «вопросительного числа»: *Сколько* ему лет? Сколько человек в комнате? *Сколько* будет дважды два? Слово *сколько* обозначает неизвестное число, которое мы хотим выяснить.

Возьмем некоторые примеры еще: Прошло *несколько* лет. *Несколько* человек вошло в комнату. Из ста книг было затеряно *несколько*. В них слово *несколько* соотносится с некоторым неопределенным числом.

Примеры можно было бы продолжить. Слово *много* очевидно соотносится с некоторым неопределенно большим числом, слово *мало* – с неопределенно малым числом. Общим значением для всех этих слов можно считать то, что они обозначают неопределенные числа. В отношении семантики нет никаких оснований сомневаться в законности соотношения как одинаковых типов значений неопределенных чисел и количеств с определенными числами и количествами. Иначе говоря, рассматривая горизонтальную семантическую систему числительных, можно допустить, что количество и число, выражаемые количественными числительными, могут быть как определенными, так и неопределенными. Отсюда следует сделать вывод, что слова, которые вырабатывают у себя неопределенно-количественное или неопределенно-числовое значение в чистом виде (не отягощенное, например, значением предметности: пониманием неопределенного количества как некоторой совокупности, типа *масса*), в семантическом отношении допустимо рассматривать как слова, входящие в горизонтальную систему числительных примерно на таких же правах, на каких в эту систему входят слова *два*, *пять* или *шестеро*.

Что касается места неопределенно-количественных слов в вертикальной системе числительных, то надо отметить их специфическое соположение по отношению к натуральному ряду. Отношение слова *много* (и аналогичных ему слов других славянских языков) к числовому ряду в очень большой степени зависит от ситуации. Соотносимость слова *много* с конкретными числами весьма релятивна. Аналогично этому и употребление слов *мало*,

немного. Хотя это и парадоксально, но нет верхнего предела для соотнесения слова *мало* с числовым рядом. В этом проявляется относительность, релятивность значений неопределенно-количественных числительных *много* и *мало*. Нижний предел соотнесения слов *много* и *мало* с числовым рядом одинаков, это, скорее всего – 3. В несоотнесимости слов *много* и *мало* с числами 1 и 2 можно видеть аналогию к уже высказанной мысли о том, что в языковом мышлении *один* – это еще не количество в полном смысле слова. Если *один* и *два* и понимаются как количества, то это слишком определенные количества, слишком легко пересчитываемые множества, чтобы о них можно было бы сказать неопределенно *много* или *мало*.

Интересно отметить, что и такое нерелятивное неопределенно-количественное слово как *несколько* тоже не соотносится с числами *один* и *два*. Элементарный эксперимент показывает, что слово *несколько* соотносится с числами, начиная от трех и кончая примерно двадцатью. В основном *несколько* – это некоторое число в пределах от 3 до 10; почти исключено, что *несколько* – это более двадцати. Верхний предел соотносимости этого слова с числовым рядом выражен не вполне четко. Более четко выражен он в тех языках, которые имеют образования типа укр. *кільканадцять*. Слово *кількадесят*, так же как и выражение *несколько десятков*, обычно соотносится с числами в пределах 40–90.

В русской аудитории были проведены следующие эксперименты по определению соотносительности слов *много* и *несколько* с числовым рядом. В предложении «Несколько человек идет по улице» было предложено заменить слово *несколько* количественным числительным. (На смысловую соотносительность этого слова с заменяемым словом *несколько* не указывалось). Если отбросить заведомо «неправильные» ответы (с заменой слова *несколько* словами *много*, *группа*, *счастливый*), остается 55 ответов, которые распределены так:

<i>двое</i>	1	<i>восемь</i>	3	<i>пятнадцать</i>	2
<i>трое</i>	1	<i>десять</i>	9	<i>восемнадцать</i>	1
<i>четыре</i>	2	<i>одиннадцать</i>	2	<i>двадцать</i>	3
<i>пять</i>	15	<i>двенадцать</i>	3	<i>тридцать</i>	1
<i>шесть</i>	3	<i>тринадцать</i>	2	<i>сорок</i>	2
<i>семь</i>	4	<i>четырнадцать</i>	1	<i>пятьдесят</i>	1

Таким образом, на числа от 3 до 10 падает 37, т. е. более половины ответов, а на числа от 3 до 20 падает 51 ответ, т. е. подавляющее большинство. Если учесть, что не оговаривалась смысловая соотносительность ответов со словом *несколько*, данные этого опыта представляются убедительными.

Совершенно иную картину дал другой эксперимент на установление соотносительности определенно-количественных числительных со словом *много*. В предложении «Здесь было много книг» предлагалось заменить определенным числительным слово *много*. 47 пригодных ответов распределились так:

<i>пять</i>	2	<i>двести-девятьсот</i>	5
<i>десять</i>	3	<i>тысяча</i>	13
<i>двадцать-пятьдесят</i>	5	3500, 1448, 5000, 15325	4
<i>сто</i>	10	<i>полмиллиона</i>	1
135, 150	2	<i>миллион</i>	2

Как видим, картина совершенно иная: нет известной скученности ответов вокруг некоторых чисел, верхний предел значительно поднялся.

Слово *сколько*, в отличие от слов *много*, *мало*, *несколько*, обозначает не только количество, но и любое число. Слово *сколько* имеет вопросительный характер. В качестве ответа на него может появиться любое количественное числительное.

Таким образом, в вертикальной системе числительных неопределенно-количественные слова *много*, *мало*, *несколько*, *сколько* находят свое место в ряду, как бы параллельном ряду определенно-количественных. В горизонтальной семантической системе числительных место неопределенно-количественных слов определяется тем, что слова *много*, *мало*, *несколько* обозначают количества и находятся, таким образом, там же, где и собирательно-разделительные числительные, если они выступают в данном языке в количественном значении, а слово *сколько*, обозначая не только количество, но и число, имеет то же место, что и определенно-количественные числительные. Такая система значений неопределенно-количественных числительных (в основном одинаковая для всех славянских языков, хотя реальные звучания для части этих слов в различных славянских языках и не совпадают) сложилась в результате преобразований первоначально атрибутивных значений соответствующих слов. Слова эти выступали как определения, затем форма среднего рода их стала употребляться в именительном падеже наравне с другими числительными в качестве подлежащего и управлять зависящим от нее существительным, что в семантическом отношении означало развитие у разбираемых слов специфического нумеративного значения.

Другие неопределенно-количественные слова, отличающиеся в разных языках, в общем соотносятся с указанными четырьмя основными словами. Так, например, *столько* в основном соотносится по значению со *сколько*

(с той разницей, что *сколько* означает вопрос, а *столько* – утверждение, часто сравнительного типа); аналогично соотношение польских *ile* и *tyłe*.

Следует сказать, что в практике речи не только неопределенно-количественные числительные, но и определенно-количественные могут употребляться в неточном значении. Соотнесенность значений числительных с числовым рядом в этом случае ослабляется, а подчас и совсем утрачивается. Затемненность количественного значения характерна для ряда фразеологических единиц, включающих числительные.

Наряду с таким произвольным использованием определенно-количественных числительных в неточном значении славянские языки, как и другие языки мира, используют определенно-количественные числительные для выражения неточных (приблизительных и предположительных) оттенков числовых, количественных значений. Наиболее четкими являются здесь лексические средства (типа *около пятидесяти*), наиболее любопытным, пожалуй, является использование порядка слов для обозначения предположительного количества в восточно-славянских языках.

В связи с анализом неопределенно-количественных слов возникает проблема омонимии некоторых числительных и других частей речи. Слово *много*, например, в русском языке может выступать в качестве числительного; но в выражении *много курить* – это наречие. В косвенных падежах подчас трудно отличить, где рассматриваемая форма является косвенным падежом прилагательного *многий*, а где это форма числительного *много*.

Как отмечал В. В. Виноградов, различить наречные и числительные значения звукового комплекса *много* или *несколько* не представляет, как правило, трудностей¹.

Аналогичные факты омонимии неопределенно-количественных числительных известны и другим славянским языкам.

Иную природу имеет так называемая «прономинализация числительного *один*» в славянских языках. Учитывая множество значений слова *один*, среди которых лишь островком выглядит «количественное» его значение, было бы точнее, может быть, говорить о том, что в некоторых случаях слово *один* продолжает оставаться местоимением, хотя в других оно примыкает к числительным.

Целесообразно, наконец, остановиться на случаях так называемой субстантивации числительных. Естественно начать рассмотрение с семантической стороны. Случаи использования числительных без существительных могут быть сведены к следующему списку.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 312 сл.

1. В тексте пропущено существительное, относящееся к числительному (сколько вам лет? – *тридцать шесть*).

2. Существительное, хотя и возможно, но едва ли подразумевается (температура *тридцать шесть и шесть*, в семь *тридцать вечера*).

3. Числительные служат для воспроизведения арифметических операций (дважды *два – четыре*).

4. При воспроизведении счета, в том числе физкультурных и военных команд (*раз, два, три, четыре*).

5. Числительными обозначаются цифры (а не количества), в том числе школьные оценки (телефон *6-93-50*, *три* с минусом).

Особо стоит вопрос использования без существительных собирательно-разделительных числительных.

Под субстантивацией понимают переход слов из других частей речи в существительное или использование слов, принадлежащих к другим частям речи, в функции существительного. В связи с этим справедлива и постановка вопроса о степени субстантивации, т. е. о том, в какой мере слова, принадлежащие или принадлежавшие к другим частям речи, превратились в существительные. Как обстоит дело с числительными в отмеченных случаях?

Если взять использование собирательно-разделительных числительных без существительных, а также случаи, когда существительное при числительном возможно, но пропущено и восстанавливается более или менее легко (случаи 1 и 2), то нетрудно убедиться, что числительные выступают в соответствующих выражениях как заменители сочетания числительного с существительным. Это видно из анализа приведенных примеров. Отношение к грамматическому числу и роду у числительных, употребленных без существительных, продолжает быть нейтрализованным. Существительные же с нейтрализованным числом и родом неизвестны. Значит, здесь речь идет не о настоящей субстантивации.

Семантическим основанием рассмотрения числительных как субстантивированных может служить тот факт, что числительное, являясь заменителем сочетания числительного с существительным, обозначает уже не количество, а совокупность; поскольку в грамматике это семантическое основание не получило выражения, а субстантивация – процесс семапτικο-грамматический, отнесение рассматриваемого случая употребления числительных без существительных к субстантивации может носить лишь условный характер. В семантическом отношении немного более продвинута субстантивация у собирательно-разделительных числительных: они без существительных обозначают обычно соответствующие группы людей; такая фиксированность значения сближает их, казалось бы, с субстанти-

вированными прилагательными, значение которых обычно специализируется по сравнению с исходным значением. Однако специализация собирательно-разделительных числительных – явление, не ограничивающееся их использованием без существительных; собирательно-разделительные числительные и с существительными большей частью обозначают количество людей. Кроме того, нейтральное отношение к грамматическому числу в одинаковой мере присуще собирательно-разделительным как с существительными, так и без них.

Несколько иначе обстоит дело с числительными без существительных в косвенных падежах. В семантическом отношении здесь, как и в именительном падеже, числительное выступает в качестве заменителя сочетания числительного с существительным. Я увидел *трех* – Я увидел *трех человек*. *Троим* не страшно = *Трем человекам* не страшно. Но в косвенных падежах, как известно, в сочетании числительного с существительным числительное согласуется с существительным, а следовательно, главным словом словосочетания является уже не числительное, а существительное. Прямых показателей нейтрализации рода и числа в косвенных падежах нет, значит нет и возможности установить, в качестве *чет* выступает здесь числительное без существительного. Таким образом, в косвенных падежах имеется больше оснований говорить о субстантивации числительных, употребляемых без существительных. Однако степень субстантивации в этом случае весьма низка. Это окказиональная, контекстная или синтаксическая субстантивация: только в каждом данном контексте числительные оказываются исполнителями функций существительных.

В случае 3 числительные выступают в своей основной функции – обозначения числа. Никаких семантических оснований для рассмотрения этого случая как субстантивации нет. В грамматическом отношении числительные сохраняют такое свое специфическое качество, как нейтрализацию грамматического рода (ср. *получилось четыре*). Нет семантических оснований и для рассмотрения как субстантивации случая 4. При передаче процесса счета числительные выступают в своей основной функции: затруднительно видеть здесь пропуск существительных (обозначающих считаемые предметы). В грамматическом отношении конструкции с передачей счета весьма специфичны, потому что числительные выступают в них совершенно изолированно, а значит в них тоже невозможно обнаружить какие-либо показания в пользу понимания числительных в таких конструкциях, как субстантивированных.

Наиболее интересен в семантическом отношении случай 5, где речь идет об использовании количественных числительных для называния цифр.

Само значение названия цифры следует, по-видимому, расчленить на два: название цифры как написания и название цифры как номера. Когда числительное служит, к примеру, для обозначения телефонного номера, было бы неверно усматривать в нем значение числа: в генезисе номер иногда связан с понятием числа, но в функционировании он уже редко связывается с ним. Нередко и в самом процессе присвоения номера-цифры связь цифры с числом случайна.

Но значение цифры-номера не развивает у числительных предметности. Числительные часто выступают в качестве своеобразных определений: дом *восемь* дробь *два*. В качестве определяемых в подобных случаях выступают большей частью одни и те же слова: *номер, дом, квартира, комната, поезд, телефон* и др. Надо отметить сближение подобных выражений с конструкциями типа *температура тридцать шесть и шесть*, в которых значение числительного сближается со значением цифры-номера. Нередко цифра-номер комбинируется с буквами: *самолет ТУ-104* и под. Лишь в исключительных случаях (например, в шифрах) цифра-номер заменяет название предмета.

В отличие от названия цифры-номера название цифры-написания приобретает обычно некоторую предметность. В принципе любое количественное числительное может быть употреблено как название написания цифры. Можно представить себе предложение вроде «Он написал жирное 783 и расписался». Однако наиболее обычны в этом значении слова, соответствующие цифрам от 2 до 9 (ноль не является числительным, и, естественно, нет надобности рассматривать его использование в функции существительного, т. е. в первичной для этого слова функции; в качестве названия цифры 1 слово *один* используется весьма редко). В этом значении возможно иногда определение (*жирное восемь, четкое два*) в среднем роде, как и при субстантивированных словах, не имевших рода (*громкое ура, пустое вы; ср. маленькое эм*). Полной субстантивации здесь все же не происходит. Основным названием цифр являются не слова типа *пять*, а слова типа *пятерка*; для того чтобы числительное стало названием цифры, нередко при нем в качестве определяемого употребляется слово *цифра*: «Он написал *цифру пять*»; ср. аналогичное употребление с числительными слов *номер* и др.

Следует сказать, что само использование числительных в качестве названий цифр связывает их значение еще больше с семантикой числа, ибо сами цифры суть наиболее яркие знаки чистого количества, числа. Поэтому окказиональное использование числительных в качестве названий цифр, при котором числительные до некоторой степени субстантивируются, не разрушает основной системы значений имени числительного, формирующейся вокруг стержня количественно-числовых значений.

Значение названий цифры, являющееся дополнительным значением числительных, не приводит их к сколько-нибудь яркой и полной субстантивации.

Грамматическая специфика числительных, прежде всего нейтральность их по отношению к грамматическому числу, сдерживает процесс субстантивации. К тому же и круг значений, в которых могла бы происходить субстантивация, довольно узок и связан с числовыми понятиями, что, по-видимому, не способствует ее развитию. Нельзя говорить и о сколько-нибудь значительной адъективации числительных в случаях типа *телефон 6-93-59* или *поезд номер сорок семь*. Числительные здесь выступают на особых правах «неизменяемых прилагательных» типа *беж* или *бордо*, которые слишком специфичны и редки, чтобы сближение с ними могло в языковом сознании рассматриваться, как адъективация.

Но вернемся к семантической системе числительных. Система эта имеет много общего с терминологическими системами. «Если обычные слова все-таки системны, – замечал А. А. Реформатский, – это не значит, что их системная характеристика математически идеальна»¹. Системная характеристика числительных, по-видимому, идеальна математически настолько, насколько вообще возможна математическая идеальность в языке. В отношении экспрессивности, модальности, стилистической окраски числительные тоже сближаются с терминологией: они в своем поле нейтральны.

Для числительных не типична полисемия: значения числа и количества чрезвычайно близки и, что существенно, укладываются в определенную систему: эти значения присущи всем числительным количественным; такие значения, как названия школьных оценок, конечно, нарушают моносемию числительных, но использование этих значений происходит в ситуациях, которые нетипичны для использования числительных.

Как и для терминов, синонимия не характерна для числительных. Это положение, однако, не является исконным, с одной стороны, а с другой – оно не получило еще полного осуществления. Уже были отмечены случаи специфической «синонимии», возникавшей в связи с наличием особых слов, обозначающих количества различных предметов: *горсть* «30 повеем льна» || *полконы* «30 яиц» || *полкопны* «30 снопов». Устранение специфических числительных – мер для различных предметов ведет к устранению «синонимии» подобного рода. Другим источником появления синонимов среди числительных является то, что в процессе истории числительных происходило включение в эту систему некоторых новых элементов. В период такого

¹ Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М., 1961. С. 54.

постепенного включения в языке сосуществуют старый и новый элемент системы. Новый элемент в данном случае обычно является

заимствованным обозначением какого-то числа. Так, в современном сербско-хорватском языке сосуществуют слова для обозначения 1000 – *тису tea* и *хильада*, в нижнелужицком – *tysac* и *towzynt* (из нем. *tausend*). В нижнелужицком, кроме того, наряду со славянским *sto* употребляется и заимствованное из немецкого *hundert*. Сюда примыкает и синонимия существительных *миллиард* и *биллион* «1 000 000 000»; практика употребления сделала более привычным в восточнославянских языках слово *миллиард* (и его украинскую и белорусскую параллели), но еще недавно, в первой четверти XX века, например, в сочинениях В. И. Ленина, наряду с *миллиардом* можно встретить и *биллион*. На определенном этапе, по-видимому, сосуществовали старое и новое обозначение 40 в восточнославянских языках; так, например, в украинской летописи Самовидца (XVII в.) при обычном *сорок* еще можно встретить *чотиридесятъ*. В «Материалах» И. И. Срезневского засвидетельствовано употребление слов *девятъдесятъ* и *девѧсто* в одно время. Последний пример дает возможность проследить некоторые причины возникновения синонимии числительных. Речь идет о сосуществовании в языке различных способов и систем счета. Наличие в древности различных способов счета и применение различных арифметических оснований для счета приводило к возникновению некоторых синонимических образований.

6. Известно, что в старину в славянских языках имело место использование счета при помощи вычитания. Способ этот безусловно был вариантным, наряду с *600 без двудесяти лѣтъ*, *30 мужъ без треи*, конечно, существовали в древнерусском языке варианты типа *пятьсотъ восемьдесятъ* и *двадцати семь*.

7. Другой ряд синонимов имелся в славянских языках в связи с обозначением единиц третьего десятка как единиц между (среди) двух десятков. Такие обозначения типа *четыре между десятьма* были синонимичными обычным обозначениям типа *двадцать четыре*. Более широкое распространение получили указанные конструкции в старочешском языке, где они охватили и сотни. Как архаизмы эти конструкции сохраняются и в современном чешском языке. К обозначениям этого типа примыкают и фиксируемые в церковнославянских памятниках выражения типа *четвъртый третїагодесяте* «24-й», т. е. «четвертый третьего десятка».

8. Этот тип счета сближается и со счетом половинами следующего разряда. Именно так образовалось распространенное в ряде славянских языков слово *полтора* = *поль втора*. Числительные типа *полдевята* «8^{1/2}», *полпятаста* «450», *полчетвертадцать* «35» широко представлены в памятниках

ряда славянских языков, причем они сосуществуют с синонимами типа *осмь съ половиною, чотыреста пятьдесят, тридцать пять*. Из таких сложных образований сохранилось, например, в русском и других восточнославянских языках слово *полтора*, синонимичное числительному *сто пятьдесят*.

Группа синонимов в славянских языках образовалась в результате взаимодействия различных систем, точнее, оснований систем счета. Правда, в славянских языках недесятичные системы счета не получили сколько-нибудь широкого применения, но отдельные их осколки обнаружить можно, и они приводили к возникновению синонимических рядов. Так, например, в полабском языке вместо общеславянского обозначения сотни употреблялось либо образованное по системе с основанием 10 *disa(t) diśQt*, либо же образованное по системе с основанием 20 *pātstid'ě*. Ряд синонимов возникал в древнерусском языке в связи с использованием счета сороками и девяностами. Яркий пример синонимии числительных приводил С. В. Максимов, писавший, что «говорят в глухих местах опытные счетчицы: «что полпятаста, что пять-девяноста – все те же девять сороков с девяностом»¹. Такие факты русских говоров, как *три пять* «15» или *двадцать десять* «30», на которые специальное внимание обратил С. П. Обнорский, тоже свидетельствуют о синонимии соответствующих числительных. В ряде славянских языков названия сотен второй тысячи (а иногда и следующих) образуются не сочетанием типа «тысяча пятьсот», а сочетанием типа «пятнадцать сотен», что отражает счет сотнями. Такие факты широко отражены в сербо-лужицких языках, известны они в чешском и словацком языках, в украинских говорах; ср. и полабское обозначение тысячи как «десять сотен», аналогичное нижнелужицкому образованию.

Во всех указанных случаях синонимия шла и продолжает идти на убыль. Это происходит в результате унификации образования числительных, отказа от разноосновных систем счета. Синонимия продолжает существовать в сфере неопределенно-количественных числительных (ср. *много*||*немало*||*порядочно* и под.). В сфере дробных числительных синонимия (или нечто ее напоминающее) не столько сохраняется (поскольку дроби – сравнительно новая категория), сколько развивается. Хотя в процессе арифметических действий дроби типа $\frac{21}{42}$ обычно сокращаются, это не может снять существования своеобразных синонимов: *две третьих*||*четыре шестых*||*шесть девятых*||*восемь двенадцатых*||*десять пятнадцатых*||*четырнадцать двадцать первых*||*сто пятьдесят шесть двести тридцать четвертых* и т. д.

¹ Максимов С. В. Крылатые слова. М., 1955. С. 89.

Это очень своеобразное явление отражает влияние на язык математики, допускающей в дробных разные основания счета¹.

К синонимии числительных примыкает синонимия слов *два* и *оба*. Что касается случаев типа русск. *два*||*двое* или болг. *два*||*двамца*||*двамина*, то здесь правильнее говорить не о синонимии, а о вариантности или даже формах одного слова.

Как и для терминологических систем, омонимия не свойственна для числительных. В отличие от некоторых терминологических систем омонимия у числительных не возникает, поскольку нет полисемии как ее питательной среды; в тех же редких случаях, когда возникает внутrichислительная омонимия, имеется стремление ее устранить. Это видно на примере явно выраженного желания ограничить употребление слова *биллион* в тех славянских языках, где оно оказывается омонимичным. В сфере более употребительных слов внутrichислительная омонимия по существу невозможна. Это, конечно, не касается случайного совпадения типа *три* «3» и «повелительное наклонение от глагола *тереть*», которые легко отличимы по контексту и не могут привести ни к каким смешениям.

Таким образом, числительные сближаются по некоторым признакам с терминологическими системами. В отличие от обычных терминологических систем числительные являются универсальной, применимой во всех областях жизни терминологической системой. У числительных при всей их терминологичности (можно было бы считать их некоторым естественным прообразом терминологий, обычно включающих элемент искусственности) нет тех больших ограничений в использовании, которые характерны для большинства терминологических систем. Важно отметить, что, несмотря на это, числительные сохраняют строгость, присущую терминологиям и утрачиваемую терминами в обыденной речи.

Складывание семантической системы числительных происходило в течение длительного периода; оно еще не закончилось полностью. В вертикальной системе происходило установление точных и строгих соотношений числительных и членов числового ряда на всем бесконечном его протяже-

¹ Своеобразная синонимия дробей указывает на особый характер вертикальной системы дробных числительных: здесь существует не один количественный вертикальный ряд, а множество рядов, находящихся в определенном отношении друг к другу. Между этими рядами не может быть установлено строгое соответствие в том смысле, что, например, десятичные дроби никогда не смогут оказаться на одной горизонтали с дробью $1/3$, или $1/7$, или $1/11$. С другой стороны, если вертикальный ряд числительных, соответствующих целым числам, бесконечен по вертикали, то система дробных числительных бесконечна по горизонтали и по вертикали. Все это – прямые результаты взаимодействия системы языка с системой чисел.

нии. В горизонтальной системе числительных происходило освобождение числительных от всяких дополнительных (по отношению к количественному) значений. Значения количества, а также числа были стержнем, вокруг которого происходила унификация значений числительных, которые первоначально обладали различными оттенками количественных значений. Значение количества, которое было одной из сторон значения количественных слов, выходит на первый план, и вызывает к жизни складывание новых грамматических особенностей числительных, ведущих к обособлению числительных от других частей речи, к превращению их в особую часть речи.

Классификация числительных, как она сложилась в нормативной грамматике каждого из славянских языков, лишь частично отражает объективную языковую реальность, а во многом зависит от грамматической традиции, сложившейся в данном языке.

В восточнославянских грамматиках выделяют обычно количественные числительные и порядковые числительные.

Количественные числительные делятся в ряде грамматик на определенно-количественные числительные и неопределенно-количественные числительные.

Определенно-количественные числительные делятся обычно на количественно-счетные (собственно-количественные) и собирательные числительные.

Среди собственно-количественных числительных выделяют в некоторых грамматиках дробные числительные.

Порядковые числительные (очевидно, из практических соображений) выделяются почти во всех грамматиках славянских языков, хотя обычно вслед за этим следует разъяснение о том, что указанные слова обладают многими свойствами прилагательных и примыкают к ним.

Вторая дихотомия предполагает членение количественных числительных на определенно-количественные и неопределенно-количественные. Надо сказать, что в ряде грамматик славянских языков не выделяются в качестве разряда числительных неопределенно-количественные слова. Авторы этих трудов полагают, что неопределенно-количественные слова частью входят в число наречий (*много, мало*), частью же относятся к местоимениям (*сколько, несколько*), свойства же числительных в этой группе слов выражены недостаточно. Если, с одной стороны, как уже отмечалось, нельзя согласиться с тем, что неопределенность количественного значения является препятствием к отнесению указанных слов к числительному как части речи, то, с другой стороны, можно признать, что по некоторым своим значениям звуковые комплексы *много, мало* действительно могут быть отне-

сены только к наречиям; однако в других значениях *много*, *мало* имеют ярко выраженное количественное значение и вполне подходят к числительным. Возможность соотнесения указанных слов с падежами (ведь и *мало*, которое не склоняется, например, русском языке, тем не менее, выступает в некоторых предложениях в качестве подлежащего и соотносится с номинативом) дополняет обоснованность отнесения слов *много* и *мало*, а также их аналогов в ряде славянских языков к числительным. Что касается местоименности значения слов *сколько*, *столько* и *несколько*, то против нее не приходится возражать. Однако понимание местоимения как грамматического класса слов, наделенного грамматическими свойствами, отличающими эти слова от других слов, включающего прежде всего такие специфические слова как *я*, *ты*, приводит к заключению, что среди местоимений для этих слов места не находится, в то время как количественное значение вполне допускает отнесение указанных слов к числительным. Разумеется, в различных славянских языках наблюдаются некоторые особенности значения неопределенно-количественных числительных, в неодинаковой мере развились грамматические черты, сближающие эти слова с числительными, имеются отличия и в составе неопределенно-количественных слов. В целом, однако, нет причин исключать из рассмотрения неопределенно-количественные числительные.

В некоторых болгарских и македонских грамматиках в качестве особого разряда числительных рассматривают приблизительные числительные, к которым относят сочетания типа *седум-осум*, *две-три*. Представляется, что в данном случае следует говорить не об особом разряде числительных, а об одном из способов выражения при помощи определенно-количественных числительных приблизительного количества, кстати сказать, распространенном и во всех других славянских языках.

Третья дихотомия в классификации числительных предполагает выделение наряду с количественно-счетными числительными так называемых собирательных числительных. Сам термин собирательные не может быть отнесен к числу удачных уже потому, что в совершенно ином значении он используется для обозначения одного из разрядов существительных. Учитывая разделительный характер значения этого типа числительных в старославянском и некоторых других славянских языках, применяется иногда термин собирательно-разделительные числительные, который, однако, несколько громоздок. Если вопрос о термине вызывает некоторые разноречия среди грамматистов, то сам принцип выделения этих слов сомнений не вызывает. В том или ином виде собирательно-разделительные числительные сохранились во всех славянских языках, кроме болгарского

и македонского. В одних языках, как уже отмечалось, старое разделительное значение этого типа числительных было утрачено, а значение количества стало основным; другие языки, наряду с развитием количественного значения, сохранили прежнее разделительное значение. В этой группе языков имеются по существу две подгруппы рассматриваемых слов. Одна из них, сближаясь с прилагательными, имеет родовые и числовые формы, другая же, развив количественное значение, привела к нумерализации одной из таких прилагательных форм.

Дробные числительные выделяются не во всех грамматиках и не всегда понимаются одинаково. Мотивом невыделения дробных числительных является, по-видимому, то, что такие выражения, как *три пятых*, рассматриваются авторами соответствующих грамматик не как своеобразные составные числительные, а как словосочетания. В противовес этому мотиву можно представить соображения как семантического, так и грамматического порядка. Следует подчеркнуть единство обозначаемого дробными числительными понятия не меньшее, чем единство составных числительных. И в структурно-словообразовательном отношении дробные числительные близки к составным числительным. Поскольку грамматически главным компонентом дробного числительного является обычное количественное числительное, в грамматическом отношении обозначения дробей тоже сближаются с числительными. Другим необщепринятым моментом в отношении дробных числительных является вопрос об их составе. Наиболее последовательно и систематично во всех славянских языках выделяется группа выражений типа *две третьих*. Кроме того, не вызывает, кажется, возражений отнесение к дробным числительным слова *пол*; к дробным же обычно относят и слово *полтора*, хотя грамматическая специфика, не выходящая, впрочем, за рамки характеристик числительных, требует иногда особых оговорок в отношении этого слова.

В грамматиках ряда языков к числительным дробным относят слова *треть*, *четверть*, или слова типа укр. или болг. *третина*. Слова эти действительно обозначают дроби, но по грамматическим их свойствам приписывают не к числительным, а к существительным (у них сохраняется род и число). Следует отметить некоторые черты, говорящие о взаимодействии слов типа *треть* с числительными в грамматическом отношении (ср. *прошло четверть часа*).

В различных грамматиках славянских языков по-разному характеризуется слово *оба* и его соответствия (слово это сохранилось почти во всех славянских литературных языках в той или иной форме; только в болгарском языке слова *объдвъ* *объйца/обейца* представлены лишь в говорах).

В одних грамматиках эти слова относят к количественным числительным, в других – к собирательным; дело, по-видимому, в том, что первоначально различные числительные *оба* и *обой* в некоторых славянских языках совпали в одном слове. Это особенно ярко видно в русском языке, где в именительном падеже выступает форма *оба/обе*, более близкая к количественным числительным, а в косвенных падежах – *обоих, обоим, .../обеих, обеим ...*, т. е. форма косвенных падежей мн. ч. слова *обой'обей*. С другой стороны, в некоторых славянских языках происходит сближение и соединение слов *оба* и *два* и получается укр. *обидва/обидві*, белорусск. *абодва/абедзве*, лужицк. *woboј dwa*, в польском и сербско-хорватском к этим скрещенным формам добавляется еще и форма собирательная типа *оба двоје*. В некоторых славянских языках существует собирательная форма числительного «оба»: белорусск. *абое* и под. Значение слова *оба* можно принять примерно равным значению сочетания «все два (все двое)» (ср. *все три, все трое; все четыре, все четверо* и т. д. при невозможности *все два, все двое*). Это значение способствует сближению в речи и отождествлению в грамматиках слова *оба* с собирательными числительными.

На деле, по-видимому, такое отождествление оправдано лишь для формы типа белорусск. *абое*. Формы же типа *оба* нет достаточных оснований считать собирательными, они ближе к количественным числительным. Но и эта близость относительна: семантически, как уже отмечено, слово *оба* соответствует не одному числительному, а сочетанию местоимения и числительного. Слово *оба* подобно местоимениям и тем, что в нем отражается деиктический характер значения: оно указывает обычно на уже упоминавшиеся предметы. Его разложение на семантические множители вскрывает некоторые дополнительные оттенки, не характерные для слова *два*. С другой стороны, значение числа содержится в слове *оба* лишь в связанном виде. Значение слова *оба*, возможно, следует охарактеризовать как замкнутое количество упомянутых предметов.

Грамматически слово *оба* тоже не совпадает с другими числительными. Если сохранение рода в нем еще можно соотнести с аналогичным сохранением рода в числительном *два*, то нельзя не обратить внимание на специфическое отношение слова *оба* и его инославянских соответствий к категории числа. Нейтрализация грамматического числа – одно из характерных свойств числительных. Между тем, слово *оба* слабо поддается нейтрализации грамматического числа. Так, например, в русском и польском языках, где нейтрализация числительных в отношении грамматического числа продвинулась сравнительно далеко, хотя и по-разному, при слове *оба* в подлежащем сказуемое употребляется всегда в форме множественного

числа. На этом основании было бы, однако, поспешным делать вывод о том, что слово *оба* не является числительным. Такая синтаксическая черта, как специфика сочетаний с существительными, сближает, например, в русском языке слово *оба* со словом *два* (ср. *два брата, оба брата*; но ср. *два ряда* и *оба ряда*).

Все сказанное приводит к выводу о том, что если слова типа белор. *абое* целесообразно рассматривать как некоторую разновидность собирательных (и видовых) числительных, то слова типа *оба* или укр. *обидва* приходится рассматривать как особую разновидность числительных, не отождествляя их ни с собирательными, ни с количественными числительными.

В грамматиках ряда славянских языков выделяют еще некоторые группы «числительных». Основанием для этого служит соотносимость указанных слов с большей или меньшей частью числового ряда. Однако по грамматическим характеристикам, а также по семантике указанные слова относятся к наречиям или к прилагательным. Это касается слов типа *дво-який, дважды* и под.

Несколько более специфична семантика слов типа *сам-третьей*, которые тоже иногда относят в особую группу числительных-наречий; по совокупности ряда свойств слова эти ближе к наречиям.

В болгарских грамматиках встречается выделение особого разряда ласкательно-уменьшительных числительных типа *двачка, трички* и под. Числительные, сближаясь с терминами, обычно утрачивают экспрессивную оценочность; ее сохранение в данном случае (главным образом, в народной речи) связано, очевидно, с тем, что эти слова применяются в фиксированной функции для обозначения количества людей. Аналогичны им белорусские и украинские образования от собирательных числительных: *двойка, двойко, двоечко*. По грамматическим признакам уменьшительно-ласкательные числительные в основном совпадают с теми числительными, от которых они образованы, а значит могут быть отнесены к категории числительных.

Наиболее четко во всех славянских языках выделяется категория определенно-количественных (несобирательных и недробных) числительных, у которых количественно-числовое значение достигло наибольшей абстрактности, чистоты, а значит и специфичности. Именно эти слова рассматриваются как образец для всех числительных. Вокруг этого стержня в категорию числительных объединяются в различных славянских языках собирательные, дробные и неопределенно-количественные числительные, а также, там, где они есть, уменьшительноласкательные. Другие типы слов, которые в грамматиках ряда славянских языков с большей или меньшей последовательностью относятся к числительным, на самом деле по семан-

тическим и особенно по грамматическим признакам должны быть отнесены к прилагательным, наречиям или существительным.

Естественно, в отдельных славянских языках эта классификация числительных может несколько измениться, что связано со спецификой числительных в каждом языке. Больше всего отличаются славянские языки в отношении собирательно-разделительных числительных.

Во всех славянских языках в качестве яркого семантического стержня всех числительных выступает значение количества, выделяющее в обыкновенных количественных числительных значение числа, находящееся в собирательных числительных в связанном виде.

Сложные взаимоотношения языка и мышления проявляются и в отношении чисел и их языковых обозначений – числительных. Проявляются они как в процессе развития языка и мышления, так и в речи. Играя на определенном уровне развития выдающуюся роль в самом формировании абстрактных числовых понятий, числительные позже становятся важным средством передачи этих понятий от поколения к поколению.

Сознательная и стихийная критика числительных, как и других фактов языка, позволяет вносить в их систему, в частности в семантическую систему, некоторые усовершенствования, ведущие к установлению более точного соответствия системы числительных с их эталоном – системой чисел.

Если Декарт, Бор и ряд других ученых говорят о математике как о новом, особом языке, который вырос из обычного языка, то весьма интересно отметить ту своеобразную креолизацию естественного языка и математики, которая вскрывается, например, в числительных. Речь при этом идет не только и не столько о таких специфических образованиях, как *n-ый* (подобно *5-ый = пятый*) или *n-ка (энка)* – по образцу *двойка* или *пятерка*, сколько об очень глубоком проникновении математических представлений о числе в самую семантику числительных.

Такое проникновение математики в язык, присущее всем современным языкам, уже приводит к возможности сравнительно легко отказаться от своеобразных оттенков значения числительных в языках и подготовить многоязычный машинный перевод числительных прежде всего как обозначений чисел. С другой стороны, именно семантическая четкость вертикального семантического ряда числительных была, по-видимому, причиной того, что числительные широко использовались в качестве первых лексических соответствий на ранних этапах научного изучения языкового родства. Быть может, сравнительная легкость семантизации, перевода, осмысления числительных наряду с их нужностью в процессе общения приводит к тому, что в словарных записях путешественников редко отсутствуют числительные.

С последним можно сравнить и введение Г. Фрейдендалем в язык для предполагаемого общения с жителями других миров «линкос» понятия числа как одного из первых¹.

Если рассматривать семантику славянских числительных в динамике, то необходимо отметить, что сложившаяся сейчас горизонтальная семантическая система числительных должна рассматриваться как одно из звеньев в цепи семантического развития числительных. Трудно сомневаться в том, что понятие развития вполне применимо в данном случае, ибо изменения семантической системы числительных связаны с накоплением и качественным обогащением человеческих знаний, отражают успехи человеческого мышления в познании природы и общества. Но если это так, нельзя думать, что современное состояние семантической системы славянских числительных является истиной в последней инстанции. Рассмотрение пройденных этапов семантического развития числительных в славянских языках показывает при всей извилистости пути развития некоторые генеральные направления. К таким генеральным направлениям относится выделение значения числа из связанного состояния (в составе более сложных значений) в особое свободное значение, а также закрепление для выражения этого свободного значения числа только одного типа числительных – количественных.

Более прямо и непосредственно отражает успехи мышления не горизонтальная, имеющая больше отношения к грамматике, семантическая система числительных, а вертикальная система, представляющая собой словарный запас числительных.

Соотносительность с числовым натуральным рядом – это движущая сила не только семантического развития числительных в горизонтальной системе, но и в системе вертикальной. В горизонтальной системе происходило уточнение, вычленение числового значения. В вертикальной системе пустые

¹ Обоснованием линкоса должно было бы служить в этом плане утверждение большой статистической вероятности земной математики (ср. замечание И. С. Шкловского о том, что «натуральный ряд чисел – понятие, по-видимому, общее для всех цивилизаций». [Вселенная, жизнь, разум. М., 1962. С. 176]), ибо по мнению некоторых теоретиков математики (Дж. фон Нейман) наша математика так же случайна, как и любой естественный язык, например, санскрит. Понимание линкоса не как средства общения с жителями других миров, а как опыта создания универсального языка науки (Ср. Л. А. Калужмин. О книге Г. Фрейдендала «Линкос. План языка для космических сообщений». Киев, 1963. С. 3) тоже исходит из предположения, что «математика, видимо, и послужит опорой для универсального языка науки будущего» (Р. Л. Добрушин, А. М. Кондратов. Лингвистика космоса. [Знание – сила. 1962. № 7. С. 11], из предположения универсальности чисел. Интересно, что одна из ранних попыток создания «всеобщего языка науки» в новое время – книга Я. Линцбаха «Принципы философского языка» (Петроград, 1916) – не ставила числа на такое первое место.

клетки заполнялись, и система приобретала стройность, присущую самому денотату числительных – числам. Правда, это не означает отождествления системы чисел с системой числительных. Это видно на примере сравнения той информации, которую несут числа и числительные. Если двузначное число несет информацию, равную 6,49 дв. ед., если двузначные числа появляются примерно с равной вероятностью 0.0(1), то числительные, обозначающие двузначные числа, отнюдь не равновероятны. Гораздо более вероятны так называемые «круглые» числительные (вида $10a$ или $5b = 10a + 5$), числительные типа *двадцать два* ($10a + a$), напротив, менее вероятно употребление числительных типа *пятьдесят девять* или *шестьдесят один* ($10a \pm 1$). Это было проверено и опытом на подстановку числительных в предложение и на угадывание (запись) двузначных числительных, это подтверждается в известной мере и данными частотных словарей. Списки двузначных чисел, подобранных по таблицам случайных величин, и наблюдения над реальным использованием языка будут отличаться друг от друга именно не одинаковой вероятностью числительных.

Этим не ослабляется положение о том, что семантическая эволюция числительных в вертикальной их системе состоит в создании большей стройности числительных, большего соответствия числительных их обозначаемым – числам.

В таком сближении (не слиянии) значения числительных с числами и состоят основные семантические предпосылки превращения числительных в особую часть речи.

II. Словообразовательная система числительных и превращение их в особую часть речи

По-видимому, одним из существенных условий нормального функционирования части речи является пополнение ее новыми словами, которые возникают в связи с потребностями языкового коллектива, в связи с познанием и освоением реальной действительности.

Для типичных, образцовых частей речи, таких, как существительное, прилагательное и глагол, Постоянное пополнение новыми словами является необходимым и неизбежным процессом. Характерной особенностью словообразования в грамматическом плане является то, что при словообразовании воспроизводятся грамматические особенности той части речи, к которой будут относиться новые слова. Пополнение части речи происходит как за счет деривации внутри данной части речи (ср. *зеленый* – *зеленоватый*; *делать* – *переделать*), так и путем образования от основ одной части речи слов другой части речи (*писать* – *писатель*, *моложавый* – *моложавость*, *дерево* – *деревянный* и под.).

Как уже отмечалось, числительные являются базой для образования многих слов, относящихся к другим частям речи. Возникновение числительных из других частей речи происходило путем преобразования в числительные как особую часть речи слов, относившихся первоначально к существительным и прилагательным. Дальнейшее же пополнение числительных за счет слов из других частей речи – явление редкое, нетипичное.

Между тем ясно, что коль скоро чисел, являющихся денотатом числительных, бесконечно много, числительных тоже должно быть бесконечно много. Стоит сказать, зафиксировать любое, сколь угодно большое число, и язык дает возможность назвать следующее число, еще большее. Ясно, что иметь для каждого нового числа совершенно новое слово было бы крайне неудобно и неэкономно. Бесконечное множество чисел может и должно быть обозначено при помощи ограниченного количества числительных корней.

Это становится возможным благодаря четкой и строгой системе образования числительных. Система образования числительных во всех языках коррелирует с системой счисления. Генетически следует рассматривать систему образования числительных и систему счисления как связанные между собой явления¹. Как и отвлеченное число получило закрепление в языке параллельно с закреплением соответствующего понятия в мышлении, так и система образования числительных не есть некое позднейшее отражение уже существовавшей в мышлении системы счисления, но явление, развивавшееся параллельно с этой системой; более того, возможно, само возникновение системы счисления должно быть объяснено в какой-то мере из внутриязыковых потребностей в системе обозначения чисел.

Система славянских числительных – десятичная. Имеющиеся отклонения от нее немногочисленны и крайне пестры; они, видимо, отражают различные иноязычные влияния. Таковы, в частности, случаи двадцатеричного счета в некоторых языках, счета сороками, девяностами, а может быть и девятками в русском. Зафиксированный в Резии как редкое явление у словенцев двадцатеричный счет, например, обозначение 60 – *trikrat dveisti*, Ф. Рамовш объяснил влиянием денежной системы венецианской республики, в которую входила Резня: венецианский дукат состоял из 20 денариев и это повлияло на всю счетную систему²; если и принять другое объяснение этого случая двадцатеричного счета как результата кельтского влияния (поскольку кельты жили в Карнских Альпах), все равно надо будет признать заимствованной

¹ Славянские языки не сохраняют следов бессистемного счисления, которые, видимо, предшествуют установлению систем. О бессистемном счете некоторый материал приводится, например, в известной книге Люсьена Леви-Брюля «Первобытное мышление» (М., 1930. С. 123 сл.). Стоит заметить, что «бессистемность» здесь не в отсутствии всякой системы, а в отсутствии системы счисления в математическом смысле слова: вообще же определенная системность имеется, она состоит в закреплённом порядке включения «счетных приборов» (счет, например, начинается с мизинца, потом обходит все пальцы и переходит на запястье, локоть, плечо и т. д.). Отсутствие системы в этом смысле – отсутствие цикличности счета. Установление десятичной системы, связанной с пальцами, на которых люди учились считать, не везде происходило сразу. Об этом свидетельствуют и имеющиеся остатки в ряде языков систем счета, не связанных с пальцами: двоичной, четверичной и т. д. (ср. этимологию индоевропейского слова для 8, где вскрывают след двойственного числа, а значит – четверичной системы) О причинах выбора десятеричной, а не другой, например, удобной двоичной, можно сказать, что двоичная система была распространена, по-видимому, еще на том этапе, когда не было усвоено умножение, размерность же десятичной системы в сочетании с таким удобным счетным прибором, как пальцы, обусловила выбор именно ее. Более крупные системы, такие, как двадцатеричная, шестидесятеричная, сорокаричная, включает в себя как составной компонент десятку или пятерку.

² См.: *Ramovš F. Morfologija slovenskega jezika*. S. 112.

систему счета. Заимствованный характер имел, по-видимому, и счет двадцатками, которым, по сообщению Й. Б. О. Рихтара в его сочинении «О математике сербов», иногда пользовались в середине XVIII в. лужичане; непосредственным источником влияния здесь скорее всего был немецкий язык. В полабском и кашубском даже сам термин *štyga*, используемый при двадцатеричном счете, имеет немецкое происхождение. Русский счет сороками и девяностами отражает, по-видимому, восточное влияние (в пользу такого предположения может свидетельствовать несколько особое положение числа 40 у ряда восточных народов, в частности у алтайских, где числу этому приписывались магические свойства; в языке это находит выражение, например, в особой этимологии слова *кырк* «40» в тюркских языках).

Случаи счета двадцатками, сороками, девяностами единичны. Если и видеть вслед за С. П. Обнорским в случаях типа *двадцать десять* в отдельных русских говорах остаток двадцатеричного счета, едва ли можно думать о его «авто-хтонности» у славян. Поскольку система счисления сравнительно проницаема для заимствований, в этих случаях, видимо, имело место проникновение различных иноязычных элементов. Еще более изолированный характер имеют разбросанные в славянских языках осколки счета с другими основаниями, например, в русском можно найти осколки пятеричного (ср. выражения типа *трипять*) или девятиеричного (ср. в фольклоре *тридевять, из девяти девятого царства*; белорусск. *двадзевяць*). Что касается двенадцатеричного, шестидесятеричного счета и некоторых других остатков счетных систем, то они, как правило, связаны с мерами и редко находят свое употребление вне системы мер. Быть может несколько свободнее шестидесятеричный счет с его основной единицей – *копой*, но все же и он практически едва ли применим вне счета яиц или снопов.

«Отдельное число получает некоторое качество уже в числовой системе и сообразно тому, какова эта система», – писал Ф. Энгельс. И далее: «основание числовой системы определяет качество не только себя самого, но и всех прочих чисел»¹. Десятичная система счисления, одна возобладавшая во всей славянской системе счета, таким образом, определяет качество всех числительных.

Однако не только основание числовой системы определяет собой числительное, но и способ, который используется для образования числительного. Под способом понимаются операции, которые производятся с компонентами числа, и то, каким образом эти операции находят языковое выражение в числительном.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. С. 574.

Две наиболее часто используемых при образовании числительных операции – умножение и сложение – являются главными и в славянских языках. В некоторых числительных отдельных славянских языков могут быть обнаружены и следы других операций, в частности, вычитания. Что касается языкового выражения этих операций, то оно, будучи сходным в славянских языках, различается в различных числительных.

Основным языковым средством обозначения чисел, для которых не было корневых слов, явилось в славянских языках использование двух и более слов (корней). Таким образом, образование новых числительных вертикальной системы происходит в славянских языках путем словосложения. Сочетание двух и более числительных корней первоначально не давало новых слов, а вело к образованию более или менее устойчивых сочетаний. Процессы лексикализации сочетаний протекали уже в отдельных славянских языках, развивавших с известным своеобразием те тенденции, которые были заложены в праславянский период. В значительной мере дальнейшие судьбы числительных сочетаний предопределялись характером грамматических связей между компонентами этих сочетаний. Основным фактором при этом является сочинительный или подчинительный характер связи между компонентами числительного сочетания. Как правило, лексикализация в большей степени происходит с подчинительными сочетаниями, а в сочинительных сочетаниях компоненты сохраняют свою автономию.

Образование новых числительных путем сочетания уже существующих не требовало возникновения в языке каких-то новых, не существовавших до сих пор средств, что соответствовало консервативным тенденциям языковой эволюции. Образование числительных в поздний праславянский период в достаточной мере отразилось в старославянских памятниках, где еще не наступили те изменения, которые характерны для более поздних памятников славянских языков.

Числительные сочетания, образованные по способу подчинения, делятся в старославянском языке на три группы: сочетания с управлением предложным и беспредложным и сочетания, связанные согласованием. Посредством предложного управления образуются обозначения чисел второго десятка: числительное, обозначающее единицы, сочетается с предложом *на* и местным падежом слова *десять*, который имеет в этом случае форму *десяте*. Главной частью этого числительного выражения был его первый компонент. Он изменялся при склонении, в то время как второй оставался неизменным, эн же был «носителем синтаксических отношений».

Славянская конструкция числительных второго десятка имеет некоторые технологические параллели; так, например, в языке логбара (ма'ди)

числительные второго десятка образуются внешне по аналогичному способу: буквально «десять на-нем два». В кельтских языках тоже можно найти параллель к славянским образованиям типа *дъва на десяти*. Такой способ образования свойствен не только числительным второго десятка, но и названиям единиц следующих десятков¹.

Больше сходства можно найти у славянской конструкции числительных с соответствующими числительными румынского и молдавского, латышского, а также албанского языков. В этих языках соответствующие модели числительных распространены для чисел второго десятка: румынск. *doisprezese* букв. «два сверх десяти»; молдавск. *унспрезэче* «один сверх десяти»; латышск. *divpadsmit* «два по (сле) десяти»; албанск. *dymbëdhjetë* «два на (над) десяти (десятью)». Относительно румынской и молдавской модели имеется основание признать ее калькой соответствующих славянских образований. Латышская модель отличается от литовской, образованной по другой модели; соответствующие прусские числительные неизвестны; это, по-видимому, дало основание Шлейхеру высказаться о возможности славянского влияния на латышскую модель числительных второго десятка. К. Сандфельд приводил также интересные параллели к указанным образованиям из древнегреческих диалектов (*δυο ἐπὶ ἑῑχᾱτί*) и связывал со славянской моделью венгерские числительные 11–19 и 21–29, образуемые по модели *tizenegy*, т. е. «10 «а нем 1»².

Нельзя сказать, чтобы славянская словообразовательная модель числительных второго десятка была вполне прозрачна. Уже одно то, что в свое время такие знатоки истории славянских языков, как Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня, усматривали во втором компоненте не местный, а винительный падеж³, говорит об известных трудностях в понимании модели указанных числительных. Среди живых, распространенных функций местного падежа и предлога *на* в старославянском и древнерусском языках трудно найти такую, которая бы вполне соответствовала роли *на* и второго компонента в числительных. Известный интерес может представить конструкция с предлогом *на* и числительным, указывающая на приблизительность числа в некоторых славянских языках (например, в чешском, сербо-лужицких, староукраинском); но и она скорее всего объясняется как позднейшая инновация.

¹ Льюис Г. и Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 237.

² См.: Sandfeld K. Linguistique balkanique. P., 1930. P. 148.

³ См.: Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 149; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, IV. М.; Л., 1941. С. 250.

Следует обратить внимание на возможную связь славянской модели числительных второго десятка с двадцатеричным счетом, хотя в славянских языках следы двадцатеричного счета довольно слабы, причем многие из них объясняются явно иноязычным влиянием. История языков знает случаи заимствования именно способов счета. В свете этих соображений нельзя высказать в порядке постановки вопроса допущение о неавтохтонном у славян характере модели числительных второго десятка.

Модель числительных второго десятка, применяемая во всех без исключения славянских языках, кажется, нигде не заменяется другими моделями. Напротив, она настолько вошла в систему языка, что можно обнаружить следы ее экспансии на числительные, не образующиеся в других случаях по этой модели. Так, в полабском языке обозначение числа 20 образуется по той же модели, что и 11–19: *disatnocti*. Любопытно, что именно в полабском зафиксированы, как уже отмечалось, некоторые остатки двадцатеричного счета. Из других образований по этой модели можно привести украинские, польские неопределенно-количественные числительные второго десятка типа укр. *кільканадцять, стонадцять*; более интересна единичная русская фольклорная форма *пята на двадцать*.

Последняя форма как бы перебрасывает мост к другой интересной предположенной модели образования числительных, которая связана с моделью числительных второго десятка. Эта модель представлена в церковно-славянских памятниках, в памятниках древнерусского языка, в старочешско-словацких текстах и, что интересно, в современных чешских и словацких говорах¹. В словаре И. И. Срезневского можно найти многие примеры использования этой модели: *четыре межи десятьма* и под. Числительные, образованные по приведенной модели, как бы продолжают числительные второго десятка. Очагом этой модели, возможно, была чехословацкая языковая область; в древнерусских источниках указанные образования вполне могут быть объяснены старославянским влиянием. Отсутствие их в народно-разговорной русской речи привело к забвению таких образований, в то время как в чешском и словацком языке, претерпев известные фонетические упрощения, указанные конструкции сохраняются до сих пор. Возможно их иноязычное происхождение, хотя, быть может, славянские обозначения и не заимствованы, а связаны с использованием способов подсчетов (счетных досок, счетов, системы записи и т. д.).

¹ На архаичное использование таких числительных еще и теперь в чешском и словацком указывают: *Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka*, 11. Bratislava, 1967. С. 394 ; *Slovník spisovného jazyka českého*. I. Praha, 1953. С. 432 ; старочешские примеры см.: *Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého*, III, 1. Praha, 1960. С. 354.

Но вернемся к модели славянских числительных второго десятка. Эта модель была, как уже отмечено, общей для всех славянских языков. Общей была и тенденция к сокращению второго компонента этой модели. Числительные, по остроумному определению А. В. Исаченко, больше, чем другие слова, изнашиваются в произнесении¹. Это и проявилось в числительных второго десятка, в частности, в связи с тем, что ударение в них закрепились, как правило, на соединявшем первый и второй компоненты предлоге *на*. Послеударный компонент этих числительных имел ослабленную знаменательность: вся тяжесть смысловозначения покоилась прежде всего на первом компоненте, который должен отличать друг от друга обозначения 11 от 12, 13, 14 и под., 15 от 11, 12, 16, 19 и под. Что же касается отличия 11 от 1, 12 от 2, 15 от 5 или 19 от 9, то для этого достаточно наличия какого-нибудь второго компонента, служащего различительным признаком чисел второго десятка от чисел первого десятка. Конкретная форма этого компонента должна быть достаточной для различения числительных второго десятка от числительных – обозначений десятков (коль скоро в этих двух рядах числительных одинаковый порядок компонентов). Уже сам предлог *на* является очень ярким сигналом числительных второго десятка, тяжесть различения числительных второго десятка и числительных – обозначений десятков перенесена на этот предлог.

Таким образом, смысловозначительные функции компонентов числительного сочетания *дѣва на десяте* выглядят так:

1. Различение единиц второго десятка происходит за счет первого компонента:

дѣва на десяте
трие на десяте
четыре на десяте
пять на десяте и т. д.

2. Различение чисел второго десятка от чисел первого десятка происходит за счет наличия второго компонента (второй компонент не равен нулю):

дѣва (на десяте) – дѣва (≠)
пять (на десяте) – пять (≠).

3. Различение чисел второго десятка от названий десятков происходит прежде всего за счет компонента (предлога) *на*:

дѣва *на* десяте – дѣва (≠) десяте
три *на* десяте – три (≠) десяте.

4. Следовательно, носителями значения в числительных второго десятка являются:

¹ *Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart, I. Halle (Saale), 1962. С. 525.*

- а) первый компонент,
- б) наличие какого-то второго компонента,
- в) часть *на* второго компонента.

Если соединить пункты б и в, получится, что для числительных второго десятка существенно наличие второго компонента *на*, остальные же части второго компонента являются избыточными. Нельзя думать, что язык избавляется от всего избыточного в нем. Напротив, известно, что избыточность языковой информации достаточно велика и используется прежде всего для обеспечения большей надежности передачи информации, для достижения большей доходчивости речи, а возможно – путем создания дополнительной системной классификации – для лучшего запоминания языкового материала. Вместе с тем, наличие избыточности в определенных языковых явлениях можно рассматривать как некоторое предварительное условие возможности сокращений. Таким образом, избыточность второго компонента числительных второго десятка (кроме элемента *на*), учитывая его заударное положение, создавала возможность фонетических изменений в этом компоненте, направленных на его упрощение и сокращение. Возможность превращалась в действительность. В числительных второго десятка, часто употреблявшихся при перечислении, «темпы их произношения привели к деформации второй части сложения и тем самым – к позднему затемнению этимологии слов»¹. Таким образом, деэтимологизацию следует скорее рассматривать не как причину, а как следствие фонетических сокращений, наступавших во втором компоненте числительных второго десятка. Причиной же фонетических перемен, а вслед за ними и деэтимологизации является распределение семантической нагрузки в числительных выражениях, обозначающих числа второго десятка, с одной стороны, и стремление к сокращениям, к эллипсису в широком смысле слова, с другой.

Звуковые перемены второй части числительных второго десятка произошли во всех славянских языках, исключая старославянский, где они произойти не успели. Второй компонент некоторыми лингвистами рассматривается как своеобразный суффикс.

Весьма интересны соображения В. В. Виноградова о понимании рассматриваемых образований как префиксальных², числительное *пол-* вообще рассматривается часто как префиксальная морфема, но, быть может, и другие числительные в составе сложных слов стоят на пути превращения в префиксы: ср. *безногий* и *двуногий*, *безличный* и *двуличный*, *безвариантный*

¹ Булаховский Л. А. Деэтимологизация в русском языке // Труды Института русского языка, 1. М.; Л., 1949. С. 207.

² См.: Виноградов В. В. Русский язык. С. 305.

и одно-/двух-/трехвариантный. И все же пока нет достаточных оснований говорить о превращении числительных в префиксы, так же, как при всей близости компонентов типа *-дцать* к суффиксу приходится отметить его большое своеобразие, которое связано с общим семантическим и грамматическим своеобразием числительных.

Изменения второго компонента рассматриваемых числительных происходили параллельно со сращением их компонентов: первый компонент, который был первоначально склоняемым, окостеневает, превращается в несклоняемый. Напротив, изменения второго компонента ведут в ряде славянских языков к тому, что он становится склоняемым. Семантическая тяжесть падает на первый компонент, в то время как второй превращается в носителя грамматических (морфологических) свойств числительного – склоняемости его. Эволюция первого компонента имеет более общий для славянских языков характер. Хотя и в порядке исключения, неизменность первого компонента числительного второго десятка засвидетельствована уже в старославянском памятнике – Супрасльской рукописи (л. 18): *дъванадесяте златиць*. В Добрейшевом евангелии, болгарском памятнике XIII в., отмечается: *с оба на десяте ученика* (Мф. 26, 20)¹, в том же месте в старославянских текстах читаем: *съ обѣма на десяте оученикома* (Зогр.; Асс.: оученикома); в болгарском же памятнике – Пражском евангелии XV в. – отмечено: *бѣ же лѣтома дванадесѣтим* вм. *бѣ же лѣтома дѣвѣма на десяте* (Мк. 4,42; в Зогр. в этом месте – цифровое обозначение числа). Аналогичные факты имеются и в памятниках восточно- и западнославянских языков, но там они, как правило, уже в ранних памятниках сопровождались изменениями (упрощениями) второго компонента.

Среди изменений первого компонента важное место занимает унификация родовых форм числительных 1–4. В числительном 11 во всех славянских языках закрепились формы мужского рода (*один /един/ jeden* и под.); в числительном 13 все славянские языки закрепили тоже наиболее короткую форму, на этот раз женского и среднего рода – *три/ trzy* и под. В числительном 12 большинство славянских языков закрепило форму мужского рода *два/dva*, только русский и полабский в этом случае закрепили форму женского (и среднего) рода *две/dve*; причины этого пока не выяснены. Для закрепления в русском языке формы женского рода, быть может, следует искать объяснения в частоте употребления этого слова с названиями различных мер женского рода большей, чем с названиями мер мужского рода. Так, например, в краткой и пространной редакциях Русской правды, а также в Уставе Володимира Всеволодовича на 31 употребление

¹ См.: Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1958. С. 176, 178.

числительного 12 с существительными женского рода падает лишь один случай употребления этого числительного с существительным мужского рода. Если в этих же памятниках, а также в новгородских грамотах взять все числительные количественные, употребляемые там с существительными (и с пропущенными, но находившимися по соседству существительными, которые бесспорно и легко восстанавливаются), получается следующая картина употребления существительных при числительных (по родам):

	Жен. р.	Сред. р.	Муж. р.
Правда русская (кратк. ред.) ¹	57	1	5
Правда русская (простр. ред.) ¹	58	2	9
Устав Володимира Всеволодовича ¹	65	3	5
Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951–1961 гг. ²			
а) XI–XIII вв.	80	2	23
б) XIV–XV вв.	114	1	52
Грамоты великого Новгорода и Пскова ³			
а) XII–XIII вв.	38	1	6
б) XIV–XV вв.	349	27	171
Итого	761	37	271
	71,2 %	3,6 %	25,2%
В том числе памятники XI–XIII вв.	298	9	48
	84,0 %	2,5 %	13,5 %

Таким образом, в деловой письменное решительно преобладают в сочетаниях с числительными существительные женского и среднего рода. Это и может служить объяснением формы женского-среднего рода первого компонента в русском числительном *двенадцать*. Особенно яркую картину дают в этом отношении памятники XI – XIII вв. Это выдвигает вопрос о том, почему украинский и белорусский языки имеют в данном случае не форму

¹ Юшков С. В. Русская правда. М., 1955. С. 202–222.

² Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 ; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 ; Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958 ; Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 ; Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963 ; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

³ Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

женского-среднего рода, а форму мужского рода. Возможно, здесь определенную роль сыграло то, что в XV в., когда протекало формирование многих норм будущих украинского и белорусского языков, они оказались в другой сфере денежного обращения (с злотыми, грошами, талерами и т. д.), где большую употребляемость с числительными имели слова мужского рода, а польское влияние вело к закреплению именно таких норм. Приведенные данные еще нуждаются в некоторой проверке по другим жанрам письменных памятников. Но при этом надо учесть, что с числительными 12 употребляются не все те существительные, которые употребляются с другими числительными, например, с числительными 2 или 3. Кроме того, необходимо учесть и влияние различных жанров в данном конкретном случае, ибо при всей употребительности в церковно-книжной литературе сочетания *12 апостолов* едва ли оно, в силу своей церковно-славянской окраски, «цитатности», могло оказать большее влияние на формировавшиеся в живой разговорной речи нормы употребления числительного 12, чем живые обозначения денежных и других мерных единиц типа *бѣла, куна, гривна, ногата, рѣзана, коробѣя, дѣжа, кадь, верста, осмина* и под.

Что касается числительного 14, то во всех славянских языках, кроме болгарского, македонского и словенского, приняты формы с усеченным последним гласным первого компонента, а это снимает вопрос о закреплении той или иной родовой формы слова *четыре/четыри* в составе числительного 14. Выпадение гласного *е/и* в первом компоненте числительного 14 в славянских языках связано, видимо, с общим стремлением к сокращению сложных числительных; вместе с тем определенную роль могло играть то обстоятельство, что в родительном падеже данное числительное в древнейшую пору имело вид *четырь/четырь на десяте*. Проникновение формы родительного падежа в падеж именительный (возможно, через винительный) не представляет для славянских числительных исключительного факта (ср. хотя бы польские лично-мужские формы), но, кроме этого существенно и то обстоятельство, что только числительное *четыре* после падения редуцированных осталось среди простых числительных трехсложным словом, в то время как прочие числительные стали одно- или двусложными. Видимо, с этим связано сокращение последнего гласного в самом числительном 4 (не с составе 1,4) в ряде западнославянских (да и только ли западнославянских) говоров, а в частности, в полабском языке. Особенно неприемлемой ощущалась трехсложность числительного 4 в составе *я без* того длинноватого и стремившегося к сокращениям числительного второго десятка. А поскольку безударность и слабая смысловая нагруженность

последнего гласного в этом числительном не препятствовали сокращению, а напротив, были его союзниками, такое сокращение происходило¹. Следует заметить, что болгарский язык, имеющий в своей литературной разновидности в числительном 14 первый компонент *четири-*, во многих говорах, а видимо, и в качестве разговорного варианта в самом литературном языке, использует этот компонент без конечного гласного. Напротив, в диалектах языков, в которых обычно первый компонент числительного 14 не имеет исходного гласного, например, украинского, польского, встречаются формы с конечным гласным².

В числительных 15–19 первый компонент подвергался менее значительным изменениям, главным образом, звукового порядка. К таким изменениям относится, например, отверждение конечного согласного этих числительных, не зависимое от сохранения мягкости, или ее утраты в числительных первого десятка. Сюда же относятся и некоторые изменения, состоящие в упрощении возникавших групп согласных. Довольно значительны изменения первого компонента слова 16. В общем их можно свести к упрощению группы согласных, возникшей на стыке первого компонента и предлога *на* после падения редуцированного *ь*: *стѣн > стн > сн*; кроме того, в ряде говоров *с*, подвергаясь влиянию начального *ш*, превратилось в *ш* (*шаинадцать*). В слове 17 первый компонент имеет такой же вид, как и числительное 7 (сохраняет в западно- и южнославянских *д* и не сохраняет его в восточнославянских языках; имеет или не имеет, в случае сохранения *д*, второй – вставной – гласный), что является лишним свидетельством в пользу соображения о сокращении этих выражений уже в отдельных славянских языках. Первый компонент числительного 18, как и числительное 8, имеет протетическое *в-* в восточнославянских, в сербо-лужицких, полабском языках, а также в некоторых севернопольских, поморских и других диалектах. В числительном 11 все славянские языки утратили долготу *н* (из *нѣн*) на стыке первого компонента и предлога; написание *нн* сохраняется только в русском языке. Чешское *-е-* в *devatenáct*

¹ Утрата последнего гласного – не единственный путь сокращения числительного *четыре*; другой путь, распространившийся в западнославянских языках, в словенском, в говорах украинского, – выпадение первого гласного. В тех языках, в которых произошло такое выпадение первого гласного, оно распространилось и на слово 14. В чешском и словацком языках в первом компоненте числительного 14 слог образуется при помощи слогового *г*, а исконные гласные в этом компоненте выпали все. Это связано с общими звуковыми закономерностями в развитии чешского и словацкого языков, ср.: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého, I. Praha, 1963. С. 611

² Ср.: Nitsch. K. Dialekty języka polskiego. Wybor pism polonistycznych, IV. Wrocław; Kraków, 1958. С. 71.

«19» возможно имеет морфологическое (из косв. пад.) происхождение; ср. в псковских говорах форму *восьминадцать* (по сообщению С. М. Глускиной).

Как уже отмечалось, носителями значения в славянских числительных второго десятка являются прежде всего первый компонент и элемент *на* второго компонента¹. Остальная часть второго компонента, являющаяся избыточной, подвергается в славянских языках различным сокращениям вплоть до полной утраты. Второй компонент первоначально состоял из трех слогов: *де-ся-те*. В различных славянских языках происходит редукция и утрата различных гласных и согласных элементов второго компонента числительных второго десятка.

В восточнославянских языках, судя по древнейшим письменным источникам, числительные выражения типа *три на десяте* употреблялись не только в копиях старославянских текстов, таких, как, например, Остромирово евангелие, но и в произведениях гражданской письменности, например, в новгородской берестяной грамоте XI – XII вв. (№ 84). По более поздним письменным данным, прежде всего происходила замена последнего гласного: на месте *е* появилось *ь*. Почти одновременно и параллельно с ней происходила и редукция первого гласного. Древнейшие случаи написаний и в этих словах на месте *е* относятся к концу XIII в.; они приведены А. А. Шахматовым². Относятся эти написания к тому времени, когда в русском языке уже происходило падение редуцированных; обозначался ерем в них, вероятно, краткий звук, употребление которого было, возможно, факультативным. Для этого этапа характерно отсутствие примеров с изменениями в согласных второго компонента, так как, видимо, *ь* между *дне* обозначал еще гласный звук, мешавший сближению согласных и связанным с этим процессам. Оба *ь* во втором компоненте числительных второго десятка были в слабом положении и должны были выпасть. Это, очевидно, и произошло к концу периода падения редуцированных – в памятниках XIV в. уже видны следы взаимодействия *д* и *с*: появляются написания типа *двѣнадцать*, *пятнадцать*, *дванадцат* и др. В XVI в. форма числительных второго десятка на *-надцать* стала господствовать в письменных источниках по русскому языку, чередуясь иногда с формой на *-натцать*. В русском языке закрепилось традиционное написание числительных второго десятка на *-надцать*, в укр. *-надцять*, белорусск. *-наццаць*, хотя они и не отражают полностью реального произношения.

¹ На этот элемент рано, еще в праславянском, перешло ударение со второго компонента. См.: Булаховский Л. А. Из очерков по славянской акцентологии // Слов'янське мовознавство, IV. Киев, 1962. С. 9.

² Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии, 11, 1). Пгр., 1915. С. 266.

Нельзя представлять дело так, будто бы с появлением первых упрощенных форм в памятниках сразу же были вытеснены старые, полные формы числительных второго десятка. Напротив, этот процесс был продолжительным. Под влиянием живой этимологии и традиционных церковнославянских написаний вплоть до XVIII в. встречались, вероятно, с XVI в. уже на правах архаизмов, написания типа *надесяте*, *надесять*. К числу явных архаизмов относится в современном русском языке выражение *дванадцать*.

Живая разговорная речь вносит дальнейшие упрощения в произношение второй части числительных второго десятка; фиксируются они, правда, главным образом в диалектологических записях, хотя встречаются, бесспорно, и в живом литературном языке. Наиболее ярки такие сокращения при употреблении числительных в процессе счета, т. е. перечисления числительных. Первой ступенью сокращения в русском языке является полная редукция гласного во втором компоненте числительного: *одíнацѣт'*, *дв'инáцѣт'* и т. д. Но при быстром счете средние числительные (т. е. не те, с которых начинается, и не те, на которых кончается счет) могут сократить и другие части второго компонента, кроме элемента *на*: *одíнацѣт'*, *дв'инáцѣт'*, *тр'инá*, *четы'рнацѣт'*, *п'ятнá*, *шѣснá*, *с'ѣмнá*, *вас'имнáцѣт'* и т. д. Это отмечается и в народных говорах восточнославянских языков, например, И.А. Дзендзелевским в закарпатских украинских говорах.

В юго-западных украинских говорах отмечают числительные второго десятка без конечного *т*: *одинайці*, *дванайці* и под.¹ Такие факты находятся в общей колее изменения второго компонента числительных второго десятка в славянских языках (ср. болгарские факты). Поэтому, быть может, встречающиеся в новгородских грамотах на бересте формы *пятнадеся* (гр. № 219), и особенно *полоцетвертынатця* (гр. № 45), следует рассматривать не как чисто графические сокращения, а как написания, в какой-то мере связанные с реальным произношением. Украинский переход *д(т)* перед *ц* во втором компоненте рассматриваемых числительных в *й* носит фонетический характер (любопытно, что и он сближает украинские говоры с болгарским языком в отношении числительных второго десятка).

Надо отметить, что история числительных второго десятка состоит не только в упрощениях их второго компонента, но и в превращении словосочетаний в слова, а это превращение включает в себя и определенные изменения в первом компоненте: утрату нм склоняемости и некоторые явления упрощения, приспособления к следующему компоненту.

¹ *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957. С. 145.

Числительные второго десятка с изменяемым первым компонентом встречались, как уже отмечено, в старославянских памятниках, но там это были редкие исключения. Еще и в памятниках русского языка XVI в. числительные второго десятка со склоняемыми обоими компонентами преобладали, но уже с формой родительного падежа, в значении всех падежей первого компонента. Встречаются склоняемые первые компоненты числительных второго десятка и в памятниках XVII в., хотя все больше нарастает употребление числительных второго десятка со склонением только в конце слова, становящееся господствующим в памятниках письменности, вероятно, лишь в XVIII в. По-видимому, в XVII в. формы с изменением обоих компонентов уже были архаичными; в использовании этих форм играло роль смешение старых книжных норм с нормами живой разговорной речи, раньше еще характеризовавшимися склонением числительных второго десятка только в конце слова. Однако, хотя склонение только второго компонента часто встречается, например, в Уложении 1649 г., здесь нередки еще случаи склонения обоих компонентов. Такие случаи, видимо, преобладают в Учении и хитрости ратного строя 1647 г., в Космографии 1670 г. Ранее такие формы преобладали и в деловой письменности. Как архаизм в выражении с *двунадесятью языками* сохраняется застывшая форма косвенного падежа первого компонента числительного и в современном языке.

Вплоть до XVII в. включительно встречались случаи отделения первой и второй части компонентов числительных второго десятка другими словами, например, в Учении и хитрости: *шести же надцати*. Видимо, с таким раздельным пониманием компонентов числительных второго десятка связано к то, что в качестве первого компонента вплоть до XVII в. использовались иногда собирательные числительные: *шестеронадцать*; иногда как собирательные оформлялись обе части: *двоенадцатеро*. В порядковых «числительных» процесс сокращения компонентов протекал в основном параллельно процессу сращения их в количественных числительных.

Путь, аналогичный русским числительным второго десятка, прошли эти числительные в украинском и белорусском языках. Возможно, особенности сложения стилевой системы этих языков отразились на несколько более раннем закреплении современных форм числительных. В просмотренных памятниках XVI–XVII вв. явно господствует уже форма с неизменяемым первым компонентом, иногда склоняются оба компонента.

В именительно-винительном падеже бросаются в глаза в староукраинских памятниках формы без конечного *-ь*, или с *-ь*, что является общей фонетической или орфографической чертой как этих числительных, так

и числительных первого десятка. Отмечаются собирательные формы, образуемые уже по современной модели: *тринадцатеро, дванадцетергу*.

Если количественные числительные второго десятка в украинском языке XVII в., видимо, уже унифицировались, то порядковые еще не упорядочены: в них отражается и изменяемость первого компонента, и изменяемость обоих компонентов, и изменение по современному образцу только в конце слова.

Любопытно отметить, что в лексиконе Памвы Беринды (1627) дано толкование: *Третійнадесят: тринадцатыи*.

Эволюция числительных второго десятка в белорусском языке происходила примерно так же, как и в украинском. По наблюдениям Е. Ф. Карского, в памятниках XV в. отмечаются колебания: встречаются как формы со склоняемой первой частью, так и со склонением только второй части. В памятнике XVI в. – Литовском статуте 1566 г. – все случаи косвенных падежей числительных второго десятка изменяются лишь в конце слова¹. В материалах XVI в. большой разнობой имеется в образовании порядковых, ср. названия глав в Литовском статуте: *роздѣль дванадцатый* и *роздѣль третійнадцать*.

Таким образом, восточнославянские изменения числительных второго десятка близки между собой. Начавшиеся еще в XIII в. изменения завершились в основном к XVI в.

В западнославянских языках можно, видимо, говорить об изменениях, относящихся к тому же периоду, охвативших все западнославянские языки, изменениях, направленных прежде всего к сокращению второго компонента числительных второго десятка, однако конкретный характер изменений не был одинаковым в различных языках; более того, различия тенденций в развитии числительных второго десятка прослеживаются и в пределах одного языка, в частности, полабского.

В общем (история превращения сочетаний в отдельное слово в польском языке напоминает факты русского языка (от несклоняемости второго компонента и склоняемости первого, через переходный этап со склонением и первого и второго компонента – к формам с неизменяемым первым компонентом и изменяемостью только в конце сросшегося уже слова), причем и в хронологическом отношении факты польского языка напоминают русские (правда, отсутствие письменных источников не дает возможности наблюдать начальный этап рассматриваемого процесса). Если в XIV–XV вв. формы со склонением только первого компонента были частыми, в XVI в. стали реже, а в XVII в. вышли из употребления, то в этот же период уже упо-

¹ Следует отметить в Литовском статуте любопытное образование числительного второго десятка с союзом и: *петма и десятма копамь* (4, 69).

треблялись и формы с изменением обоих компонентов (или с застывшими обоими компонентами), являющиеся проявлениями перехода к новому, современному типу изменения только второго компонента. Господствующим новый тип становится, по наблюдениям Граппэна, в памятнике середины XVI в. – «Разговорах дворянина с монахом» М. Кромера.

Несколько иначе, чем в восточнославянских языках, происходили упрощения во втором компоненте числительных второго десятка. Уже в Свен-токшыжских проповедях, в проповеди на крещение (три короля) находим написание *zatrina- desce*. Таким образом, как и восточнославянские языки, польский язык уже в XIII в., видимо, знал редукцию второго компонента числительных второго десятка. Но, в отличие от восточнославянских языков, редукции подвергается не конечный гласный *и*, на первом этапе, также не первый гласный, а второй гласный (носовой). На втором этапе происходит сокращение и первого гласного; в памятниках представлены такие формы второго компонента, как *-ccie*, *-dcie*, *-cie*, *-ście*.

Они свидетельствуют, что, как и в восточнославянских языках, в польском языке происходила не только редукция гласных, но и взаимодействие согласных *д* и *с*. Однако возобладала в польском языке форма, у которой начальное *д* второго компонента вообще выпало. Сокращение в польском языке не последнего, а второго и первого гласного вызвано, по-видимому, акцентологическими особенностями в развитии польского языка.

В сербо-лужицких языках уже самые ранние дошедшие до нас письменные памятники, относящиеся к XVI в., например, «Новый закон» Якубицы (1548) или катехизис и песенник Альбина Моллера (1573–1574), имеют написание, близкие современным: у Якубицы *dwanace*, у Моллера *Dwanaß* и *Dwanaß*¹. Современные сербо-лужицкие формы числительных второго десятка (в.-луж. немаркир. ф. *dwanace*, мужско-личн. ф. *dwanace*, н.-луж. *dwanace*) прошли, как полагают, путь, аналогичный польским числительным. Такова же, видимо, и история одного из типов полабских числительных второго десятка – числительных на *-cti*, *-cte*. В кашубских и поморских диалектах выступают формы того же типа: *dwanosce*². Вторая полабская форма числительных второго десятка (на *-dist*) возникла, как показал убедительно Т. Лер-Сплавинский³, на том же пути, когда второй компонент

¹ *Schuster- Šewc H. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. B., 1958. С. 87.*

² В *Цеценове Ф. Лорентц* отметил сокращенные формы типа *jedna, dwana, ...* М. Рудницкий отмечал аналогичные формы у словинцев. Ср.: *Lorentz F. Gramatyka pomorska. T. III. С. 952.*

³ См.: *Lehr-Splawinski T. Przyczynki do gramatyki i słownika języka połabskiego. Slavia Occidentalis. T. VI. Poznań, 1927. С. 18.*

рассматриваемых числительных уже начал сокращаться, и из *desěte*>*disaŕi* возникла форма *disti*, произошли некоторые акцентологические изменения (ограничение окситонезы), приведшие к сокращению последней гласной: *distě*. Такая форма, представленная, возможно, в записи «11» у Пфеффингера, подвергалась дальнейшему усечению в *dist*.

Несколько иначе происходило сокращение второго компонента числительных второго десятка в чешском и словацком языках. В отличие от польского языка, ближе к восточнославянским языкам в древнейших чешских письменных источниках отмечается утрата первого гласного второго компонента, довольно рано фиксируется и утрата последнего гласного. В памятниках находим формы типа *dwanadcziete*, *gedennaciet*; последние напоминают восточнославянские. Но в отличие от восточнославянских языков уже в старых чешских источниках находятся и случаи утраты второго гласного во втором компоненте числительных второго десятка: *cztrnadste*. Таким образом, чешский и словацкий языки после колебаний в XIV и XV вв. в памятниках XVI в. приходят к современной форме числительных второго десятка *dvanáct*, *dvanást'*, в которой утрачены все гласные второго компонента и произошли некоторые изменения, связанные с ассимиляцией и упрощением групп согласных, появившихся в результате исчезновения гласных. Некоторые говоры идут еще дальше, в них фиксируются числительные второго десятка со вторым компонентом, сокращенным до элемента *na* и одного лишь *-s*¹.

В южнославянских языках праславянские числительные сочетания второго десятка тоже превратились в цельные слова, причем произошли довольно значительные изменения, а точнее сокращения и упрощения второго компонента этих числительных.

Из примеров, отмеченных в среднеболгарских памятниках, можно заключить, что процесс превращения числительных сочетаний второго десятка в слова в южнославянских языках начался уже давно, возможно, в XII–XIII вв. Однако в письменных памятниках плохо отражены преобразования второго компонента этих числительных, утрата в нем гласных и наступающее на этой базе взаимодействие согласных. Видимо, преобразования во втором компоненте числительных второго десятка в южнославянских языках наступили несколько позже, чем в восточно- и западнославянских языках. Памятники XV в. уже знают формы на *-десте* и в болгаро-македонской, и в сербско-хорватской областях, хотя еще и в XVII в. нередки и полные формы числительных. Сохранение в современном болгарском

¹ Ср. формы *dvanac* и под., приводимые в монографии об одном из восточнословацких наречий: Buffa F. *Nàrečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese*. Bratislava, 1953, С. 93.

языке форм числительных второго десятка типа *дванадесет* в качестве одного из вариантов, присущего полному стилю литературного языка, тоже можно рассматривать как косвенное свидетельство сравнительно позднего сокращения этого компонента. Хотя указанные сокращения и наступили в южнославянских языках несколько позже, чем в других славянских языках, но характер изменений близок к ним. В болгарском языке узакониваются, наряду с приведенным типом, числительные типа *дванайсет*, в македонском приняты формы типа *дванаесет*, в сербско-хорватском – *дванаест*, в словенском – *dvanajst*.

Общей чертой всех этих форм является утрата конечного гласного, хотя следует отметить, что не везде она была хронологически первой. Это видно как из сербского написания XV в. на *-десте*, так и из того, что в некоторых болгарских диалектах произошло развитие вокализма второго компонента числительных по польскому типу. В отношении остальных двух гласных второго компонента числительных второго десятка южнославянские языки не имеют единства: македонский сохраняет оба гласных (в связи с выпадением начального согласного этого компонента *д* в числительных оказываются рядом два гласных, что и приводит в некоторых говорах к их стяжению); болгарский язык склонен к утрате первого гласного, сербско-хорватский – второго, а словенский – обоих (надо отметить, что, судя по типичным ошибкам, от которых предостерегают орфографические пособия, в сербскохорватской разговорной речи довольно широко представлено произнесение числительных второго десятка без гласных второго компонента). Народные говоры идут дальше, чем литературные языки, в сокращении второго компонента числительных второго десятка. Так, в разговорном македонском языке, во многих болгарских говорах и разговорной речи, а также в сербско-хорватской разговорной речи отмечается утрата не только конечного гласного, но и *г*; некоторые болгарские говоры утрачивают становящийся последним после таких преобразований гласный и числительные выглядят как *дванайс*’, а подчас могут быть отмечены и формы с минимальным вторым компонентом *на*: *двана* и под.

Таким образом, южнославянские языки, как восточно- и западнославянские, имеют значительно упрощенные вторые компоненты числительных второго десятка.

Если числительные второго десятка образуются в результате операции сложения, то другие числительные славянских языков, компоненты которых связаны по способу подчинения, строятся в результате операции умножения. В соответствии с грамматической спецификой множителя операция умножения при образовании числительного находит свое выражение либо в таких

сочетаниях компонентов, в которых множитель согласуется с множимым, либо же в таких, в которых множитель управляет множимым. Целесообразно сначала остановиться на тех числительных, в которых в праславянском языке имела место связь согласования между компонентами. В этих числительных в качестве первого элемента (множителя) выступают слова *два*, *три*, *четыре*, поскольку эти слова обладали грамматическими свойствами прилагательных или местоимений-определений.

Числительные, в которых в качестве множимого выступало *десять*, превратились в славянских языках в цельные слова. В праславянском в числительных выражениях для чисел 20, 30, 40 первый компонент (множитель) согласовывался со вторым в роде, числе и падеже. Сложность состояла в том, что согласование в числе имело специфический характер. Слово *два/дъвѣ* всегда должно было сочетаться с существительными, которые выступали в двойственном числе. Лексическое значение слова *два* и грамматическое значение числа существительного вступали в крепкую связь, которая определяла устойчивость так называемого связанного дуалиса.

Слова *три* и *четыре* согласовывались с существительными во множественном числе. Нельзя, видимо, отрицать ни того факта, что категория числа еще была присуща словам *два*, *три*, *четыре* в праславянском языке, ни того, что они согласовались в числе со своими множимыми (существительными), хотя эти явления уже начали видоизменяться.

С согласованием компонента *два*, *три*, *четыре* в роде тоже есть трудности. Трудности на этот раз кроются прежде всего во втором компоненте – числительных типа 20; род слова *десять* в праславянском языке ясен для нас не вполне. По-видимому, слово *десять* относилось первоначально к мужскому роду, а потом, под влиянием слов типа *пять*, стало пониматься как существительное женского рода. В пользу рассмотрения слова *десять* как слова мужского рода говорит прежде всего форма слова *два* в числительном выражении 20, сохранившаяся во всех славянских языках. Если бы слово *десять* было женского (или среднего) рода, то первый компонент имел бы форму *дъвѣ*, как в *дъвѣсътъ*. С другой стороны, в числительных типа *полъ третия десяте* определение к слову *десяте* (и в том случае, если это слово уже сокращено) выступало в форме мужского (или среднего) рода.

Сложнее обстоит дело с числительными, обозначающими 30 и 40. Современные славянские языки не дают соответствующих данных для вскрытия старых родовых форм этих числительных выражений. В слове, обозначающем число 30, во всех славянских языках первый компонент имеет вид *три* (в полабском языке для обозначения этого числа использовалось слово другого образования: «полкопы»). В слове, обозначающем

число 40, в современных славянских языках мало данных для суждения о первоначальной форме первого компонента: в восточнославянских языках общеславянское выражение для этого числа было заменено словом *сорок*, в польском, сербско-хорватском, сербо-лужицких, а также в полабском языках, в украинских говорах, первый компонент выступает в усеченной форме без конечного гласного, и таким образом, нет возможности судить о его роде; словенский, болгарский, македонский, чешский и словацкий языки имеют в этом случае окончание первого компонента *-и*.

Поскольку второй компонент числительных 30 и 40 подвергся более или менее значительным сокращениям, едва ли можно вообще опираться на его окончание при решении вопроса о родовой характеристике этих числительных выражений. Окончание первого компонента тоже недостаточно выразительно в этом отношении.

Согласование компонентов числительных 20, 30, 40 в падеже довольно широко представлено в старославянских памятниках. Вместе с тем в старославянских памятниках отмечаются первые случаи сращения компонентов этих числительных (в чем, быть может, некоторую роль сыграло единое написание их как цифр), хотя еще и нет случаев нарушения согласования компонентов в падеже. В дальнейшем славянские языки усиливают сращение компонентов. Одновременно идет утрата склонения первого компонента и превращение всего числительного выражения в единое цельное слово с единым изменением, связанное с определенными сокращениями и изменениями второго компонента.

В восточнославянских, а также в болгарском и македонском языках числительные 20 и 30 (в последних также 40) имеют второй компонент, сходный со вторым компонентом числительных второго десятка. В восточнославянских языках, как и в числительных второго десятка, в числительных обозначающих два и три десятка, второй компонент имеет форму *-дцать* (или ее фонетические вариации). В болгарском языке второй компонент этих числительных, а также числительного 40 имеет вид *-десет* или *-йсет* (как у числительных второго десятка); в македонском языке этот компонент имеет соответственно вид для 20–40 *-есет* илк *-јсе*. Эволюция этого компонента аналогична эволюции его в числительных второго десятка. Единственное существенное различие состоит в том, что исходным для им. п. мн. ч. мужского рода было для слова *десять* во втором компоненте окончание *-е*, но затем оно, возможно, под влиянием *два десяти* (дв. ч.) и женского рода (с окончанием *-и*: *кости*) заменялось окончанием *-и*: *три десяти* и под. Следовательно, аналогичной замене или фонетической редукции подвергалось конечное *-и*, а не *-е* (ср. и редукцию конечного *-и* в инфинитиве, 2 л. наст. вр. глаголов ед. ч. и в некоторых других случаях).

В сербско-хорватском языке второй компонент одинаков у всех обозначений десятков: в качестве такого компонента обобщен второй компонент числительных типа 50: *-десет – двадесет, тридесет, четрдесет* (в числительных *двадесет* и *тридесет*, а также *четрдесет* ударение несколько отличается от ударения во вторых компонентах других обозначений десятков). В разговорной речи отмечаются более сокращенные формы второго компонента: *двадест, дваест, триест, тридест, четрест, deajest, deajst, дваес, deajс, триес, четрес* и под., напоминающие изменения второго компонента числительных второго десятка. Словенский язык для 20 закрепил в литературном языке форму второго компонента, близкую, хотя и не тождественную форме второго компонента числительных второго десятка: *dvajset*. Числительные же 30 и 40 имеют такую же форму компонента, как и следующее числительное: *deset*. Особую судьбу числительного 20 можно объяснить, с одной стороны, близостью его к числительным второго десятка, а с другой, сохранением в словенском двойственного числа, на что, возможно, указывает сохранение конечного *-i* в этом числительном при редукции его середины (*dvajsti*) в ряде говоров; следует отметить, что говоры знают и для 30 формы с сохранением последнего гласного¹.

Значительны отличия в истории второго компонента числительных, обозначивших 2–4 десятка, в западнославянских языках. В полабском языке числительное 20 продолжало ряд числительных второго десятка, в качестве же обозначения 30 использовалось выражение «пол копы». Числительное 40 образовано по модели числительных 50–90. Возможно, здесь дело не в уподоблении только внешней формы числительного следующим за ним, как в сербско-хорватском и словенском, а вообще в переходе на слово 4 грамматических свойств следующих числительных, как это имеет место в восточных и западных германских языках. Чешский, словацкий и сербо-лужицкие языки для числительных 20, 30, 40 имеют модели, представляющие в основном фонетическое сокращение старых числительных выражений; эти модели, отличающиеся несколько как от числительных второго десятка, так и от последующих обозначений десятков, между собой унифицированы; в польском языке окончание второго компонента числительного 20 отличается от окончания вторых компонентов числительных 30 и 40. В польском *dwadzieścia* «20» выпал второй гласный второго компонента, последнее *-a* появилось в памятниках XV в. параллельно с более старым окончанием *-i* или с возникшим под влиянием 30, 40 *-e*; возникновение *-a*, вероятно, связано с влиянием двойственного числа существительных типа *конь*. Как

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Петербург, 1875. С. 106.

и числительное *dwanaśc*, «12» польское обозначение 20 сохраняет изменение первого компонента. В нижнелужицком языке аналогичная форма с конечным *-a* используется для обозначения всех трех десятков этой группы: *dwažasća*, *śižasća*, *styržasća*. В поэтической речи можно отметить отдельные случаи утраты конечного гласного. Польские *trzydzieści* и *czterdzieści* имеют, как и 20, выпадение предпоследнего гласного второго компонента; конечное *-i* появилось, видимо, под влиянием женского склонения на *-ь* (*кость–кости*) или старой формы дв. ч. в *дѣва десяти*. Такое же, видимо, происхождение имеет конечное *-i* в верхнелужицкой форме второго компонента рассматриваемых числительных (ср. *dvasesci*). В поморских (кашубских) говорах в числительных 20–40 сохранилось и обобщено на всю эту группу окончание *-e* (*dwadzesce*), причем местами оно распространено и на числительные 50 и далее; *-e* в некоторых местах фиксируется с редукцией.

В отличие от северо-западной группы языков, в чешском и словацком, как и в языках восточно- и южнославянских, подвергся сокращению последний гласный второго компонента числительных, обозначающих два – четыре десятка, что сблизило эти числительные с простыми числительными типа *пять*, тоже оканчивающимися на согласный. Однако в отличие от восточнославянских и части южнославянских языков и в соответствии с другими западнославянскими, числительные 20, 30, 40 образуют в чешском и словацком небольшую группу с своеобразной структурой второго компонента: чешск. *dvacet*, *třicet*, *čtyřicet*, словацк. *dvadsať*, *tridsať*, *štyridsať* при чешск. *dvanáct* „12“ и *padesát* „50“; словацк. *dvanásť* „12“ и *pat’desiat* «50». Как и в восточнославянских языках, в чешском и словацком во втором компоненте числительных, обозначавших 2–4 десятка, выпадал первый гласный и происходили некоторые фонетические преобразования в связи с возникавшим скоплением согласных; на это указывают примеры из старочешских памятников. Такое положение зафиксировано в современном верхнелужицком языке. Но в отличие от верхнелужицкого, чешский и словацкий утратили и конечный гласный. При этом словацкая норма, особенно на письме, сохраняет близость к старой форме второго компонента, хотя в разговорной речи она подвергается определенным упрощениям.

Наряду с числительными, обозначающими два, три, четыре десятка, по способу согласования образованы были числительные выражения, обозначающие две, три, четыре сотни, две, три, четыре тысячи (а также некоторые другие, например *легеона*). Сочетания слов, обозначающие две и более тысяч, во всех славянских языках так и остались сочетаниями слов, не превратились в более или менее единые слова.

Обозначение двух-четырех сотен, так же как и обозначения пяти и более сотен, в некоторых славянских языках претерпели изменения, направлен-

ные к объединению компонентов этих выражений в единые слова. Не очень сильно проявились такие тенденции в восточнославянских языках, где признаком объединения сочетаний в единые слова является общее ударение; в письменной речи объединение выражений в слова находит свое отражение в беспробельном написании обозначений сотен. Однако сохранение изменения обоих компонентов этих числительных, культивируемое в литературном языке и в основном сохраняющееся в разговорной речи, а также в диалектах, ведет к тому, что такие слова не ощущаются цельнооформленными. Как следствие этого выступают двоякие возможности сочетания с числительными, обозначающими сотни, существительных и случаи раздельного написания компонентов в письменной речи. Единое ударение тоже не является абсолютным правилом: второстепенное ударение, падающее на первый компонент в некоторых особых случаях, может вырасти до полного, и цельное слово распадается на два. Но нельзя не отметить и тенденций к затуханию, ослаблению склонения первого компонента числительных, обозначающих сотни, что несомненно может быть растолковано только как свидетельство постепенного срастания компонентов этих числительных. Сложные числительные, обозначающие сотни, находятся в восточнославянских языках в состоянии динамики, которая проявляется как в литературных языках, так и в говорах, например, украинских, где можно найти случаи полной неизменяемости не только первого компонента этих числительных, но и всего числительного в целом (с неизменяемым *сто* во второй части).

В общих чертах западнославянская картина числительных, обозначающих сотни, близка восточнославянской. В чешском и сербо-лужицких языках, а также в поморских (кашубских) говорах не произошло еще соединения числительных, обозначающих сотни, в единые слова. Числительные 200, 300, 400 в этих языках выступают как согласованные сочетания слов, что выражается в сохранении склонения обеих частей, в допустимости их перестановки в некоторых случаях, в раздельном написании соответствующих числительных как в чешском, так и в обоих серболужицких языках, быть может, и в кашубском варьировании *dve sće* и *dva sta*, в нижнелужицком варьировании *dwě scě* и *dwa hunderta, tśi sta* и *tśi hunderty*. Однако и в этой зоне обнаруживаются некоторые признаки объединения числительных сочетаний в слова. При числительных 200–400 в сербо-лужицких языках обычно употребляется грамматически понятное здесь множественное число сказуемого, но в отдельных случаях происходит нейтрализация числовой оппозиции и сказуемое выступает в единственном числе. В чешском языке употребление сказуемого в единственном числе при числительных 200–400 является нормой.

В польском языке процессы универбации числительных 200–400 зашли несколько дальше. Прежде всего это находит свое выражение в нормализованной несклоняемости первого компонента числительных *trzysta*, *czterysta*. Правда, встречаются еще и формы со склонением первого компонента этих числительных, в чем можно усматривать влияние слова *dwieście*, которое продолжает склоняться в обоих компонентах, и сохранение архаичных конструкций. В говорах известны как эти числительные, так и числительное 200 с утратой изменения первого компонента, а также факты полной утраты числительными 200–400 склонения.

В словацком языке универбация числительных выражений 200–400 проявляется в утрате склонения этих числительных и объединении их единым ударением *dvesto*, *tristo*. Интересно отметить, что в словацком, судя по принятым написаниям, произошло такое слияние числительных 2000, 3000, 4000; однако пока что не отмечают вполне вероятных в случае полной универбации фонетических процессов, характерных для таких числительных, как 20 и под. Утрату склонения числительными 200 и под. в словацком языке, а также в польских и украинских говорах нельзя рассматривать изолированно от общей тенденции к утрате склонения числительными от *пяти*, и в частности, от утраты склонения словом *сто* в говорах. Поскольку склонение слов *два*, *три*, *четыре*, как правило, сохраняется, несклоняемость числительных 200 и под. должна рассматриваться как проявление их сращения в одно слово. Следует указать еще на особенность второго компонента в числительных 200 и под. в словацком языке и говорах: он часто представляет собой основную форму слова *сто* в неизменном виде. Это обстоятельство указывает на то, что в момент, когда *сто* в соответствующих говорах утрачивало склонение, слова типа *двести* еще отнюдь не были универбированы. Данные словацких языковых памятников показывают, что выражения типа *dve sto* фиксируется в них лишь со второй половины XVI в., к этому же времени относится и утрата склонения как словом *сто*, так и числительными 200 и под. Это соответствует приведенной картине утраты склонения числительными 200 и под. в словацком языке и говорах.

В словенском языке, видимо, развитие числительных 200–400 аналогично словацкому (ср., однако, принятые отдельные написания: *dve sto*, *tri sto*). В сербско-хорватском языке – в отношении числительных 200–400 происходило взаимодействие двух противоположных тенденций. С одной стороны, старые числительные со вторым компонентом *сто* (*двеста* и *треста*) становятся едиными словами, что проявляется в их несклоняемости при сохранении склонения слов *две* и- *три*; когда они употребляются отдельно. Но, с другой стороны, параллельно с этой универбацией появляются новые

сочетания— числительные выражения *две сотине, три сотине* и *четыре сотине*, причем последнее из них вытесняет старое числительное для 400. Эти сочетания, образованные по способу согласования, остаются свободными и изменяются в обеих частях (настолько, насколько вообще слова *два, три, четыре* еще сохраняют в сербско-хорватском языке склонение).

В болгарском и македонском языках произошли аналогичные процессы в истории образования числительных, обозначающих две, три, четыре сотни. Для 200 и 300 сохраняются старые образования *двесте* и *триста*. Употребляем в болгарском (параллельно с *двесте*) *двеста* имеет второй такой же компонент, как *триста*, вероятно, под его влиянием. Эти слова имеют единое ударение, а кроме того, их единство подчеркивается тем, что отдельно не существует формы *сте* и *ста*. Для 400 в болгарском употребляется слово *четиристотин*, а в македонском *четиристотини*; второй компонент этих слов таков же, как в следующих обозначениях сотен. На то, что речь идет о словах, а не сочетаниях, указывает, в частности, общее ударение этих слов. Болгарское *стотин* представляет собой распространение на четыре сотни обычного и понятного для пяти и далее сотен род. п. мн. ч. существительного *стотина*, застывшего в этом выражении. В македонском *стотини* — видимо, им. п. мн. ч.

Таким образом, во всех славянских языках наблюдаются, с одной стороны, факты, свидетельствующие об универбации числительных, обозначающих 200, 300, 400, о превращении их в единые слова, а с другой стороны, явления, свидетельствующие о том, что процесс этот не закончен.

Как и обозначения двух, трех, четырех десятков и сотен, так и обозначения следующих десятков и сотен образованы в славянских языках по способу умножения. Однако в связи со свойствами первого компонента (множителя) этих числительных выражений грамматически компоненты таких числительных соединялись по способу управления: первый компонент, множитель (*пять, шесть, семь, восемь, девять*), управлял вторым компонентом (множимым) — словом (в то время — существительным) *десять*, требуя формы родительного падежа множественного числа. В современных славянских языках отмечаются подвинувшиеся в различной степени процессы сращения компонентов анализируемых числительных; в большей мере универбация происходила со словами, обозначающими десятки.

По-видимому, русский и белорусский языки в большей мере, чем другие славянские языки, сохраняют раздельное существование двух компонентов числительных, обозначающих пять-восемь десятков (для 90 восточнославянские языки имеют непрозрачное этимологически *девяносто*). В праславянском — а это положение хорошо сохранилось в старославянском языке —

первый, управляющий, компонент числительного выражения, множитель склонялся, в то время как второй, управляемый, оставался всегда неизменное форме родительного падежа множественного числа *-десять*. Ни один славянский язык такого положения не сохранил. Универбация, превращение сочетания в цельное слово в этом плане обозначала, может быть, в первую очередь стандартную выраженность словоизменения в конце возникавшего слова, т. е. в конце второго компонента. Второй компонент начинал изменяться. Его изменение происходило по образцу *десять*, что вполне естественно. В возникновении изменения второго компонента числительных, обозначающих пять – девять десятков, играли роль несколько факторов. Первый из них – стремление к сращению выражения в слово – уже отмечался. Конкретным образцом для числительных типа *пятьдесят* в этом случае могли послужить числительные типа *двадцать* с их первоначальной уже изменяемостью обоих, а значит, в том числе и второго компонента. Именно влияние этого образца объясняет то, что в числительных 50–90 на некотором этапе изменяются оба компонента. Но влияние можно видеть не только со стороны числительных типа *двадцать*, т. е. в конечном счете влияние числительных типа *два* на числительные типа *пять*, но и другое опосредованное влияние числительных типа *два*: на возникновение «двусклоняемых» числительных типа *пятьдесят* с «согласованными» компонентами в косвенных падежах определенное влияние могли оказать сочетания числительных типа *пять* в косвенных падежах с существительными, употреблявшиеся, видимо, опять-таки под воздействием числительных *два, три, четыре*. Необходимо учесть и грамматическую аттракцию (т. е. синтагматическую индукцию), которой, например, объясняют появление старославянских случаев типа *на трехъ десятихъ сѣребрьницѣхъ*, где местный падеж существительного появился под влиянием двух предшествующих местных падежей.

Русский и белорусский языки сохраняют изменяемость обоих компонентов числительных *пятьдесят – восемьдесят*: первый компонент еще склоняется, а второй уже склоняется. Такое положение, однако, присуще лишь полному стилю белорусского и русского литературных языков. Краткие стили, некоторые говоры этих языков знают различные ступени установления неизменности первого компонента числительных типа *пятьдесят*. В литературном разговорном языке довольно часто встречаются формы творительного падежа с общей основой косвенных падежей: *пятидесятью*. Такие факты проникли и в письменную речь; В. И. Чернышев отмечал их у Пушкина и Тургенева. Разговорная речь идет в этом направлении и дальше, закрепляя для всех падежей единую основу типа *п'иис'át, п'иис'ит'йу* и под. Подобные явления, естественно, встречаются в русских и белорус-

ских говорах. То, что в русском и белорусском языках является достоянием разговорной речи и говоров, в других славянских языках принято как литературная норма. В украинском языке, например, нормой являются формы *п'ятдесят, п'ятдесятьох, п'ятдесяти* и под. В польском языке числительные 50–90 с неизменным первым компонентом получили признание окончательно в XIX в. В словацком, словенском, верхнелужицком языках тоже установилось склонение только второй части числительных рассматриваемого типа; наряду со склоняемыми формами получило здесь распространение употребление в значении всех падежей единой общей формы числительного типа словацк. *pät'desiat*. В нижнелужицком языке такая неизменяемая форма стала, по-видимому, исключительной. В чешском изменению подвергается только второй компонент числительного; на стыке первого и второго компонента произошли фонетические упрощения, которые зафиксированы в литературной норме (например, *padesát*). В болгарском, македонском и сербско-хорватском языках тоже нормированы подобные упрощения на стыке первого и второго компонентов; как и другие числительные типа *пять*, эти числительные здесь вообще не склоняются. Из других явлений целесообразно отметить, что в некоторых поморских (кашубских) говорах второй компонент числительных 50–90 изменился, уподобившись второму компоненту числительных 20–40. Распространение в полабском модели 50 на числительное 40 в какой-то мере имеет аналоги в украинских говорах (*чотирдесят*), в сербско-хорватском языке. Более своеобразным является распространение модели на числительное для обозначения числа 100: *disą(t) diśqt*, произошло оно, видимо, под влиянием средненемецкого *zēnzig*.

Обозначения пяти – девяти сотен в меньшей степени подверглись сращению, чем обозначения десятков. Наиболее архаичен, пожалуй, в этом отношении польский язык, где происходит изменение лишь первого компонента числительного: *siedemset, siedmiolet*. Но в польском языке есть вполне определенные показатели универбации этих числительных: единое ударение, а также общая форма косвенных падежей (в том числе и творительного, отличающегося у числительных типа *пять*). В восточнославянских языках в соответствующих словах имеется общее ударение (при сохранении второстепенного ударения на другой основе), изменяются в числительном оба компонента (в украинском закономерным является общее окончание первого компонента *-и* для всех косвенных падежей, в том числе и творительного; в русском и белорусском языках такое окончание в тв. п. появляется лишь в разговорной речи). Оба компонента склоняются в соответствующих числительных чешского и сербо-лужицких

языков; раздельное написание можно рассматривать, видимо, в качестве свидетельства того, что данные выражения понимаются здесь как соединение двух слов, а не как одно слово. В словацком и словенском языках не склоняется слово *sto*, оно так в неизменном виде и входит в состав числительных 500–900: *pat'sto* и под.; в словацком эти числительные вообще не изменяются, в словенском иногда отмечается изменение первого компонента. Болгарский, македонский и сербскохорватский языки в числительных 500–900 в качестве второго компонента используют не старое числительное *сто*, а производное от него существительное *стотина*, причем в болгарском выступает старый род. п. мн. ч. этого слова (*нетстотин*), в македонском, вероятно под влиянием предшествующих обозначений сотен, обобщена форма им. п. мн. ч. этого слова (*стотини*); а в сербско-хорватском – форма род. п. мн. ч. (*нет стотина*); числительные эти, естественно, не склоняются. Полабские числительные 500–900 нам не известны, но зафиксированное в источниках обозначение тысячи *disat patstid'ě* «десять раз пять штыг» можно рассматривать как косвенное указание на существование образований типа **pat patstid'e*. Обозначение тысячи как «десятки сотен» отмечается также в нижнелужицком, где оно выступает параллельно с другими обозначениями *žaseś stow*, *hundertow /towzynt/ tysac*. Представляется, что такое обозначение тысячи следует рассматривать не изолированно, но в связи с распространенным в ряде славянских языков счетом сотнями типа «пятнадцать сот» (такой счет известен в словацком, чешском, сербо-лужицких языках, некоторых украинских говорах). Интересной параллелью к такому счету сотнями является зафиксированный в староукраинском счет десятками: *одинадцеть десять*. При объяснении таких конструкций следует учитывать возможность немецкого влияния на их распространение; в пользу такого предположения, которое, однако, нельзя считать доказанным, свидетельствует распространение указанных конструкций в чешском, словацком, сербо-лужицких языках; наличие конструкции в староукраинском вполне вероятно связано с польским влиянием (в старопольском соответствующие конструкции известны), а в современных украинских говорах (Закарпатье и Приднестровье) словацкое и польское влияние тоже вполне вероятно; с другой стороны, в ряде славянских языков, не имевших таких тесных контактов с немецким языком, как западнославянские языки, рассматриваемые конструкции неизвестны. Можно допустить, что самое появление рассматриваемых конструкций объясняется немецким влиянием, или же, что немецкое влияние ограничивается лишь содействием закреплению, сохранению конструкций, которые в принципе могли возникнуть и на славянской почве в связи с трактовкой сотни как некоторой счетной единицы (ср. совр. *пятнадцать*

тысяч). Если относительно первого типа влияния еще могут быть некоторые сомнения, то во втором случае сомневаться трудно.

Рассмотренные разновидности некоторых числительных в славянских языках составляют основную группу; они дополняются, во-первых, числительными, образуемыми по способу сочинения компонентов, во-вторых, некоторыми отдельными числительными, образованными по менее типичным моделям, и, в-третьих, простыми (опростившимися) числительными, так или иначе проникшими в систему числительных. Целесообразно остановиться на этих дополнениях.

К первоначальному составу числительных относятся обозначения чисел первого десятка, общие во всех славянских языках (*один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять*), а также обозначения узловых чисел, таких, как *сто, тысяча*. Слова *миллион, миллиард* и под. в грамматическом отношении не стали числительными. Слова *сто, тысяча* являются общеславянскими, они должны были бы отличаться в славянских языках лишь своим звуковым оформлением. На деле, в ряде славянских языков, параллельно со словами *сто* и *тысяча* или вытесняя их, используются некоторые другие слова. В полабском языке для 100 и 1000 использовались уже приводившиеся сложные числительные, построенные по моделям, характерным для других числительных. Подобные сложные числительные как факультативные известны в лужицких языках для 1000. Кроме того, в ряде языков слова *сто* и *тысяча* в большей или в меньшей мере вытесняются заимствованными обозначениями этих чисел. Слово *sto* в нижнелужицком языке употребляется параллельно с заимствованным из немецкого *hundert*. Больше подвергалось замене слово *тысяча*. Болгарский и македонский языки полностью, а сербско-хорватский в факультативном порядке заменили его заимствованным из греческого (*х*)*иляда*. Нижнелужицкий язык наряду с упомянутым сложным образованием и со славянским *tysac* использует немецкое заимствование *tawzynt*. Известно это заимствование и некоторым словенским говорам. В других словенских говорах фиксировалось (итальянское) романское обозначение тысячи *mijár*, а в обозначениях 200, 300 и т. д. также сотни *dva čentnarja*¹. Говоры словацкого, словенского, сербско-хорватского и украинского языков наряду со старым славянским словом используют для обозначения тысячи заимствованное из венгерского (куда оно попало с Востока) слово *ezer* (*изир*). Сюда примыкает еще использование в некоторых словенских говорах слова *red* «ряд» в значении «10» в составе некоторых сложных образований.

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Петербург, 1875. С. 106.

Из других «инородных тел», внедрившихся в систему славянских числительных, надо указать полабское *stig* «20», входившее в некоторые производные образования; они известны были и кашубским говорам. Для 30 в полабском единственным дошедшим до нас обозначением было «пол копы»; аналогичное образование было известно также и кашубским говорам. Для 40 в восточнославянских языках употребляется слово *сорок*. В словацких говорах для этого числа известно заимствование из венгерского (куда оно попало из славянских же языков) *meru*. Для 50 лужицкие широко наряду с обычным образованием используют слово «пол ста». Для 60 во многих славянских языках известно, но нигде не получило сколько-нибудь значительного распространения в чисто количественном значении слово *копа*. Для 70 и 80 варианты в славянских языках неизвестны (если не считать тех вариантов в говорах Словении, где используется двадцатеричный счет). Наконец, для 90 восточнославянские языки используют слово с не вполне выясненной этимологией (нет даже уверенности в том, что *девя*- в слове *девяносто* восходит к *девя*ти, а не к *деся*ти, в котором с заменено на в в результате контаминации).

Следует обратить внимание на роль вкрапленных числительных, обозначающих десятки, как своеобразных парадигматических пограничных сигналов: они встречаются на границе разных словообразовательных моделей числительных. Так, если в полабском закрепилось обозначение «полкопы», то оно служит границей между одной группой сложных числительных, образовавшихся по модели числительных второго десятка, и другой – образовавшихся по модели 50; если в восточнославянских языках и в словацких говорах закрепилось особое обозначение для 40, то оно тоже служит границей между обозначениями 20 и 30 (по одной модели) и 50, 60 (по другой модели). Если в нижнелужицком довольно распространено особое обозначение 50, то оно снова-таки является границей между числительными 30–40 и 60–90. Восточно-славянское *девяносто* смогло получить распространение потому, что оно примыкает к старому обозначению 100 – *сто*. Такое сравнительно распространенное количественное слово как *копа* не стало нигде (за исключением кашубских говоров) настоящим числительным, видимо, потому, что оно разбило бы единообразную систему обозначений десятков 50–90. Использование же *копы* в некоторых кашубских говорах идет параллельно с использованием обозначения 50 как «полуста» и, таким образом, эту систему не разбивает.

К числительным сочетаниям, образованным по способу подчинения, относятся в славянских языках также три подтипа, которые можно считать образованными нерегулярными способами. Один из них уже был частично

рассмотрен: это числительные, образуемые по способу умножения – деления при помощи слова *поль*; вторым компонентом таких числительных было *съто* или *копа*; образования типа *полста* и *полкопы* получили некоторое распространение в западно-славянских языках, в частности, в полабском, сербо-лужицких, в кашубских говорах.

Другой тип – это выражения, которые служили для передачи операции вычитания. Исторически такой тип счета зафиксирован в славянских языках довольно широко; он связан, как справедливо отметила С. М. Глускина, с пониманием числительных как мер. Однако счет вычитанием не получил сколько-нибудь значительного распространения в славянских языках. Вероятно, русские обозначения времени типа *без десяти двенадцать*, *без пяти два* являются хорошими семантическими моделями таких конструкций. Образовывались числительные с вычитанием обычно при помощи предлога *без* с родительным падежом вычитаемого. Порядок уменьшаемого и вычитаемого, вероятно, был относительно свободным; зафиксированы конструкции как с предшествованием вычитаемого уменьшаемому, так и наоборот; очевидно, наличие предлога и родительный падеж вычитаемого были достаточными показателями направления операции, тем более, что уменьшаемое было, как правило, величиной большего арифметического разряда; *два десяти без двух*; *три ста без пяти десят* и под.

Тип образования числительных, который в восточнославянских языках представлен словом *полтора*, должен быть охарактеризован как довольно сложный, комбинированный. Его возникновение уходит к отображению в числительном самой операции счета: *полтора* – это половина второй сотни, т. е. предполагается, что первая сотня была полной (ср. в поморских говорах, где распространено обозначение 50 как *полста*, использование при слове *сто* определения: *полное сто*, на что указывает Лоренц), а от второй сотни половина. Современные славянские языки с их унификацией числительных отводят таким образованиям весьма скромное место. А между тем в памятниках письменности и фольклора они довольно распространены. Этот тип счета, как и счет с вычитанием, по-видимому, связан с пониманием высших разрядов чисел как мер. Логика возникновения этих выражений, видимо, в отражении реального процесса счета некоторых мер. Очень легко представить себе этот процесс так. Некто считает вслух ведра (четверти, коробы, пузы, пуды или корзины) зерна:

- Одно.
- Два.
- Три.
- Четыре.
- Половина пятого.

Половина пятого, полпята и задерживается в языке как обозначение четырех целых (полных) и половины пятого, т. е. четырех с половиной. Поскольку *десяток, сотня, тысяча*, да и *сорок* понимались как некоторые меры, естественно, что наряду с *полпята ведра* появляется и *полпятаста, полпята-десяте, полпятытысячи, полпятасорока*. Понятно и то, что *полтора*, первая и наиболее частая смешанная дробь этого типа, задерживается в языке дольше (а с ней и *полтораства*), в то время как другие аналогичные образования с ростом систематизации наших знаний о числе, с ростом математизации повседневного человеческого мышления уступают место более строгим и более системным обозначениям типа *два с половиной, пятнадцать, двадцать пять, двести пятьдесят, три тысячи пятьсот* и т. д.

Образования типа *полпята, полпятадесяте* к концу XVIII в., по-видимому, остались уже только в загадках. Отмеченное в церковнославянских памятниках выражение *четвертьи третьяго десяте* «24-й» типологически приближается к выражениям типа *поль третья десяте*.

Простые числительные и числительные, образованные по способу подчинительного сочетания компонентов, образовывали систему обозначений опорных, узловых чисел, которая позволяла дальнейшие числа выражать при помощи сочинения с меньшей консолидацией компонентов. Язык не мог стать на путь образования бесконечного множества отдельных слов для обозначения бесконечного множества чисел; это было бы не только неэкономно, во и неприемлемо из-за громоздкости для запоминания. Предпочтительно такое построение системы обозначений чисел, чтобы в случае необходимости говорящий и слушающий могли бы легко образовать и понять обозначение любого числа, опираясь на небольшое количество слов и достаточно простые правила сочетания этих компонентов. Требование простоты правил вызывается необходимостью легкого и быстрого построения и расшифровки обозначений чисел. Это требование имеет своим следствием стремление максимально ограничить арифметические операции, производимые над компонентами обозначений чисел. Уже было показано, как обозначения, образованные при помощи вычитания и деления, выбрасывались за пределы основной системы числительных; обратные действия вносили бы излишнюю сложность в систему обозначений чисел, нарушая ее стройность и единообразие. В обозначениях чисел, образованных в языке по способам умножения и сложения, использовались некоторые достаточно четкие средства, прежде всего подчинение и сочинение, позволявшие различить умножение и сложение.

Этими двумя определениями, однако, не исчерпывается вопрос о структуре свободных обозначений чисел. Компоненты, связываемые по способу

сочинения, могут быть связаны между собой при помощи союзов (притом разных) или без Союзов. Слова, компоненты, связываемые по способу сочинения, могут быть ооположены по отношению друг к другу в разном порядке, что не нарушает переместительного закона сложения.

Наконец, соединяться по способу сочинения (выражая при этом операцию сложения) могут совершенно свободно взятые обозначения чисел (например, *семь и пять*) или же обозначения чисел, как-то ограничиваемые. Целесообразно ввести ограничения, которые определяются использованием при построении числительных системы счисления. Соединяются сочинительной связью в единые обозначения чисел слова, обозначающие единицы разных разрядов: единицы и десятки, единицы и сотни, сотни и десятки, сотни и тысячи, тысячи и десятки, тысячи, десятки и единицы и т. д. Не соединяются в единые числовые обозначения слова, служащие обозначениями единиц одного и того же разряда, например, обозначения десятков с обозначениями десятков и т. д.

Следует сказать, что сочиняются числительные в пределах трех разрядов: единицы, десятки и сотни; при обозначении больших чисел после таких сочиненных обозначений дается показатель класса (*тысяча, миллион, миллиард* и др.) в форме, соответствующей (по принципу подчинения) компоненту, обозначающему число единиц данного класса; ср. русск. *пять тысяч триста сорок пять; семьсот пятьдесят один миллиард девятьсот восемьдесят семь миллионов шестьсот пятьдесят четыре тысячи триста двадцать один* и под. В обозначениях больших чисел происходит сочинение уже крупных частей, соответствующих классам.

Таким образом, рассматривая сочиненные числительные следует помнить, что сочиняются, сочетаются в них разноразрядные простые и в той или иной мере лексикализовавшиеся числительные. Порядок следования этих сочиняемых числительных и употребление при них союзов некоторым образом взаимосвязаны.

Общая тенденция в развитии порядка следования компонентов сочиненных или, как их традиционно принято называть, составных (по русской академической грамматике – сложных) числительных, состоит для славянских языков, во-первых, в установлении нормативного порядка компонентов, отказе от свободного размещения их, характерного для старых языков, а во-вторых, в установлении в конечном счете порядка, соответствующего цифровому написанию, т. е. от высшего разряда – к низшему. Целесообразно называть такой порядок прямым, а его противоположность – обратным.

Судя по старым памятникам славянских письменностей, для древнейшего периода характерно было относительно свободное расположение

компонентов со статистическим преобладанием прямого порядка. Обратный порядок компонентов представлен, например, в древнерусских памятниках: *триста да тысяча, одинадесять и сто* и под. Преобладающим, однако, был прямой порядок соединения компонентов. При обоих порядках следования компонентов использовалось их союзное соединение. Особенно часто использовалось союзное соединение компонентов при обратном порядке компонентов. Причина этого состоит, видимо, в том, что союзное соединение компонентов обеспечивало большую надежность, большее различие умножения и сложения компонентов. Учитывая, что в старых языках не было еще такого единообразия систем счета, какое имеется теперь, что наряду с десятичной системой счисления сравнительно широко использовались осколки других, имела опасность смешения умножения и сложения, особенно при обратном порядке следования компонентов: *три сорокъ* могло быть понято как 3×40 , а не $3 + 40$. Чтобы обозначить «плюс», сложение в единицах второго десятка по сравнению с обозначениями десятков (произведений) при обратном порядке компонентов был использован предлог *на*. Чтобы различить умножение и сложение в случаях, подобных приведенному, использовался соединительный союз. Старославянские памятники во всех случаях записи составных числительных словами использовали союзное соединение компонентов; при обозначении чисел цифрами (буквами-цифрами) тоже иногда встречались союзы.

В качестве соединительных союзов между компонентами сочиненных числительных использовались в старославянском языке союзы *и* и *ти*. В древнерусских источниках наряду с этими союзами (*ти* – в церковнославянских источниках) использовался союз *да*. В западославянских источниках наряду с союзом *i* (а в чешском, словацком и сербо-лужицких языках – вытесняя его) в сочиненных числительных использовался (и используется) союз *a*. В словенском языке в связи с общей судьбой союза *i* в числительных вместо него употребляется союз *in*.

Расчлененное понимание разрядов числительных сказывалось не только в постановке между ними союза, который, видимо, должен был объединять компоненты числительных, но и в повторении предлогов перед обозначением каждого разряда (типа *по 100 и по 20 денег*), во вставке названия считаемых предметов между компонентами сочиненного числительного, в повторении этого названия после каждого разряда (например, *40 дворов и два двора*) и т. д. Это расчлененное понимание к тому же давало возможность использовать различные несистемные способы соединения компонентов числительных, вроде приводимых Яном Гебауэром для старбчешского языка образований типа *сто с одним, пять ко сту, восемьдесят между двумястами* и др.

Упорядочение сочиненных числительных в отношении порядка компонентов шло по пути внедрения прямого порядка компонентов. Прямой порядок компонентов в настоящее время является допустимым во всех сочиненных числительных всех славянских языков (кроме, может быть, числительных, обозначающих сочетания десятков и единиц в верхнелужицком языке). Прямой порядок компонентов является основным в восточнославянских языках, в польском, в болгарском, македонском и в сербско-хорватском языках для всех сочиненных числительных; он является основным также в чешском, словацком, сербо-лужицких и словенском языках в числительных, не являющихся обозначениями соединений десятков и единиц. В чешском, словацком, сербо-лужицких и в словенском языках, а также в словинских говорах, видимо, под немецким влиянием для обозначения соединений десятков с единицами закрепились числительные с обратным порядком компонентов при союзном соединении их (союз *a* в западнославянских языках и *in* в словенском). Наряду с этим используется в тех или иных случаях (обычно связанных с цифровыми операциями) прямой (и бессоюзный) способ соединения компонентов в соответствующих числительных. Вопрос о происхождении обратного порядка и союзного соединения в рассматриваемых случаях был предметом дискуссий. На связь таких образований с немецкими указывает тот факт, что образования этого типа используются лишь в обозначениях десятков с единицами, в то время как в старых славянских источниках обратный порядок компонентов и их союзное соединение применялось и в обозначениях сотен. Аналогичное положение имело место и в старых германских источниках. Однако совпадение в дальнейшем закрепления специфических конструкций десятков и единиц в немецком и некоторых других германских языках, с одной стороны, и в тех славянских языках, которые в наибольшей степени соприкасались с немецким языком, с другой стороны, заставляет предполагать, что это общее явление. Правда, и германские, и славянские языки имели основы для закрепления таких конструкций, но общность того круга числительных, в которых произошло это закрепление, и единообразие типологической структуры получавшихся числительных свидетельствуют о некотором общем источнике соответствующих инноваций. Предположить во всех этих случаях немецкое влияние вполне допустимо (может быть, чешский язык явился своего рода проводником влияния, например, на словацкий язык). Мало вероятно и самостоятельное типологическое тождество соответствующих конструкций, для которых отнюдь не исключено взаимное влияние. Вот почему, видимо, нельзя в данном случае присоединиться к мнению Ф. Рамовша о том, что рассматриваемый способ счета в словенском «не

имеет ничего общего с немецким», но можно согласиться с К. Горалком и И. Лековым, предполагавшими в данном случае немецкое влияние¹.

Обратный порядок компонентов без их союзного соединения приведен для числительного 21 в полабских источниках – словарях Геннига, Пфедфингера и Бокёра (в материалах копенгагенского словарика и Домейера – прямой порядок слов); такой способ известен также некоторым диалектам славянских языков, в частности, словинским, польским, лужицким, украинским и русским. Распространение в литературных славянских языках такой способ счета не получил. Господствующим здесь, как и в большинстве случаев в диалектах, следует признать прямой порядок компонентов.

Что касается союзного соединения компонентов сочиненных числительных, то оно имеет распространение еще в ряде случаев. Использование союзного соединения компонентов характерно для южнославянских языков. В болгарском и македонском языках союз обычно ставится перед последним компонентом числительных, а в разговорной речи он повторяется между всеми компонентами составного (сочиненного) числительного. В сербско-хорватском языке употребление союза и между компонентами сочиненных числительных является факультативным: союз может употребляться или не употребляться, используется он обычно перед одним из компонентов числительного: ср. *сто педесет и седам*, *сто и педесет седам* и *сто педесет седам*. О союзном соединении компонентов словенских числительных, обозначающих десятки с единицами, уже говорилось.

Из западнославянских языков союзное соединение компонентов числительных, кроме тех, которые обозначают сочетание десятков с единицами, сохраняют сербо-лужицкие языки. В восточнославянских языках союзное соединение компонентов в рассматриваемых числительных в основном было утрачено примерно в XVII в., но до сих пор подобные конструкции встречаются в говорах.

Рассмотренные способы образования числительных вертикальной системы дают возможность в современных славянских языках на базе нескольких корней с числовым значением и сравнительно немногих слов, универбализовавшихся из сочетаний этих первичных числительных, при помощи простых правил, во многом сходных для различных славянских языков, образовать сколь угодно много числительных для обозначения неограниченного ряда чисел.

¹ Рамовиш Ф. Цит. по: Соч. С. 109 ; Horálek K. Uvod do studia slovanských jazyků. Прага, 1955. С. 172 ; Леков И. Общность и многообразие в грамматическом строении славянских языков. София, 1958. С. 56.

Почти во всех славянских языках вертикальная система числительных пересекается с их горизонтальной системой. Различия состоят, во-первых, в том, каковы члены горизонтальной системы (собирательные, лично-мужские и т. д. числительные) и, во-вторых, в том, какова глубина пересечения вертикальной и горизонтальной систем; каковы вертикальные системы дополнительных групп числительных – собирательных, лично-мужских и т. д. Те группы, которые соотносятся с вертикальной системой числительных лишь на небольшом участке, например, от двух до десяти, образованы уже давно, непродуктивными ныне способами. Напротив, те группы, которые соотносятся со всем или с большей частью числового ряда, образуются продуктивными способами, хотя само понятие продуктивности в отношении к числительным получает весьма специфическое применение.

«Представителями женевской лингвистической школы очень остроумно было замечено, что в грамматике понятие «мертвого», непродуктивного почти отождествляется с понятием «считаемого», обнимаемого числом. То, что может быть сочтено, – непродуктивно»¹. Любые новообразования, соотносимые с числовым рядом, считаются; такова их природа, вытекающая из самой соотносимости с числовым рядом. В этом смысле они как бы становятся на грани непродуктивных образований. Но такие образования не сосчитываются: ряд чисел бесконечен, и, если по данному способу происходит образование некоторых языковых единиц, соотносимых со всеми новыми и новыми членами числового ряда, то нельзя не заключить, что оно продуктивно. В этом смысле следует, видимо, признать бесконечную продуктивность прежде всего; бесконечного основного ряда числительных. Отсюда придется сделать заключение о том, что способы образования дополнительных рядов числительных, полностью соотносимых с этим основным рядом, тоже должны быть признаны продуктивными.

Сложность и противоречивость такого решения состоит в том, что, благодаря счетности множества образуемых слов, возникает представление, что все слова, соотносимые с числовым рядом, например, обычные количественные числительные, уже образованы, а раз так, то в чем же состоит продуктивность способов их образования? Но, с другой стороны, бесконечность этого множества неоспоримо свидетельствует, что все слова, соотносимые с бесконечным множеством чисел, никогда не были образованы и, более того, никогда не будут образованы. Значит, принципиально, никогда способы образования числительных не станут непродуктивными. Лингвистическая сущность этого противоречия состоит в специфичности применения к числительным понятия создания (произведения) и воссоз-

¹ Виноградов В. В. Русский язык. С. 36.

дания (воспроизведения) языковых единиц. Можно ли с достаточной уверенностью сказать, что, произнося числительное *пятьсот восемьдесят три миллиарда четыреста сорок два миллиона семьсот тридцать пять тысяч девятьсот пятьдесят семь*, мы создаем новое, не бывшее до этого в употреблении, числительное, а не воспроизводим уже использовавшееся числительное? Или, наоборот, можно ли со стопроцентной уверенностью утверждать, что это или какое-нибудь другое случайно взятое числительное воспроизводится, а не «создается вновь»? Самая суть легкости тех правил, по которым «образуются» числительные, как раз и состоит в том, чтобы не было различия между создаваемыми и воссоздаваемыми числительными; можно, вероятно, сказать, что противопоставление производимого и воспроизводимого нейтрализуется в сфере числительных. Такова логика той системности в высшей степени ее проявления, которая характеризует словообразовательную систему вертикального ряда числительных. В этом конечный смысл и конечный итог всяких выравниваний :и сглаживаний не-системных явлений в словообразовании вертикального ряда числительных.

Экономичность и стройность словообразовательной системы числительных могли быть достигнуты, конечно, благодаря исключительной четкости и стройности системы самих денотатов числительных – чисел, а также благодаря тому, что здесь, как может быть ни в какой другой области, проявляется связь достижений человеческого мышления с языком, причем связь взаимная. Стройная система числительных, конечно, отражает стройную систему чисел. Но стройная система чисел прежде всего находила свое воплощение именно в языке, более того, как неоднократно отмечалось, самое возникновение и существование системы отвлеченных чисел связано с наличием для нее специфических обозначений в языке.

Весьма интересно, что экономичность и стройность словообразовательной системы числительных проявляется не только в одной, стержневой вертикальной системе количественных числительных, но и в ее горизонтальных «двойниках», дополнениях.

К таким рядам, кроме порядковых прилагательных, которые по своим грамматическим свойствам относятся к прилагательным, а не к числительным, хотя в их словообразовательных особенностях и проявляются определенные черты сходства с числительными, относятся ряды так называемых собирательно-разделительных и мужско-личных числительных в ряде славянских языков.

Собирательно-разделительные числительные первоначально имели значение разделительности, на базе которого возникло количественное значение собирательности.

Слова *дъвойь*, *тройь* едва ли можно рассматривать как суффиксальные образования на базе *дъва*, *трие*. В балтийских языках их параллели имеют вид литовск. *dveji*, *abeji*, *treji*, латышек, *abeji*, *treji* и, по-видимому, справедливо рассматриваются как вариантные основы числительных 2, 3. Возможно, что засвидетельствованное Л. Н. Дровниковой русское *двей* в акте 1497 г. представляет собой осколок образований такого типа; нельзя исключить, что и польское *bn trzej* тоже представляет собой его остаток. Славянские образования с *-о-* вместо *-е-*, возможно, следует связать с формой род. п. слова *дъва*: *дъвою*; из этой формы могла быть отвлечена «основа» *двой-*, которая и воспринята как основа разделительного числительного и распространена по аналогии на *трей/трой*. Наличие двух форм с *-е-* и с *-о-* в слове *оба* (ср. *обеих* \| *обоих*) можно рассматривать как свидетельство в пользу высказанного предположения о происхождении *-о-*, хотя, может быть, оно принято и как свидетельство наличия, наряду с вариантностью *два* \| *двей*, *три* \| *трей*, *оба* \| *обей*, еще и третьего варианта *двой*, *трой*, *обой*. Автор этих строк не считает решение вопроса принципиальным для данной работы и допускает обе возможности.

Другие собирательно-разделительные числительные образуются в славянских языках с элементом *-ер-* (*-’ор-*) или *-ор-*. В старославянском языке в рассматриваемых числительных варьировались гласные *о* и *г*. В современных восточно-славянских языках закрепились формы собирательных числительных с *-е-*: русск. *четверо*, *пятеро*, ..., укр. *четверо*, *п’ятеро*, ..., белор. *чацвёра*, *пяцёра*, ... Судя по имеющимся данным, формы на *-еро* являются единственно употребительными и в говорах восточнославянских языков; в письменных памятниках формы на *-оро* встречаются лишь в церковнославянских текстах. Западнославянские языки знают как формы с *-ор-*, так и формы с *-ер-*, дающим *-’ор-*. Именно так обстоит в польском и сербо-лужицких языках, где одни числительные имеют *-ого*, а другие *-его* > *-’ого*. При литературных словацких формах на *-ого* в западнословацких говорах имеются образования на *-его*¹. В чешском языке закрепились употребление форм на *-ег-*, но в памятниках, хотя и редко, встречаются формы с *-ог-*. В кашубских говорах известны варианты собирательно-разделительных числительных, отражающие старые формы на *-о-* и на *-е-*. Полабские формы, видимо, отражают старое *-е-*. Из южнославянских языков македонский и болгарский языки утратили собирательные числительные. В сербско-хорватском при более частых формах на *-оро* реже встречаются и формы на *-еро*. В словенском языке закрепились формы с *-е-*.

¹ См.: Станислав Я. Цит. по: Соч. С. 399–400.

Соотносимость ряда разделительно-собирательных числительных с натуральным числовым рядом различна в разных славянских языках. В западнославянских языках, а также в словенском и сербско-хорватском собирательно-разделительные числительные сравнительно легко образуются как от простых, так и от сложных числительных; старая, народная и разговорная речь знает и образования от составных числительных, где собирательную форму имеет последний компонент. Интересны и образования от числительных 100 и 1000, в т. ч. от заимствованного нижнелужицкого *hundert* «100»: н.-луж. *story, hundertory*, чешек, *tysicerý*; ср. также польск. *kilkoro* и под. Близкое у этому положение имеется также в украинском и белорусском языках; здесь, однако, образования собирательно-разделительных числительных свыше 10 допускаются с некоторыми оговорками. В русском литературном языке допустимыми считаются лишь собирательные числительные первого десятка, причем некоторые внимательные наблюдатели отмечают неупотребительность собирательных от 8 до 10, формы же свыше десяти считаются просторечными. Они, действительно, лишь изредка попадают в литературную речь, да и в просторечии не отличаются употребительностью.

Элемент *-р-* в прославянских образованиях был, очевидно, отвлечен из вариантной основы числительного *четырь-/четъвер-* (ср. порядковое *четверг-*). Это *-р-* стало присоединяться к основам следующих числительных; если в качестве такой основы выступала основа порядкового, то получались слова типа *пятор-*, под влиянием которых в дальнейшем вместо *четвер-* появилась основа *четвор-*; если же от *четъвер-* отвлекалось не *-р-*, а *-ер-*, то его соединение с основой количественного числительного давало образования типа *пятер-*. Последние могли появиться и из *пятор-* под влиянием *четъвер-*. Этому объяснению происхождения собирательных от 5 не противоречат и данные литовского языка; редкие диалектные формы типа *penkelì* вместо *penkerì* Ян Отрембский совершенно основательно объясняет как результат влияния неопределенно-количественного Числительного *kelì*¹. Другое объяснение образования собирательно-разделительных числительных предполагает, что в *пятер-* и под. «выступает древний индоевропейский суффикс *-er-* (*-or-*), синонимичный *ter/tor*, выражавший противопоставление» (Т. Лукинова). Собирательно-разделительные числительные в таком случае по суффиксу сопоставляются со словами *которъ, етеръ, въторъ*. Аргументы в пользу указанной этимологии не представляются вполне достаточными. Поэтому автор настоящих строк вслед за Мейе, Фасмером, Семереньи предпочитает бругмановское объяснение форм типа *пятер-* как

¹ *Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego, III. Warszawa, 1956. С. 173.*

аналогичных форме *четвер-*. История числительных знает слишком много случаев преобразований по аналогии, чтобы таким объяснением можно было пренебречь в данном случае.

Мужско-личные числительные являются сравнительно поздней инновацией славянских языков, как и сама категория мужского лица. Естественно поэтому, что способы образования мужско-личных числительных не идентичны в различных славянских языках, хотя и можно найти в них некоторые общие черты.

В польском языке мужско-личные числительные отличаются только в именительном падеже. В качестве мужско-личных форм именительного падежа закрепились формы родительного падежа числительных. Представляется, что это объясняется переносом в именительный падеж формы винительного падежа, совпадающей для одушевленных существительных с формой родительного падежа. Перенос формы винительного на именительный не является единичным (ср. хотя бы *свекровь* или *стола*); но для числительных специфичен перенос в именительный такой формы винительного падежа, которая совпадает с родительным. Допустимость этого переноса связана, во-первых, со слабой противопоставленностью именительного и винительного падежей у числительных, а, во-вторых, с тем, что для лично-мужских числительных меньше, чем для других числительных, характерно противопоставление именительного-винительного (субъектно-объектного) падежа другим (атрибутивным) падежам, поскольку само возникновение лично-мужской формы числительных в именительном падеже означает появление у них несвойственного обычно для числительных в этом падеже согласования – т. е. признака атрибутивного отношения числительных к существительному, обозначающему считаемые предметы. Категория мужского лица для тех языков, в которых она развивается, ведет к грамматическим преобразованиям числительных. Одно из этих преобразований в западнославянских языках состоит в появлении согласованности числительных с существительными в именительном падеже, т. е. нейтрализации одного из важных противопоставлений в падежной системе числительных – противопоставления согласуемых косвенных падежей с управляющими именительным и винительным. Это и позволяет в данном случае использовать в качестве формы именительного падежа лично-мужского числительного форму родительного падежа.

Но в польском языке для числительных 2, 3 и 4 имеются и другие варианты лично-мужской формы, которые встречаются примерно с такой же частотой, как и формы, омонимичные с родительным падежом (из рассмотренных 120 случаев им. п. 59 случаев пришлось на формы типа *dwóch*,

а 61 на формы *dwaj, trzej*). Происхождение польских форм *dwaj, trzej, cztery* широко обсуждалось в науке, но не получило однозначного решения.

А. Крынский выдвинул предположение о том, что формы типа *dwaj* возникли в результате контаминации форм типа *dwa* и *dwój*¹. Эта точка зрения была поддержана В. Вондраком². Ян Розвадовский в коллективной польской грамматике отмечал, что *trzej* из *trze* появилось фонетически, впоследствии к этому исходному толчку «присоединилось влияние форм *dwoje, oboje, troje*»³. С этим согласился в своей монографии о польских числительных З. Клеменевич. Т. Лера-Сплавинского не удовлетворяла в объяснении Крынского и Розвадовского невыясненность семантико-синтаксического своеобразия рассматриваемых форм как мужско-личных. В связи с этим он предположил, что конечный *j* происходит в них из *i*, возникшего под влиянием окончания *i* в лично-мужской форме им. п. мн. ч. прилагательных и местоимений⁴. А. Граппэн показал, что форма *trzej* была зафиксирована в письменности раньше, чем предполагал Т. Лер-Сплавинский, причем сказуемое при ней стояло в единственном числе, что противоречит значению множественности окончания *i* (>*j*). (Это, впрочем, не может опровергнуть применимости гипотезы Лера-Сплавинского к кашубскому *dwaji*). Ян Лось писал, что на возникновение польской формы *trzej* оказала влияние форма *więcej*, а *dwaj* появилось по образцу *trzej*⁵. Подчеркнув, вслед за Лосем и Клименевичем, что форма *trzej* появилась примерно столетием раньше формы *dwaj*, и считая маловероятным влияние собирательных числительных типа *trój* на возникновение *cztery* (ср. *czworo*), Анри Граппэн принял в своей монографии фонетическое объяснение Розвадовского для возникновения *trzej* из *trze* с последующим образованием *cztery dwaj, obaj*. «Развившийся новый элемент стал показателем личности». Между тем полностью принятая гипотеза Розвадовского о возникновении *trzej* и его влияния на 2 и 4 для польского языка объясняет форму числительного *trzej*, показывает причину того, что числительное *trzej* и близкое к нему *cztery* появились раньше, чем *dwaj*. Что касается семантико-синтаксической стороны вопроса, то, быть может, надо учесть влияние собирательно-разделительных числительных, которые в восточнославянских языках стали использоваться при обозначениях мужского лица. Следует, однако, учесть еще некоторые образования в славянских языках, внешне напоминающие польские чис-

¹ См.: *Encyklopedia Polska*. III. 1915. С. 179.

² См.: *Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik*, II. Göttingen, 1928. С. 63.

³ *Rozwadowski J. Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego, Wybor pism*. I, Warszawa, 1959. С. 163, 205.

⁴ См.: *Лер-Сплавинский Т.* Цит. по: Соч. С. 16–17.

⁵ *Język Polski*, XIII. S. 111.

лительные типа *dwaј*. Уже отмечалась древнерусская форма *двѣи*, но не менее интересна и зафиксированная Б. Г. Унбегауном в актах 1546–1547 гг. форма *дваи*. Это *дваи* отмечено несколько раньше польского *dwaј*. Отмечая распределительный характер конструкций, в которых отмечена указанная форма (с предлогом *по*), Унбегаун весьма осторожно говорит о возможности влияния форм типа *по пяти*¹. Представляется, что отмеченные Л. Н. Дровниковой случаи употребления формы *пяти* в значении винительного падежа при одушевленных существительных, а также аналогичные конструкции в памятниках украинского языка конца XVII – начала XVIII вв. косвенным образом могут свидетельствовать в пользу предположения Унбегауна, но, скорее, лишь в той части, что на *дваи* влияла *пяти*, происхождение которого не обязательно из сочетаний с *по*, а возможно из вин. п., совпадающего с род. п.; ограниченность распространения форм *дваи* всего несколькими примерами не позволяет проверить это предположение на большем материале.

Верхнелужицкая форма *dwaј*, используемая в общем значении «два» для всех слов мужского рода, видимо, так или иначе связана с формами двойственного числа на *-aj*, однако пока не установлены окончательно пути этой связи. А. Мука указывал, что на лужицкое *dwaј* могли повлиять прилагательные типа *powaj*². Слабым звеном такого объяснения является то, что происхождение формы прилагательных нельзя считать окончательно выясненным. Оригинальную точку зрения на лужицкое *dwaј* высказал Л. А. Булаховский, отметивший, что оно отражает влияние немецкого *zwei*³. Гипотеза Л. А. Булаховского имеет то преимущество, что другие формы двойственного числа на *-aj* объясняет, исходя из числительного 2, а это более, чем вероятно, ибо, конечно, числительное играло значительную роль в сохранении и обновлении двойственного числа. Однако вопрос этот нуждается, по-видимому, в дальнейшей проверке.

Сербо-лужицкая форма лично-мужских числительных характеризуется окончанием именительного падежа *-о*, которое в качестве тематической гласной повторяется и в других падежных окончаниях. Возникновение этого *-о* нельзя считать окончательно выясненным; возможно, оно связано с верхнелужицким окончанием им. п. мн. ч. существительных мужского рода, обозначающих лиц *-(о)ј о*; нельзя исключить влияния *-ѐо* в некоторых пространственных названиях или *-јо* в собирательных существительных (оно противоречило бы адъективному характеру лично-мужских числительных,

¹ См.: *Unbegaun B.* La langue russe an XVI siècle. P., 1935. P. 413.

² См.: *Mucke E.* Historische und vergleichende Laui und Formenlebre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891. С. 427.

³ См.: *Булаховский Л. А.* Вопросы индукции грамматических чисел в славянской морфологии // Славянская филология. 1. М., 1958. С. 124.

но следует учесть, что в нижнелужицком, начиная от одиннадцати, различия лично-мужских и женско-вещных форм не проводятся, а числительные второго десятка имеют окончание *-o*); надо учесть и возможности влияния разделительно-собирательных типов *rjeśoŕu* и *troje* (устар.); возможно и отвлечение *-o-* из форм косвенных падежей, где оно появилось фонетически в результате перехода *-e-* в *-o-*. Так или иначе, распространение *-o* на разные числительные едва ли обошлось и здесь без аналогических процессов.

Полабские формы *dãvoj*, *tãroj*, *vãboj*, по-видимому, возникли в результате процесса взаимных влияний форм **tãraj* и *dãvo*, а возможно, и при косвенном влиянии собирательных числительных типа **dъvojъ*.

Словацкие лично-мужские числительные на *-i* (типа *piati*) получили конечное *i*, видимо, из окончания *-i* в им. п. мн. ч. существительных типа *chlapí*: *piati chlapí*. Как в этом случае, так и в случае, если в генезисе указанных форм сыграл роль родительный падеж числительных, речь идет об аналогическом развитии окончания *-i*. Лично-мужские формы числительных на *-a* в словацких говорах, вероятно, возникли под влиянием форм типа *brat'a*. Формы *dvaĵa*, *traĵa*, *štyria* в литературном словацком языке Ян Станислав тоже объясняет воздействием этих влиятельных форм, не исключая и дополнительного влияния собирательных числительных¹.

В болгарском языке лично-мужские числительные на *-(и)ма* (*двама*, *трима*, *четирима*, *петима*, *шестима*, *деветима* и др.) возникли, видимо, в результате распространения на различные числительные окончания дательного-творительного падежа слова *два* (ср. *дъвама* вместо *дъвъма* под влиянием *дъва* в результате пропорциональной аналогии *дъвъѢ*: *дъвъма* = *дъва* : *х*, откуда *х* = *дъвама* – Зоґр., Лк. 16, 13). Нельзя исключить и контаминации с формами на *-ина*: *седмина*, *осмина*; последние тоже употребляются в болгарском языке в качестве лично-мужских параллельно с использованием их как обозначений дробей-существительных. Более того, в связи с распространением этих форм произошло переразложение основ: *-мина* с *-м-* из основы стало присоединяться к другим числительным: *двамина*, *тримина*, *петмина*, *десетмина*. Иногда в качестве мужско-личной формы числительных используются в болгарском языке еще и существительные на *-ица*. *Мина* в некоторых случаях понимается даже как отдельное слово, видимо, со значением «голов», «душ»: *девет мина*.

В македонском языке в качестве лично-мужских числительных используются существительные на *-јца* (*-ица*): *двајца*, *тројца*, *четворица*, существительные на *-ина* и слова, образуемые с возникшим в результате переразложения *-мина*: *шестина*/*шесмина*, *петмина*, *деветмина*, *стомина*;

¹Станислав Я. Цит. по: Соч. С. 379 и след.

ср. сосуществование старой формы *седмина* и вторичной, секундарной *седуммина*, а также присоединение *-мина* после члена: *петтемина*.

В украинском и в болгарском языках, в белорусских говорах имеют некоторое распространение числительные с суффиксами субъективной оценки, например: укр. *двійко*, *двойко*, болг. *двамка*, *тримка*, белор. *двойка* и под. Л. А. Булаховский полагал, что в украинских образованиях суффикс заимствован из существительных. Так же обстоит дело в болгарском и белорусском языках.

На этом и кончается весь небогатый репертуар словообразования в горизонтальной системе числительных. Рассмотрение этого материала показывает, что своеобразных словообразовательных средств в горизонтальной системе числительные не развели, нет каких-то особых числительных суффиксов. С одной стороны, некоторые малочисленные числительные (украинские и болгарские уменьшительные) просто заимствуют свои словообразовательные элементы у существительных, другие сами являются существительными (как болгарские и македонские числительные на *-(и)ца* и *-ина*), подвергшимися определенной грамматической переработке, наконец, третьи – наиболее многочисленные – возникли в результате аналогических процессов.

На примере горизонтальной системы числительных можно убедиться в том, что «так называемая грамматическая аналогия представляет собой отнюдь не хаос случайных, разорванных языковых фактов»¹, но некоторую систему. Почему же именно числительные используют широко аналогию в процессе развития своей горизонтальной системы? «Аналогия, – замечал И. А. Бодуэн де Куртенэ, – есть один из частных видов силы бессознательного обобщения (аперцепции)»². Использование аналогии в образовании новых элементов горизонтальной системы числительных можно объяснить прежде всего следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, числительные – это одна из наиболее спаянных в семантическом отношении частей речи. Семантика вертикального ряда числительных по отношению одного члена ряда к другому представляет совершенную и ярко выраженную систему. Это создает предпосылки легкого и свободного воздействия одних членов вертикальной системы на другие. Предпосылки превращаются в действительность потому, что числительные, с другой стороны, – отнюдь не тесно спаянная грамматически часть речи. Противоречие между семантической

¹ Жирмунский В. М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии // Труды Института языкознания АН СССР. IV. М., 1954. С. 110.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. Подробная программа лекций в 1876/77 учебном году // Избранные работы по общему языкознанию. 1. М., 1963. С. 98.

спаянностью и грамматической разобщенностью числительных не может не вести к преодолению грамматической разобщенности. Числительное только формируется в единую часть речи из слов с различными свойствами, прилагательных и существительных, многие грамматические черты которых нейтрализуются, а потому неясно, что должно воспроизводиться словообразовательными средствами числительных. Наиболее простой выход из этого противоречивого положения состоит в том, чтобы воспроизведение свойств числительных происходило наиболее примитивным путем – путем непосредственного подражания, аналогии.

Способы образования вертикальных подсистем, способы образования горизонтальной системы числительных соответствуют основной эволюционной тенденции числительных – тенденции к превращению их в особую часть речи. Своеобразие этих способов выводит их на грань словообразовательной системы языка или даже за ее пределы, потому что словообразование здесь принимает Ресьма и весьма специфические формы.

В этом отношении горизонтальная «словообразовательная система числительных» перекликается с вертикальной. Как и горизонтальная словообразовательная система числительных, вертикальная система весьма специфична. Как и в горизонтальной системе, воспроизведение свойств части речи в каждом новом слове происходит примитивным способом. Если в горизонтальной системе оно происходило путем аналогии, то здесь оно происходит путем повторения.

Надо сказать, что горизонтальная система числительных не может считаться словообразовательной системой. Есть основания считать образования типа лично-мужских числительных не новыми словами, а новыми формами числительных; следовательно, горизонтальная система должна рассматриваться в этом случае как формообразовательная.

Уже затрагивался вопрос о воспроизводимости элементов вертикальной системы числительных, причем пришлось прийти к выводу о том, что в данной ситуации противопоставление воспроизводимых и создаваемых заново элементов нейтрализуется. Нейтрализуется и противопоставление цельнооформленности – нецельнооформленности. Представителем составного числительного по отношению к тексту в смысле грамматических свойств является в сочиненных числительных последний, а в подчиненных (пока они еще являлись прозрачными образованиями) – главный компонент. Но это делает обозначение числа как бы единым. В то же время внутри обозначения «компоненты изменяются: *тысяче девяностам сорока пяти, пятьюдесятью*. А это означает, что указанные слова не-цельнооформлены. Противоречивость стремится к нейтрализации: внутренние компоненты та-

ких числительных утрачивают изменяемость, появляются формы типа укр. *n'ятдесятьма* или русск. разговорн. *тысяча девятистам сорока пяти, тысяча девятьсот сорока пяти*. Предела такой противоречивости достигают порядковые прилагательные, в которых все компоненты, кроме последнего, остаются неизменными. «Это одно слово или словосочетание?» – спрашивает о порядковых числительных Б. А. Ильиш¹.

На вопрос Б. А. Ильиша применительно к составным числительным, видимо, придется ответить, что в данном случае нейтрализуется противопоставление между отдельным словом и сочетанием слов. Независимо от того, какие будут выбраны критерии слова, нельзя не заметить, что в составных числительных создается такое положение, когда характерные признаки, критерии слова оказываются слабо выраженными. Можно, конечно, говорить о разной степени нейтрализации противопоставления слов и словосочетаний применительно к разным числительным и к разным языкам, но нельзя не заметить, что везде происходит сглаживание противопоставлений слова и словосочетания в составных числительных по различным направлениям. Приходится сказать и о том, что словообразование в «обычном смысле слова» не присуще числительным. Применительно к числительным приходится говорить о весьма специфических приемах образования составных числительных, которые плохо укладываются в обычные рамки словообразования.

Итак, «словообразовательная» система числительных очень своеобразна. Но, что очень важно, это своеобразие, во-первых, вытекает из семантической специфики числительных, а во-вторых, способствует превращению числительных в особую часть речи. С одной стороны, словообразовательная система числительных обеспечивает простые правила образования обозначений бесконечного множества чисел при помощи небольшого количества готовых компонентов и операций. С другой стороны, она обеспечивает воспроизведение свойств опорных числительных во всех прочих числительных. И, наконец, словообразовательная система числительных обеспечивает все большую консолидацию различных по происхождению и первоначальным грамматическим особенностям слов в единый и стройный ряд, соответствующий ряду чисел, объединяемый не только семантически, но все больше и грамматически.

Такова историческая и функциональная роль словообразовательной системы числительных как фактора, способствующего превращению числительных в особую часть речи, как фактора их консолидации и систе-

¹ Ильиш Б. А. О критериях слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 160.

матизации, облегчающей использование в процессе функционирования языка. При всех частных отклонениях и ответвлениях нельзя не заметить, что в основном и главном словообразовательная система числительных соответствует этой роли.

Словообразовательная система числительных есть функция от их свойств и вместе с тем фактор, укрепляющий и объединяющий эти свойства. Словообразовательная система числительных – одна из важных предпосылок превращения их в особую часть речи.

III. Изменения в формообразовательной системе славянских числительных

Наряду с частично рассмотренным в связи с анализом словообразовательной системы образованием уменьшительных (в немногих языках), собирательно-разделительных (видовых) и лично-мужских числительных, которое можно отнести к пограничным случаям формо- и словообразования, к формообразованию числительных, как и других имен, относится изменение их по родам, числам и падежам.

Родоизменением обладали в праславянском языке те будущие числительные, которые относились к прилагательным и местоимениям: *один, два, три, четыре*. Слово *один* ни в одном из славянских языков не превратилось в настоящее числительное, сохраняя свойства прилагательных и местоимений, в том числе и изменение по родам и числам. Слова *два, три, четыре* имели различные родовые формы лишь в именительном, а слово *два* также и в винительном падеже.

Слова *три* и *четыре* сохранили родовые формы лишь в одном современном славянском языке: словенском. Слово *два* в части славянских языков перераспределило форму среднего рода: *два* стало употребляться как форма мужского и среднего рода, а *две* – как форма женского рода.

	Мужской род	Средний род	Женский род
Вост.-сл., польск., сербско-хорватск.	два		две
Чешск., словацк., сербо-лужицк., болг., мак., словенск.			

Надо, правда, отметить, что в некоторых говорах сербско-хорватского, польского, белорусского, украинского языков сохраняется старое употребление формы *две* как формы женского и среднего родов, а *два* – только

мужского рода. С другой стороны, в некоторых говорах славянских языков, как тех, в которых произошло перераспределение форм среднего рода, так и тех, где оно не произошло, известны факты использования одной формы *два* для всех трех родов. Аналогичные изменения в системе родовых форм произошли также со словом *оба/обе* и под. (*обадва* и др.). Возможно, что восточнославянский очаг перестройки родовой системы числительного *два* находится на русской территории. Показательно, что и в памятниках форма среднего рода *дѣвъѣ* редка. Первое датированное употребление выражения *два села* отмечено в грамоте новгородца Климента 1270 г., а возможно и ранее – в новгородской берестяной грамоте № 113 (XII в. по стратиграфическим данным) – встречается выражение *дѣва лѣта*.

Причины перераспределения родовых форм числительного *два* в некоторых языках надо, вероятно, видеть в сближении склонения существительных и прилагательных мужского и среднего рода. Двойственное число в большинстве славянских языков было утрачено, а с ним и специфические формы им. п. дв. ч. существительных среднего рода на *ѣ*, которые могли поддерживать использование формы *дѣвъѣ* (*две*) в среднем роде. Показательно в этом отношении, что в лужицких и словенском языках, где сохранилось двойственное число, сохраняется и старое распределение форм *два/две* по родам. Сближение склонения существительных и прилагательных мужского и среднего рода в восточно-славянских, польском и сербскохорватском языках привело к унификации формы числительного мужского и среднего рода. В болгарском и македонском языках на пути такой унификации стало, видимо, различие типов сочетаний числительных с существительными мужского и среднего рода. Здесь существительные среднего рода с числительными *две* употребляются, как и существительные женского рода, в форме мн. ч., в то время как у существительных мужского рода получила развитие особая «числительная» форма на *-а*. В чешском и словацком языках определенную роль в сохранении старого распределения форм *два/две* по родам сыграло сохранение различия форм прилагательных мужского и среднего рода в именительном падеже множественного числа и особенности склонения существительных мужского и среднего рода. С другой стороны, надо отметить, что наиболее последовательный в использовании формы *два* в среднем роде русский язык развил и другую особенность: употребление с числительными *два, три, четыре* формы существительных, весьма близкой к форме родительного падежа единственного числа.

В косвенных падежах родовые формы числительных в славянских языках развились лишь в очень ограниченном масштабе, непоследовательно. Речь может идти о непоследовательном различении в косвенных падежах

форм слова *оба* в русском языке. Независимо от того, насколько соответствовала реальным нормам словоупотребления рекомендация Н. И. Греча использовать формы типа *обоих*, для мужского и среднего рода, а формы типа *обеих* для женского рода, живая современная русская речь практически очень часто смешивает эти формы. Во времена Греча встречались нарушения установленного им правила в речи таких писателей, как Лермонтов и Гоголь. Некоторые филологи выступили против различения этих форм, приписывая его «мудрованию немудрых грамматистов» (Павский)¹.

В древнерусском языке последовательного различения форм типа *обоихъ/обѣихъ* как родовых, видимо, не было; об этом свидетельствуют коллекции примеров, собранные исследователями письменных памятников, хотя в ряде случаев по памятникам могут быть отмечены тенденции, не получившие, однако, своего завершения.

Старые формы косвенных падежей слова *оба/обѣ*, не различавшие рода (ср. ст.-сл. *оба/обѣ, обою, об оба/обѣма*), в русском языке постепенно вытеснялись формами косвенных падежей слова *обойь – обоихъ/об оба/обѣихъ* и под. Независимо от генезиса основ на *-о-* и на *-е* на их распространение оказывали противоположное влияние старая форма родительного-местного падежа *обою* (с *-о-*) и старая форма дательного-творительного *обѣма*, а также возникшая на ее базе форма дат. п. *обѣм* (с *ѣ*). Твердая основа именительного падежа мужского и среднего рода *оба* и мягкая основа в форме *обѣ* (первоначально – форме женского и среднего рода, закрепившейся потом только за женским) могли оказывать некоторое влияние на выбор форм типа *обоих* или *обеих*: для мужского и среднего рода предпочиталось в тех или иных случаях форма на *-о-*, а для женского – на *-е-*. Влияние это не было достаточно сильным: отсутствие родоразличения в склонении других числительных, в частности, *два*, а также во множественном числе прилагательных и местоимений, к которым близко склонение слова *оба*, оказывало обратное, сглаживающее влияние, ведущее к тому, что тенденция к различению родовых форм в косвенных падежах слова *оба* едва ли когда-нибудь в живой речи получала полное осуществление. Под влиянием форм типа *двоих, троих* и под. при склонении слова *оба*, как справедливо отмечает В. В. Виноградов, «в разговорной речи формы косвенных падежей женского рода с основой *обеи-* употребляются все меньше, вытесняемые формами *обоих, обоими* и т. п.»².

¹ Ср.: Греч. Н. Практическая русская грамматика. Спб., 1827. С. 111 ; Павский Г. П. Филологические наблюдения. Об именах прилагательных. 1850. С. 222 ; Аксаков К. С. Несколько слов о нашем правописании // Московский сборник. 1846.

² Виноградов В. В. Русский язык. С. 292.

В известной мере аналогичен этому и случай, когда в славянских языках предпринималась попытка различать род числительных в косвенных падежах, – в белорусском склонении слова *два/дзе* (и *абодва/абеддзе*). По действующему белорусскому правописанию «в соответствии с литературным произношением не унифицируют родовых форм» в косвенных падежах числительные *два/дзе* и *абодва/абеддзе*¹: Р В М *двух, дзвух, абодвух, абедзвух*, и т. д. Эта норма, отменявшаяся правописанием 1935 г., была вновь подтверждена, однако живое употребление (возможно, отчасти под влиянием имевшей место отмены нормы) нередко допускает ее нарушения в виде замены мягких женских форм твердыми формами мужского и среднего рода². Женские формы типа *дв'ух* зафиксированы и в некоторых русских говорах, в частности, на Смоленщине.

Возникновение указанных форм сравнительно позднее. Так, Е. Ф. Карский не отмечал их в письменных памятниках, указывая, что ему эти формы «известны только из живой речи»³. Возникли они, видимо, под влиянием формы именительного падежа с мягкими согласными; этому ведущему фактору могли сопутствовать и другие, в частности, влияние форм типа *двема*, что объясняют проникновение соответствующих форм в сочетания с существительными мужского рода. Важным фактором, способствовавшим принятию в белорусском родоизменяемых форм числительного *два* в косвенных падежах, является то, что сочетания числительного *два* с существительным в именительном падеже могут рассматриваться как согласуемые, а тем самым вся парадигма склонения сочетания числительного *два* с существительным становится более тесно сплоченной. В русском языке такого условия не было; сочетание числительного *два* в именительном падеже с существительным можно скорее рассматривать как образованное по способу управления, чем по способу согласования. В украинском языке, как представляется, помехи на пути особых женских форм числительного *два* в косвенных падежах заключались в явлениях звукового строя языка. Так, к примеру, ограничения в мягкостной корреляции мешали распространению форм типа *двух*.

Из западнославянских языков далее всего в развитии особого женского варианта склонения числительного *два* продвинулся польский язык. Здесь в творительном падеже употребляются две параллельные литературные формы *dwiema* и *dwoma*, первая из которых, более архаичная по происхождению, под влиянием формы именительного падежа обычно употребля-

¹ См.: Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск, 1959. С. 30.

² См.: Янкоўскі Ф. М. Пытанні культуры мовы. Мінск, 1961. С. 59.

³ Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1956. Вып. 2–3. С. 243.

ется с существительными женского рода, а вторая, являющаяся новообразованием, – с существительными мужского и среднего рода. Существуют в говорах и в живой речи колебания, однако они решаются грамматистами в пользу родоразличения. В чешском и словацком языках различные родовые формы числительного *два* в косвенных падежах отмечаются только в говорах, но не фиксируются литературными языками. В сербо-лужицких языках мягкая форма склонения *два* стала употребляться для всех родов. Из южнославянских языков различные родовые формы числительного *два* в косвенных падежах имеются в сербско-хорватском языке: в родительном падеже для мужского рода закрепилась форма *двају*, а для женского – *двеју* (*dviju*); аналогичные формы различаются и у слова *оба*. В словенском языке для всех трех родов закрепилась мягкая форма склонения слова *два*¹ в чем, по-видимому, решающую роль сыграли похожие формы слова *три*. Болгарский и македонский языки, естественно, не имеют косвенных падежей.

На базе сочетаний порядковых прилагательных со словом *поль* образовались в некоторых славянских языках слова, обозначающие смешанную дробь 1 1/2 типа русского *полтора*. Поскольку исходная форма – порядковое прилагательное – имела родовые формы, в некоторых языках имеется различие родовых форм этих числительных. Более всего оно развито в чешском и словацком языках, где, однако, соответствующие сочетания не превратились в единые слова и, в связи с этим, не вполне вошли в систему числительных. В русском языке сохраняется различие рода в именительном и винительном падежах (*полтора/полторы*), а пережиточно и в косвенных (*полтора/полторы*). В украинском, белорусском и польском языках в именительном падеже сохраняется различие рода этого слова, но, поскольку оно не склоняется, в косвенных падежах особых родовых форм нет. В сербо-лужицких языках застывшая форма *poldra*, *poltera* не различается по родам, в южнославянских языках, если снять единичное и редкое сербско-хорватское *подруг*, эти сочетания не отмечаются.

Этим исчерпывается система собственно родового словоизменения числительных в славянских языках. Система эта бедна. Общим для всех славянских языков является лишь родоизменение слов *два* и *оба* в именительном-винительном падежах; остальные явления родоизменения ограничиваются лишь отдельными языками и диалектами, причем (нередко лишь в факультативном порядке) охватывают косвенные падежи этих же слов; только в словенском языке различаются еще родовые формы числительных

¹ 63 и 64 карты атласа словенского двойственного числа Теньера как будто бы не указывают на противопоставление по роду довольно разнообразных диалектных форм падежей слова *два*. Tesnière L. Atlas linguistique server à l'étude du duel en slovène. P., 1925.

три и *четыре* в именительном падеже. Надо отметить, что в отдельных говорах славянских языков родоразличение числительных вообще утрачено и форма *два* употребляется для всех трех родов. Существенно и то, что в косвенных падежах формы женского рода нигде не являются, по-видимому, исключительными, но лишь рекомендуемыми, обычными и под. В говорах, которые имеют различие рода слов *два* и *оба* в косвенных падежах, по-видимому, это различие тоже факультативно и часто охватывает не всю парадигму, а только отдельные падежные формы. Надо оговориться, что некоторые из бытующих сербо-лужицких форм слова *оба* не различаются по родам (н.-луж. *wobej, woboј*). Некоторые итоги этих наблюдений в несколько упрощенном виде представлены на табл. 1.

Таблица 1

Языки	Полтора		Им., В.п.		Косв. п.		Три, четыре им. п.
	им.	косв.	<i>два</i>	<i>оба</i>	<i>два</i>	<i>оба</i>	
Белорусск.	+	0	+	+	+	+	—
Русск.	+	(+)	+	+	[+]	+	—
Серб.-хорв.	(0)	0	+	+	(+)	(+)	—
Польск.	+	0	+	+	(+)	(+)	—
Чешск., словацк.	+	+	+	+	[+]	[+]	—
Словенск.	0	0	+	+	—	—	+
Болг., макед.	0	0	+	+	0	0	—
Укр.	+	0	+	+	—	—	—
Сербо-луж.	—	0	+	(+)	—	—	—
Праслав.	+	+	+	+	—	—	+

Примечание к таблице. В круглых скобках помещены обозначения тех случаев, когда противопоставление по роду охватывает не все формы, а только часть их. В прямых скобках помещены знаки в том случае, когда явление противопоставления рода известно только диалектам (без учета распространения его на все или только на часть форм). Нулем обозначены случаи, когда противопоставление невозможно вследствие отсутствия соответствующих категорий.

Противопоставление по роду в славянских числительных, для которого существовала база еще в праславянском языке, сохранилось и получило некоторое развитие лишь для числительного *два* и слова *оба*. Для слов *три* и *четыре* в большинстве славянских языков оно было утрачено. Универбация слова *полтора* приводит, по-видимому, к утрате склоняемости, а с ней и к утрате родовых форм в косвенных, а в отдельных случаях — и прямых падежах.

Более единообразной и твердой оказалась линия развития славянских числительных в отношении категории и, следовательно, форм грамматического числа.

Большая часть числительных в старославянском и в позднепраславянском языках не изменялась по числам, а отношение их к числу выражалось в противопоставлении форм разных числительных: слово *два*, например, всегда имело форму двойственного числа, которое противопоставлялось множественному слов *три* и *четыре*. Противопоставление чисел в рамках парадигмы одного числительного становилось реальным в том случае, когда соответствующее числительное использовалось как основание для счета. Такими основаниями были лишь десяток и сотня. Правда, и здесь двойственное и множественное числа, как правило, встречались в сочетаниях с числительными, обозначающими, сколько берется оснований для счета, например, два десятка или три сотни. Свободно, без других числительных двойственное и множественное число слов *десять* и *сто* в старославянских памятниках не встретилось, а в праславянском языке, видимо, почти не употреблялось. Таким образом, существовавшая числовая парадигма слов *десять* и *сто* имела ограниченное функционирование.

В парадигме слова *десять* в старославянском языке противопоставление числовых форм нейтрализовалось лишь в одном случае: в именительном и винительном падежах множественного и двойственного числа при употреблении окончания -и. Возникновение этой нейтрализации связывается с преобразованием рода слова *десять*: слово это, видимо, относится к числу первых числительных, которые нейтрализовали категорию рода. Некоторые данные говорят о том, что оно первоначально принадлежало к мужскому роду, но под влиянием числительных типа *пять* стало восприниматься как слово женского рода, причем в его употреблении отражались колебания, которые и свидетельствуют о возможной нейтрализации категории рода этого числительного. Поскольку слово *десять* в именительном и винительном падежах двойственного и множественного числа употреблялось в сочетании с словами *два* или *три*, *четыре*, грамматическая нейтрализация числа восполнялась лексическим указанием на количеств десятков.

Будучи лексически связанным, противопоставление числовых форм слова *десять* могло существовать до тех пор, пока соответствующие сложные числительные оставались сочетаниями слов. Их универбация вела к утрате противопоставления числовых форм составляющих их элементов, поскольку в таком случае грамматические категории должны были характеризовать уже не отдельные элементы, а все слово в целом. Необходимости же числового противопоставления форм слова *тридцать* и под. не было, напротив,

наступала нейтрализация категории грамматического числа у числительных, являющаяся одним из существенных звеньев в процессе превращения числительных в особую часть речи.

Система числового формообразования слова *съто* в поздний праславянский период не имела нейтрализации.

В связи с тем, что южнославянские языки утратили склонение слова *сто*, утрачено и противопоставление его числовых форм. В словацком сложилось близкое к этому положение, форма *stoma* встречается редко; в нижнелужицком слово *сто* было утрачено и заменено существительным; в чешском и в верхнелужицком языках слово *сто* в сочетаниях с существительными употребляется в значении косвенных падежей часто в несклоняемой форме, а иногда, без существительных, в значении существительного склоняется как обычное существительное. В последнем случае хотя бы потенциально существует полное противопоставление числовых форм падежей этого слова (практически некоторые формы косвенных падежей не единственного числа слова *сто* довольно редки); в чешском языке противопоставлены две числовые формы, а в верхнелужицком – три (включая и двойственное число). При этом слово *сто* входит в две части речи. Как неизменяемое оно является числительным, а как изменяемое и по значению и по грамматическим особенностям должно рассматриваться как существительное. Таким образом, сохранение числовых противопоставлений в системе словоизменения слова *сто* в чешском и верхнелужицком языках является сигналом того, что оно не превратилось еще в настоящее числительное. В польском языке формы склонения числительного *сто*, соотносимые с формами соответствующих существительных, выходят из употребления; противопоставление же форм *stu* и *set* оказывается связанным в рамках сложных числительных и сочетаний форм мн. ч. с неопределенно-количественным *kilka*.

В восточнославянских языках картина в общем близка к польской. Именительный падеж множественного числа слова *сто*, который можно (в форме *ста*) увидеть в словах *триста* и *четыреста*, связан полностью в них, поэтому практически в именительном падеже противопоставление числовых форм: слова *сто* не существует. В косвенных падежах употребление форм множественного числа слова *сто* ограничено числительными и выражениями типа *несколько сот*; поэтому противопоставление числовых форм числительного *сто* в косвенных падежах, если и существует, то крайне ограничено. Необходимо учесть, что формы единственного и множественного числа слова *сто* в восточнославянских языках являются взаимоисключающими, и следовательно, их оппозиция не может рассматриваться как смысловоразличительная, категориальная; формы эти должны

рассматриваться, таким образом, как алломорфы единых падежных форм, в которых категория числа нейтрализована. Различие этих алломорфов лишь генетически может быть разъяснено как различие разных чисел. В процессе превращения различных морфем (противопоставленных по числу) падежей в алломорфы был, видимо, этап нейтрализации противопоставления двойственного числа, в результате которого в склонении слова *двести* стали употребляться те же формы косвенных падежей второго компонента, что и в склонении слова *триста*; формы дв. ч. слова *сто* вытеснены формами множественного числа. Сами же эти формы потеряли свое значение множественного числа и стали алломорфами соответствующих падежей слова *сто* в результате того, что перестали существовать условия, в которых могли бы быть употреблены как одна числовая форма (единственного числа), так и другая (множественного числа), в связи с тем, что форма множественного числа стала употребляться только в нескольких вполне определенных случаях, когда не может быть использована форма единственного числа. Таким образом, лишь генетически это противопоставление может рассматриваться как противопоставление чисел. В современном языке в этом случае следует видеть не единственное и множественное число, а лишь пережитки их форм, употребляемые без различия числового значения.

Сколько-нибудь четких противопоставлений числовых форм слова *десять* не сохранилось ни в одном славянском языке. Слово *сто* не сохранилось в нижнелужицком¹. В южнославянских языках слово это утратило полностью склонение, а с ним и изменение по числам. В словацком языке – тоже, но сохранилась одна из форм склонения, изредка употребляемая. В восточнославянских и польском языках сохраняются отдельные старые числовые формы числительного *сто*, но, поскольку используются они во взаимоисключающих позициях, эти формы являются алломорфами единых падежных морфем, не противопоставленных по числу. В чешском и верхнелужицком языках слово *сто* в значении числительного не склоняется, но сохраняется его употребление как существительного с сохранением противопоставления числовых форм.

Формы мужского лица числительных в славянских языках возникают в результате довольно сложных переkreщивающихся аналогий и контаминаций. Следует подчеркнуть, что употребление лично-мужских форм числительных во всех славянских языках, где бы они не выступали, является факультативным: в большей или меньшей степени они используются

¹ Как отмечает Б. Швела (Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen. 1952. С. 34), старое слово *sto* сохраняется только в форме род. п. ед. и мн. ч. в составе некоторых составных форм; слово *hundert* полностью ведет себя как существительное.

параллельно, наряду с немаркированными формами¹. Это касается не только литературных языков, но и говоров, где вообще нередки различного рода упрощения, с другой стороны, в говорах отмечаются и случаи достаточно точного соблюдения различения форм лично-мужских и немаркированных в этом отношении, причем иногда отмечаются некоторые: особые образования, выступающие в функции маркированных, лично-мужских форм.

Наиболее последовательно формы мужского лица различаются у числительных сербо-лужицких языков. Здесь в отличие от всех других славянских языков эти формы различаются не только в именительном-винительном падеже, но и в косвенных падежах. Особенностью форм мужского лица числительных в сербо-лужицких языках является отсутствие ее для слова 2. В этом находит свое выражение взаимосвязь категории мужского лица с категорией грамматического числа,

В сохраняющих двойственное число сербо-лужицких языках слово 2 соотносится именно с двойственным числом, а категория мужского лица не находит выражения в двойственном числе, получая свое воплощение во множественном числе. Поэтому у слова 2, коррелирующего с двойственным числом, не различаются особые формы мужского лица.

В нижнелужицком языке числительные от 3 до 10 имеют две формы – лично-мужскую, факультативно используемую при существительных, обозначающих лиц мужского пола, и немаркированную, которая используется с существительными женского и среднего рода, с существительными мужского рода, не обозначающими лиц, а частично и с существительными мужского рода, которые обозначают лиц. Слова *tśi* и *styti* имеют различные формы во всех падежах. Начиная 5, числительные в нижнелужицком языке в косвенных падежах либо употребляются в неизменной примыкающей форме, либо склоняются, причем во всех падежах имеются по две формы: лично-мужской и немаркированной; в творительном падеже это противопоставление нейтрализуется и используется только одно немаркированное окончание *-imi*.

В верхнелужицком языке числительные 3 и 4 различают лично-мужские и немаркированные формы только в именительном-винительном падежах (в винительном падеже иногда используется маркированная форма для лиц мужского рода также от числительного *dwaj: dweju*). Числительные от 5 до 90 различают форму мужского лица не только в именительном и винительном падежах, но и в косвенных, причем формы косвенных падежей

¹ См.: Самійленко С. П. Із історії граматичних категорій слов'янських мов. Збірник наукових праць. Київ, І. 1958 (Міністерство Освіти УРСР, Управління підготовки педагогічних кадрів). С. 11–12.

дважды факультативны в том смысле, что, во-первых, использование лично-мужской формы не является строго обязательным (как и в именительном падеже), а, во-вторых, в косвенных падежах в верхнелужицком языке, как и в нижнелужицком, часто используется примыкающая форма числительных, начиная от 5.

В польском и словацком языках противопоставление лично-мужских и немаркированных форм имеет место только в именительном-винительном падежах, но зато имеется это противопоставление и у числительного 2, поскольку двойственное число в этих языках не сохранилось и не накладывает ограничений, имеющихся в сербо-лужицких языках.

В польском языке числительные 2–4 обладают несколькими лично-мужскими формами, которые, по-видимому, следует рассматривать как стилистически существенные варианты, хотя и, трудно найти четкие критерии использования того, а не иного варианта.

Иногда можно встретить трактовку форм *dwaj*, *trzej*, *czterej* как форм именительного падежа, а форм *dwu*, *dwóch*, *trzech*, *czterech* – как форм винительного падежа, однако в реальном употреблении формы типа *dwóch* очень часто используются в функции именительного падежа, как подлежащие. На существенность выбора форм типа *dwaj* или *dwóch* указывает, в частности, то обстоятельство, что в случае употребления форм типа *dwaj* порядок слов (подлежащего, включающего числительное, и сказуемого) большей частью – прямой (ПС), а при употреблении форм типа *dwóch* – обратный (СП), что генетически легко объяснимо превращением в последних конструкциях объекта в субъект. Выбор форм *dwu* и *dwóch* плохо поддается нормированию. Числительные, начиная от 5, используют одну лично-мужскую форму на *-u*, взятую из косвенных падежей соответствующих слов, где она, видимо, возникла под влиянием склонения слова 2. Лично-мужские формы имеются не только у обозначений десятков, но и у обозначений сотен (*dwieście* – *dwustu*).

Как и числительное *два*, имеет в польском языке лично-мужскую и немаркированную форму слово *оба*: *obaj*, *obydwaj* – *oba*, *obie*. Лично-мужская и немаркированная формы отмечаются в польском языке также у неопределенно-количественных числительных *ilu* – *ile*, *wielu* – *wiele*.

В словацком языке отсутствуют варианты лично-мужских форм числительных: числительные 2–4 имеют лично-мужские формы на *-a* (*dva* – *dvaja*), а числительные от 5 до 90 – на *-i*. (*päť* – *piäť*). Начиная со *ста*, словацкие числительные не склоняются и не различают лично-мужских форм. Использование лично-мужских форм, начиная с 5, является факультативным. По образцу 2 различает лично-мужскую и немаркированную формы слово *оба*.

В словацком языке лично-мужская форма числительного без существительного нередко используется не для обозначения лиц только мужского пола, но и для обозначения совокупности лиц обоих полов.

В южных славянских языках категория мужского лица выражена слабее, чем в западных. У числительных наблюдался некоторое разграничение, но оно не имеет строгого характера, присущего западнославянским числительным, различающим лично-мужские и немаркированные формы. Значительная часть «числительных», употребляемых в южных славянских языках с существительными, обозначающими лиц мужского пола, является по ряду грамматических признаков существительными; образованы эти слова при помощи суффиксов существительных (-ица, -ина). Правда, лично-мужские формы в западнославянских языках тоже обладают некоторыми грамматическими особенностями, отличающими их от других числительных, но там эти особенности лишь выделяют соответствующие формы среди числительных же, если и сближая с другими частями речи, то, скорее, с прилагательными, а здесь грамматические свойства таких слов, как *троица* или *четворица*, в основном совпадают с существительными, лишь в некоторых особенностях отличая их от существительных и связывая с числительными. Важнейшей из этих особенностей является форма множественного числа сказуемого при подобных словах, употребляемых в единственном числе. Однако правила сочетания с рассматриваемыми словами определений, их склонение в сербско-хорватском языке говорит в пользу их субстантивности. Следует сказать, что болгарские формы на -ма/-има ближе к числительным. Но дело не только и не столько в этом. Дело еще в том, что употребление лично-мужских форм числительных в сербско-хорватском, македонском и в болгарском языке является сугубо факультативным, что с существительными, обозначающими лиц мужского рода, вполне могут использоваться и обычные числительные. Не случайно, что в сербско-хорватских грамматиках лично-мужские числительные ставятся в ряд не с немаркированными, а собирательными числительными. Они рассматриваются как разновидность собирательных числительных, используемая с существительными мужского рода (или без них для обозначения совокупности лиц мужского пола). Кстати сказать, А. Теодоров-Балан подчеркивал, что значение лично-мужских форм числительных в болгарском именно совокупность, а не число¹. Но в болгарском и в македонском языках собирательные числительные выпали из употребления, поэтому лично-мужские числительные не могут соотноситься с собирательными. Не исключено, что лично-мужские числительные болгарского и македонского

¹ Теодоров-Балан А. Нова българска граматика за всякого, 1, 2. София, 1955. С. 215.

языка должны рассматриваться как некоторые заменители собирательных числительных. В сербско-хорватском языке собирательные употребляются либо с существительными женского и среднего рода, либо без существительных, обозначая совокупность лиц, иногда животных. Лично-мужские числительные употребляются в аналогичных случаях с существительными, обозначающими лиц (иногда животных) мужского пола. Собирательные и лично-мужские числительные образуются в сербско-хорватском языке для чисел от двух до девяноста девяти, за исключением 21, 31 и под.

В болгарском языке система противопоставлений форм немаркированных и лично-мужских числительных осложнена наличием нескольких отчасти переплетающихся вертикальных рядов вариантов лично-мужских числительных. Использование тех или иных вариантов лично-мужских числительных в болгарском языке не изучено, что не дает возможности с уверенностью говорить о противопоставленности этих вариантных рядов; лишь уменьшительные формы типа *двамка* легко отнести к стилистически существенным вариантам лично-мужских числительных. Из словаря Ботева выясняется, что если немаркированное числительное *два/две* встретилось в его произведениях 330 раз, то лично-мужская форма *двама* встретила 73 раза, а варианты *двамина* и *двоица* встретились всего по разу. Система противопоставлений лично-мужских и немаркированных числительных в болгарском языке включает формы типа *пет* – *петима/петмина/петина* с учетом того, что у *седем* и *осем* только по одному лично-мужскому варианту на *-ина*, а у *два*, *три* есть еще уменьшительные.

В македонском языке система вариантов лично-мужских форм числительных развита меньше, чем в болгарском языке. Для чисел 2–4 – это образования на *-ца/-ица*, а начиная с *пет*, наиболее универсальным становится суффикс *-мина*, возникший в числительных *седмина* и *осмина* в результате пере-разложения суффикса *-ина* (отмечаемого также в образованиях *петина*, *шестина*) и основы этих числительных, оканчивающейся на *-м*. Характерны уже отмечавшиеся пары: *седмина* – *седуммина* и *осмина* – *осуммина*, а также образования на *-мина* от основ больших числительных: *стомина*, *илјадамина*. Ср. еще и болг. *единмин*. По образцу *двајца* образовано и *обајца*.

С сербско-хорватскими лично-мужскими числительными в круг рассмотрения форм числительных вошли уже собирательные числительные. В восточнославянских языках противопоставление собирательных и немаркированных числительных тоже связано со слабой тенденцией выделить особые формы числительных для сочетания их с существительными, обозначающими лиц мужского пола. Собирательные числительные в русском языке, а в несколько меньшей степени и в других восточнославянских

языках используются для выражения хотя и слабой в этих языках, но все же проявляющейся категории мужского лица.

Генетически обоснованным является в русском языке один из трех основных случаев использования собирательных числительных: использование их с существительными, употребляющимися только во множественном числе, и примыкающий к этому случай использования числительных при существительных, обозначающих парные предметы (ср. *трое суток, двое саней, четверо сапог*). Генетическим обоснованием этого случая является то, что старые видовые числительные могли изменяться по числам, а значит могли, согласуясь во множественном числе со считаемыми существительными, употребляться в том случае, когда использовать ту или иную форму существительного при числительном было затруднительно: при числительных *два, три, четыре* вообще невозможно подобрать искомую форму слова *сутки* (ибо нет у него единственного числа, не было и двойственного числа), а форма родительного падежа единственного числа слова *сапоги*: *два сапога* обозначала бы, что считаются не пары сапог, а отдельные сапоги. Еще в начале XIX в. с существительными *pluralia tantum* использовались пережиточные формы видовых числительных, причем существительные при них употреблялись в форме именительного падежа множественного числа: *трои сутки*. После ряда колебаний, завершившихся в течение первой половины XIX в., были приняты стандартные формы собирательных числительных с родительным падежом множественного числа существительных: *трое суток* и под. Следует отметить, что в этом случае собирательные числительные используются с известными ограничениями; обычно употребляются только первые три: *двое, трое, четверо* (поскольку у числительных, начиная от *пяти*, нет противопоказаний против использования их с существительными мн. ч.); обычно в этом случае применяется только именительный-винительный падеж числительных (поскольку, опять-таки, косвенные падежи не имеют таких противопоказаний: *двух саней, трем суткам*; но ср. со смыслоразличительной функцией *двух сапог* и *двоих сапог*). Собирательные числительные в последнем случае используются при наличии нейтрализации рода существительных.

Другой случай использования собирательных числительных связан с первым одной характерной особенностью. Речь идет о существительных, совпадающих по форме с прилагательными, о субстантивированных прилагательных. Использование формы родительного падежа единственного числа прилагательных с числительными *два–четыре* было неприемлемым, использование же родительного падежа множественного числа противоречило конструкциям с обычными существительными (ср. *два ученика – два*

учащихся; род. п. ед. ч. – род. п. мн. ч.). Наиболее приемлемым в данном случае выходом оказывается сочетание с собирательным числительным: *двое учащихся*. Такие сочетания и действительно довольно широко используются. Однако здесь такое заместительное применение собирательных числительных характеризуется еще одной особенностью. Собирательные числительные применяются далеко не со всеми субстантивированными прилагательными, а лишь с теми, которые обозначают лиц мужского пола. Если с обычными существительными, обозначающими лиц мужского пола, собирательные числительные используются факультативно, причем менее чем в половине случаев, то с существительными в форме прилагательных собирательные числительные используются в большей части случаев. Из других существительных, обозначающих лиц мужского пола, наиболее часто с собирательными числительными встречаются слова мужского и общего рода на *-а*. Наиболее четким ограничением в употреблении собирательных числительных с существительными мужского рода, обозначающими лиц, обладают существительные, обозначающие «высоких» лиц; интересно, что к ним, по данным эксперимента, относятся и названия рабочих профессий. Хотя нормативная грамматика и не рекомендует употреблять собирательные числительные с существительными женского рода, в речевой практике, в том числе и у авторитетных писателей, собирательные числительные встречаются в таких конструкциях.

Экспериментальные данные, приводимые в табл. 2, полученные для изолированных сочетаний числительных с существительными, проверены были также в контекстах. В задании предлагалось вписать окончания числительных, существительных и глаголов (поскольку допускалась зависимость формы числа глагола – сказуемого от формы числительного). Было задано двадцать предложений с разными числительными (*два/двое, три/трое, пять/пятеро, шесть/шестеро* и *семь/семеро*), различными существительными и различным порядком слов. В табл. 3 приводятся данные о выбранных числительных по предложениям. Порядок предложений в таблице изменен по сравнению с предлагавшейся анкетой с целью упорядочения полученных результатов. Число испытуемых в опытах 100 человек.

Таблица 2

Существительные	Количество испытуемых, которые предпочли сочетания с числительными	
	немаркир.	собирает.
Председатель	100	0
Профессор, начальник, генерал	99	1
Режиссер, аспирант, монтер	98	2

Существительные	Количество испытуемых, которые предпочли сочетания с числительными	
	немаркир.	собирает.
Милиционер, бабушка	97	3
Доцент, инженер	96	4
Бухгалтер	95	5
Лейтенант, миллионер, токарь	94	6
Водопроводчик, девушка, монахиня	92	8
Офицер	91	9
Немец	90	10
Врач, дочь	89	11
Киргиз	88	12
Француз, школьник	86	14
Студент	84	16
Водитель	83	17
Казак, женщина	82	18
Велосипедист	79	21
Судья	65	35
Старшина	44	56
Заведующий	32	68
Бродяга	22	78
Сирота	17	83
Рядовой	16	84
Часовой, мужчина, слуга	14	86
Неизвестный	8	92
Дежурный, пьяный	7	93
Пленный, нищий, вестовой	6	94
Верховой, военный, больной, парнишка	5	95
Знакомый, русский, вольнонаемный	4	96
Штатский	3	97

Анализ полученных данных показывает, что с существительными в форме прилагательных (субстантивированными прилагательными) собирательные числительные употребляются значительно чаще, чем с обычными существительными. Собирательная форма числительного многими избиралась для числительного 3 (пять предложений с наиболее частым выбором собирательной формы), в то время как в случаях *пятеро/пять* и *семеро/семь* ей предпочтение отдавалось менее решительно.

Таблица 3

№	Предложения	Числительное	
		немаркир.	собирает.
1	Дв... швейцар... двинул... съ навстречу	89	11
2	По улице шагал... тр... брат...	87	13
3	Закричал... во весь голос тр... матрос...	73	27
4	Тр... ученик... прыгнул... в воду	69	31
5	Тр... студент... сидел... за столом	63	37
6	За столом сидел... тр... студент...	62	38
7	Шест... мальчиков бегал... вокруг	51	49
8	По двору бежал... сем... токарей	50	50
9	Пят... велосипедистов ехал... по шоссе	47	53
10	По холму полз... сем... раненых	47	53
11	Пят... немцев весело захохотал...	43	57
12	Пят... рабочих быстро шл... по тротуару	31	69
13	Во весь опор мчал...сь дв... верховы...	24	76
14	Сем... штатских вышл... из комнаты	19	81
15	Дв... дежурны... подошл... ко мне	14	86
16	Застучал... молотками тр... рабочи...	14	86
17	За столом сидел... тр... пьяных	13	87
18	Вразвалку шагал... тр... рабоч...	11	89
19	Тр... вестовы... сидел... за столом	7	93
20	Тр... больны... сидел... на кроватях	3	97
	Итого	817	1183

В частности, трижды в предложениях выступало слово *рабочий*; два раза – с числом 3 и один раз – 5. Числительное *трое* было выбрано с более четким преимуществом (89:11 и 86:14), чем числительное *пятеро* (69:31). Это, по-видимому, связано с уже отмеченными затруднениями в сочетании существительного типа *рабочий* с числительными *два*, *три*, *четыре*. Нужно отметить, что хотя в анкетах часто были использованы собирательные (это вызвано, вероятно тем, что в задании говорилось о выборе собирательной или немаркированной формы, т. е. напоминалось о собирательной форме), ни в одном случае не была выбрана собирательная форма во всех ста анкетах, что свидетельствует о ее факультативности, желательности, но не обязательности.

Из других случаев употребления собирательных числительных в русском языке отмечают еще использование их при фамилиях (где во множественном числе грамматический род нейтрализован).

На грани с первым основным случаем использования русских собирательных – с существительными *pluralia tantum* – находится использование собирательных со словами *дети, люди*. Сюда примыкает, видимо, и использование собирательных числительных с существительными, обозначающими детенышей животных (*семеро козлят*).

Третий основной случай использования собирательных числительных в русском языке – использование их без существительных. Собирательные числительные без существительных, в том числе в сочетаниях с местоимениями типа *нас двое, двое из них, мы двое*, а также в сочетаниях, образованных по способу слабого управления, типа *двое из барабанищиков* или *трое в (серых) шинелях*, всегда обозначают совокупности лиц (не обязательно мужских).

Приведенные основные случаи использования в русском языке собирательных числительных могут быть интерпретированы следующим образом. Некоторые грамматические категории русских существительных получают свое выражение не непосредственно в формах самих существительных, а в их сочетательных способностях. Так, категории вещественности, собирательности, отвлеченности характеризуются неспособностью сочетаться с числительными. Категория мужского лица в русском языке принадлежит к тем категориям, которые не оформлены достаточно четко. Разные авторы по-разному подходят к этой категории. Так, академическая грамматика выдвигает на первый план в характеристике категории лица словообразовательные и семантические критерии, чем, по существу, ставится под сомнение грамматический характер категории¹. С другой стороны, например, А. В. Исаченко категорию лица просто отрицает². В отличие от этих позиций, например, А. А. Шахматов стремился найти те или иные грамматические характеристики категории лица; по этому же пути идут из современных исследователей, например, В. В. Виноградов, Р. О. Якобсон³. Начиная с Шахматова, одной из формальных характеристик категории лица признавалась способность существительных сочетаться с собирательными числительными. Представляется, что нет оснований отказываться от этого шахматовского критерия. Собирательные числительные служат в русском языке своеобразными индикаторами слабо развитой грамматической категории лица.

¹ Грамматика русского языка. I. М., 1953. С. 107–108.

² Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, I. Братислава, 1954. С. 90.

³ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 129 ; Виноградов В. В. Русский язык. С. 83–89 ; Jakobson R. The Gender Pattern of Russian, *Studii si cercetari lingvistice*. XI. 1960, 3. С. 542.

Собирательные числительные в изолированном употреблении, без существительных, противопоставлены немаркированным числительным семантически. Они не могут обозначать отвлеченного числа, а обозначают в громадном большинстве случаев совокупности лиц, лишь в некоторых особых случаях, в определенном контексте могут обозначать совокупности других предметов (ср.: Сколько у вас саней? – *Трое*; Сколько у кошки котят? – *Двое*). Собирательные числительные в сочетаниях с существительными противопоставлены обычным числительным по дистрибуции, по сочетаемости, причем противопоставлены двояко. В случае существительных *pluralia tantum* при количестве 2, 3 и 4 предметов, собирательные числительные в именительном падеже противопоставлены немаркированным числительным по способу взаимного исключения: немаркированные числительные в этом случае невозможны. Это видно из тех сложных конструкций, к которым приходится прибегать, когда надо обозначить, например, сани в количестве 22 и под. Во всех других случаях использование собирательных числительных является факультативным, и они могут рассматриваться как стилистические варианты немаркированных числительных. К этим факультативным случаям относятся, между прочим, и косвенные падежи с существительными *pluralia tantum*, где немаркированные числительные даже предпочтительней. Предпочтительность той или иной конструкции (с собирательным или с немаркированным числительным) имеет не жестко детерминированный, а статистический характер и определяется стилистически (понимая термин *стилистически* в весьма широком смысле). Использование косвенных падежей собирательных числительных характерно большей частью лишь для числительных без существительных; с существительными в косвенных падежах и в тех случаях, когда в именительном падеже предпочитается собирательное числительное, обычно употребляется немаркированное числительное. Таким образом, варьирование собирательных– немаркированных числительных – единственное сохранившееся в русском языке варьирование числительных – используется для индикации категории мужского лица, а также категории существительных, употребляемых только во множественном числе; причем во втором случае этот критерий является второстепенным, в то время как в первом он имеет, по-видимому, на данном этапе первостепенное значение. То, что собирательные числительные используются в этих двух взаимно исключающих случаях определяет собой и полифункциональность русских собирательных, нечеткость их грамматической характеристики.

В белорусском языке картина употребления собирательных числительных близка к русской. Основные случаи их употребления таковы.

Во-первых, существительные, имеющие только форму множественного числа, сочетаются в именительном винительном падеже исключительно, а в косвенных падежах факультативно с собирательными числительными. Видимо, к этому случаю примыкают случаи употребления числительных при названиях молодых животных, а также словах *людзі, дзеці*. Впрочем, уже здесь обнаруживается некоторое отличие от русского языка: в русском языке использование собирательных числительных при названиях молодых животных типологически сближается с использованием их при существительных *pluralia tantum*, поскольку в русском языке имеет место супплетивизм при образовании форм множественного числа этих существительных. В белорусском языке такого супплетивизма нет: в нем сохраняется старое единственное число существительных типа *цяля*. Возможно, меньшая специфичность мн. ч. этих слов в белорусском и является причиной того, что конструкции с собирательными числительными распространились и на слова *конь, свіння* и др. Другим очагом использования собирательных числительных в белорусском языке, как и в русском, является их использование в сочетаниях с существительными, обозначающими лиц мужского пола. Однако в отличие от русского языка, судя по литературным источникам и специальным работам, в белорусском языке несколько шире, чем в русском, распространено употребление собирательных числительных также при названиях женщин: *двое кабет, трое дзяўчат*. Экспансия использования белорусских собирательных числительных ограничивается в основном одушевленными существительными всех трех родов, ибо употребление собирательных числительных с неодушевленными существительными ограничивается практически едва ли не единственным случаем – словом *гон*. Употребление собирательных числительных в косвенных падежах, как и в русском языке, значительно реже, чем в именительном-винительном, главным образом – это изолированные числительные, обозначающие совокупности лиц.

Категориальная соотнесенность собирательных числительных в белорусском языке выражена еще слабее чем в русском, а, следовательно, и их грамматическая характеристика весьма нечетка.

В украинском языке собирательные числительные в двух основных случаях своего употребления совпадают с русским и белорусским; они употребляются с существительными *pluralia tantum*, что особенно касается числительных 2–4, а при изолированном употреблении и при употреблении с местоимениями обозначают большей частью совокупности людей (в этом случае иногда используется и уменьшительная форма типа *двійко/двойко*). В последнем случае под изолированным употреблением понимается

несколько более узкая группа фактов, чем в русском языке: в украинском языке собирательные числительные обозначают совокупности людей, будучи употреблены без существительных, когда в предыдущем контексте нет указаний на другое значение собирательных (т. е. нет указания на то, что они обозначают совокупность некоторых других предметов). Использование собирательных числительных, употребляемых без существительных, для обозначения совокупности не-лиц в украинском языке значительно шире, чем в русском языке, что связано вообще с более широким, чем в русском (и белорусском) использованием собирательных числительных с различными существительными.

Собирательные числительные в украинском языке, как отмечают их исследователи, реже, чем в русском языке, употребляются с существительными, обозначающими лиц мужского пола. Надо указать на относительный характер этого положения, потому что собирательные числительные в украинском языке вообще, по-видимому, употребляются чаще, чем в русском языке; возможно, во всех случаях, когда в русском языке было бы употреблено собирательное числительное с существительными, обозначающими лицо мужского пола, оно в современном украинском языке тоже будет употребительно; но, кроме того, есть еще ряд случаев, когда употребляются в украинском языке собирательные числительные. Одним из них является использование собирательных числительных с существительными среднего рода, подробно исследованное Ю. Шерехом. Этот случай не присущ русскому и белорусскому языкам. В украинском же языке, особенно за последние сто лет, распространяются такие сочетания с существительными среднего рода: *двоє відер, четверо яблук*. Это весьма своеобразное использование особенно характерно для тех украинских говоров, в которых остатки двойственного числа (типа *дві яблуці*) не сохраняются, т. е. не для юго-западных говоров. Хотя использование собирательных числительных при существительных среднего рода не приобрело еще исключительного характера, оно является довольно последовательным. Кроме того, в украинском языке, как и в белорусском языке, в отличие от русского менее строги ограничения в использовании собирательных числительных с существительными женского рода; часто используются они с названиями животных мужского рода; с существительными среднего рода четвертого склонения (*хлоп'я, поросля*) их использование обязательно.

Еще одна особенность собирательных числительных в украинском языке состоит в том, что они утратили особое склонение¹. В случае необходи-

¹ В некоторых украинских говорах встречаются и склоняемые формы собирательных. Ср., например: Куримський А. Говірка села Новоселиця Снинського району. Бюллетень Інститута російського мови і літератури. Т. 5. Прага, 1961. С. 77.

мости в косвенных падежах используются формы обычных количественных числительных. Таким образом, в отличие от русского и белорусского языка, в украинском языке противопоставление форм собирательных и немаркированных числительных имеет место только в именительном-винительном падежах; это бесспорно связано и с ослаблением использования собирательных числительных в косвенных падежах в русском и белорусском языках.

Пожалуй, категориальная соотнесенность собирательных числительных в украинском языке, хотя, как и в русском языке, не носит строгого характера, но все же наличествует в большей степени, чем в белорусском языке. Собирательные числительные в украинском языке используются в четырех более или менее очерченных случаях: без существительных и в трех случаях с существительными: 1) среднего рода; 2) *pluralia tantum*; 3) обозначениями лиц (а частично вообще живых существ) мужского пола. Несмотря на эту очерченность, полифункциональность собирательных числительных мешает им в том, чтобы их маркированность была бы проведена более четко, по одному признаку, чтобы можно было говорить о том, что собирательные числительные в украинском, как и в русском и белорусском языках, служат для выражения некоторой одной грамматической категории.

Более унифицировано употребление собирательных числительных в польском языке. Здесь отмечаются следующие три основных случая. Во-первых, собирательные числительные используются с существительными *pluralia tantum*. Во-вторых, они используются с названиями молодых существ, главным образом типа *dwoje żrebiąt*. Сюда примыкают и конструкции со словом *dzieci*. Любопытно, что использование собирательных числительных в данном случае проводится настолько последовательно, что охватывает и составные числительные, хотя, как отмечал К. Нитш, за последние десятилетия при обозначениях больших количеств становится более приемлемым, чем было раньше, использование немаркированных числительных¹. В-третьих, собирательные числительные используются в польском языке без существительных для обозначения совокупностей лиц разных полов; ср. и конструкции со словом *ludzi*. В. Дорошев-окий объясняет это тем, что при обозначении совокупности лиц мужского пола должны быть употреблены числительные лично-мужской формы; при обозначении женщин должны употребляться числительные в женско-вещной (немаркированной) форме. Значит, ни та, ни другая формы не годятся для передачи обозначения совокупности лиц обоего пола сразу. Нейтральной формой оказываются собирательные числительные². Наряду

¹ *Nitsch K.* Składnia liczebników (3). *Polszczyzna piękna i poprawna*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963. С. 352.

² *Doroszewski W.* O kulturę słowa. Warszawa, 1962. С. 243, 251.

с этими основными случаями использования собирательных числительных в польском языке необходимо указать еще на некоторые архаичные конструкции, в которых они употребляются традиционно: конструкции *z dwojga złego*, *dwoje oszu* и др. Эти числительные в польском языке обладают склонением, и, таким образом, противопоставление собирательных и немаркированных числительных осуществляется во всех падежах. При употреблении форм косвенных падежей собирательных числительных возникают некоторые трудности, связанные с использованием формы существительного и определения при нем в форме единственного числа или множественного. В косвенных падежах собирательные числительные встречаются довольно редко, хотя ограничений в правилах для их употребления и нет.

В польском языке собирательные формы образуются практически для всех числительных, кроме *jeden* и составных, оканчивающихся на это слово. Таким образом, вертикальный ряд этого противопоставления в польском языке растягивается практически на весь числовой ряд, включая даже неопределенное *kilka – kilkoro*.

В польском языке собирательные числительные употребляются как междоусловные личные формы, одушевленные формы для среднего рода, а также как специальная форма для существительных *pluralia tantum*. Таким образом, и здесь, несмотря на большую в некотором отношении определенность использования, собирательные являются полифункциональными, чем и определяется известная нечеткость их грамматической характеристики.

В словацком языке собирательные числительные утратили формы косвенных падежей; вместо них для обозначения количеств 2–4 используются формы косвенных падежей немаркированных числительных, при обозначении больших количеств используются несклоняемые формы. Имеются собирательные формы для числительных 2–20, обозначений десятков, а также для 1000. Из существующих описаний использования собирательных числительных следует, что употребляются они, главным образом, при существительных *pluralia tantum*, а также при существительных одушевленных среднего рода. Поиски особого значения собирательных числительных, когда они сочетаются с существительными, едва ли будут успешными; особенности собирательных числительных в словацком языке, как и в других славянских языках, лежат, видимо, не в значении сочетаний, а в дистрибуции, т. е. в факультативном, преимущественном или обязательном использовании собирательных в тех или иных случаях. При бессубстантивном использовании собирательных числительных они означают прежде всего совокупности людей. Таким образом, использование собирательных числительных в словацком языке оказывается относительно

близким использованию их в польском. Как отмечал Ш. Пецяр, в языке словацких классиков можно найти отдельные случаи использования видовых числительных, но, видимо, эти случаи не носят закономерного характера.

Остальные западнославянские языки – сербо-лужицкие и чешский – сохраняют видовые «числительные» (грамматически – прилагательные), что и накладывает весьма серьезный отпечаток на употребление собственно собирательных форм числительных.

В чешских грамматиках собирательные числительные рассматриваются как субстантивированная форма среднего рода видовых числительных. Употребляются они довольно редко, главным образом в некоторых устойчивых выражениях, вроде *desatero přikázání, čtvero ročních období*. Сокращенные формы *dvé, tři* из *dvoje, troje* употребляются, в частности, в поэтической речи. Строгих норм употребления собирательных в грамматиках не приводится. Такая функция, которая характеризует собирательные числительные в рассмотренных уже славянских языках, как использование этих форм в сочетании с существительными *pluralia tantum*, сохраняется в чешском языке за видовыми числительными. Собирательные формы числительных в чешских текстах встречаются как с существительными, обозначающими лиц, так и с существительными, обозначающими предметы. В сербо-лужицких языках собирательные числительные не получили развития, с *pluralia tantum* используются видовые числительные, которые сохраняют в основном свое разделительное значение.

Из южных славянских языков собирательные формы числительных сохранились в сербско-хорватском и словенском. В сербско-хорватском языке собирательные числительные выступают при необходимости обозначить количество, чаще совокупность лиц женского пола или совокупность (количество) лиц (реже животных) обоих полов. Употребляются они как с существительными, так и без существительных. В сербско-хорватском сохраняются, хотя и редко применяются, формы косвенных падежей собирательных числительных. Существительные *pluralia tantum* сочетаются в сербско-хорватском языке главным образом с числительными видовыми. Таким образом, собирательные числительные слабо противопоставлены в сербско-хорватском языке немаркированным числительным. Они, видимо, предпочитают последним лишь в случае изолированного употребления числительных для обозначения совокупности лиц немужского или не только мужского пола (в употреблении собирательных числительных для обозначения лиц разного пола иногда видят сохранение разделительного их значения). В словенском языке сохраняются видовые числительные. Собирательные формы употребляются здесь, во-первых, (наряду с видовыми)

при обозначении количества предметов, обозначаемых существительными *pluralia tantum*, а, во-вторых, для обозначения количества лиц (реже предметов) в сочетании или без сочетания с существительными; использование собирательного числительного служит для подчеркивания различного характера считаемых предметов; в этом усматривается сохранение разделительного значения собирательных, которые в словенском легко соотносятся с видовыми числительными, имеющими довольно широкое применение. Любопытной особенностью словенского языка в отношении видовых и собирательных числительных является наличие особой формы числительного для слова 1: *enoj, enoja, enoje*. Следовательно, в словенском языке противопоставление собирательных и неособирательных числительных не носит четкого характера. Болгарский и македонский языки не сохранили видовых числительных, а собирательные не получили в них развития.

Таким образом, современные славянские языки имеют следующую картину употребления собирательных числительных. Собирательные числительные, кроме некоторых случаев их употребления (в именительном падеже при обозначениях количества 2, 3, 4 существительных *pluralia tantum* в восточнославянских и некоторых других языках), не являются обязательными формами, а представляют собой допустимые, иногда (например, при одушевленных среднего рода в польском) решительно предпочитаемые, но большей частью все же факультативные формы. Во всех славянских языках, развивших употребление собирательных числительных, они могут использоваться без существительных для обозначения совокупностей лиц, а во многих языках – употребляются с существительными *pluralia tantum*. Остальные случаи употребления собирательных числительных, например, с существительными среднего рода в украинском, с существительными, обозначающими лиц мужского рода, в русском и под., носят не общий для всех языков, а специфический для каждого из них характер. В большинстве славянских языков собирательные числительные полифункциональны; в некоторых славянских языках они употребляются сравнительно редко без четких правил, ограничивающих случаи их употребления. Этим – полифункциональностью, факультативностью, а иногда и нечеткостью правил употребления – объясняется то, что противопоставление собирательных – немаркированных числительных не имеет единого для всех или хотя бы для большинства славянских языков грамматического значения. Ближе других к грамматичности противопоставления собирательных – немаркированных, возможно, подошел польский язык, но и здесь наличие по крайней мере трех разных по существу и по природе случаев использования собирательных мешает их грамматическому единству. Таким образом, в славянских

языках собирательные числительные используются на правах различного рода вариантов обычных, немаркированных количественных числительных, лишь в некоторых случаях заменяя либо во взаимоисключающем, либо в факкультативном порядке немаркированные количественные числительные.

Схематически основные случаи употребления собирательных числительных в славянских языках представлены в виде табл. 4.

Таблица 4

Языки	Используются							Сохр. видов.	
	Лица б. сущ.	plur. tant.	Лица с сущ.		Одушевл.		Ср.р.		Разн.
			м.р.	ж.р.	м. и ж.	ср. р.			
Укр.	+	+	+	(-)	(-)	+	+	-	-
Белор.	+	+	+	(-)	(-)	+	(-)	(-)	-
Русск.	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Польск.	+	+	-	+	-	+	-	-	-
Словацк.	(+)	+	-	-	-	+	-	-	(-)
Сербско- хорват.	+	-	-	++	(+)	+	-	-	(+)
Словенск.	(+)	+	-	-	-	-	-	-	+
Чешск.	(-)	-	(-)	(-)	-	-	-	(+)	+
Сербо-луж.	-	-	-	-	-	-	-	(-)	+
Болг. и мак.	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Для числительных, независимо от того, к какому времени будет отнесено появление категории мужского лица вообще, категория эта является новой. Формальным воплощением ее должны были стать в славянских числительных некие новые формы. Поскольку «свободных» форм у числительных не было, в ряде славянских языков формы лично-мужских числительных возникали как новообразования. Генезис этих новообразованных форм различен. В польских лично-мужских формах на -и, а также формах *dwóch*, *trzech*, *czterech*, в болгарских лично-мужских на -ма имеют место семантические новообразования: формы родительного и дательного-творительного падежей переосмысливаются и начинают функционировать в качестве именительного падежа лично-мужских числительных. В некоторых польских формах, в словацких, в сербо-лужицких лично-мужских числительных видны довольно сложные процессы образования в результате: а) переосмысления некоторых старых форм; б) придания грамматического значения некоторым старым фонетическим вариантам числительных; в) аналогичного использования окончаний, взятых из систем других частей речи; г) на базе взаимодействия этих и еще некоторых других факторов (возможно, напри-

мер, влияние собирательных числительных). Переосмысление, аналогия, контаминация, использование старых фонетических вариантов, а возможно и заимствование являются мало изученными источниками образования новых грамматических форм. В общелингвистическом отношении весьма интересно, что в эволюции языка происходят попытки приписать новое грамматическое значение некоторым существующим в языке альтернативам, осмыслить по-новому варианты; на этом примере можно убедиться как в экономности языка в новообразованиях грамматического порядка, так и в том, что при возникновении этих новообразований происходит весьма сложное взаимодействие элементов самой системы числительных, ее взаимодействие с другими системами имен, более того, возможно взаимодействие системы одного языка с другими языками. Несмотря на определенную типологическую общность категории мужского лица в различных славянских языках, несмотря на общность исходного материала, в каждом из славянских языков, развивших категорию мужского лица, использованы свои специфические средства и формы для выражения этой категории.

Иначе сложилась судьба собирательных числительных. Базой для их образования являются видовые числительные, сохраняющиеся и сейчас в ряде славянских языков, имевшие разделительное значение. Видимо, при помощи суффиксов это общее разделительное значение несколько конкретизировалось. Образования с суффиксом *-ак-* стали определять предметы, состоящие из нескольких сортов, типов предметов: *двойкий, тройкий*; но пока не было образований на видовые числительные еще могли быть определением предметов, состоящих из нескольких одинаковых частей. Появление прилагательных типа *двойной*, связанное, быть может, с тем, что видовые числительные, например, в восточнославянских языках, становились неудобными в фонетико-морфологическом отношении (ср. затрудненность образования полной формы от *двой* при превращении всех настоящих прилагательных в полные и закреплении за краткими предикативных, а не атрибутивных функций), вело к тому, что все значения видовых числительных-прилагательных оказались распределенными между словами типа *двойной* и *двойкий*. Видовые числительные-прилагательные теряли в этом случае смысл своего существования. Еще в старославянском языке видовые числительные во множественном числе (т. е. прежде всего с существительными *pluralia tantum*) употреблялись в количественном значении, являясь соответствиями немаркированных количественных числительных. Однако количественные числительные к этому времени утрачивали свои грамматические признаки рода и числа. Те видовые числительные, которые употреблялись в количественном значении, тоже стали на этот путь.

В восточно-славянских языках, в польском, а также словацком и словенском с существительными *pluralia tantum* стали употребляться нейтрализуемые в отношении рода и числа числительные типа *двое, четверо*. Чешский, сербо-лужицкие и сербско-хорватский языки сохранили в сочетании с существительными *pluralia tantum* употребление видовых числительных. Нейтрализованные формы собирательных числительных имели и другой источник возникновения. В значении группы предметов, в частности группы людей, употреблялась форма среднего рода единственного числа видовых числительных: *двое, четверо*; возможно, это было некоторое отвлеченное обозначение совокупности, подобное тому, как в современном языке слово *белое* является обозначением некоторых предметов белого цвета. Это отвлеченное обозначение совокупности было своего рода нумерализованным прилагательным. В дальнейшем оно разделило судьбу прочих числительных и застывшие первоначально род и число были нейтрализованы. Слова *двое, четверо* и под. стали числительными. В тех языках, где были утрачены видовые числительные, этот их осколок продолжал существовать; в словенском и сербско-хорватском он существует параллельно с видовыми, в чешском и в сербо-лужицких он развит слабо.

Дальнейшая судьба слов типа *двое, четверо* уже тесно связана с грамматической судьбой числительных. Специфические функции собирательных оказываются довольно узкими, особенно в том случае, когда они употребляются с существительными. Существительных *pluralia tantum* немного, а значение количества, являющееся центральным значением числительных вообще, связано с тем, что числительные должны не только употребляться без существительных (в этом случае, обозначая не число, а совокупность, они подвергались бы субстантивации), но и в сочетаниях с существительными. Числительные собирательные начинают использоваться не только с существительными *pluralia tantum*, но и с некоторыми другими существительными. В использовании собирательных числительных с существительными наблюдаются две тенденции. Одна из них состоит в том, чтобы применять собирательные числительные со всеми существительными. Следы такой тенденции обнаруживаются в белорусском языке. Противоречивость такой тенденции состоит в том, что в таком случае особые собирательные числительные сливались бы полностью с немаркированными числительными, становясь на известном этапе их стилистическими вариантами, а затем, поскольку числительные, как элемент словаря, близкий к терминологии, избегают синонимов, должны были бы выпасть. Другой тенденцией в использовании форм собирательных числительных с существительными является их некоторая специализация. Поскольку в одной из своих генетически

первичных функций собирательные числительные были обозначениями групп (совокупностей) людей, возникает возможность употребления их с существительными, обозначающими лиц. В русском языке собирательные числительные используются для того, чтобы воплотить слабую, но все же возникающую категорию мужского лица, в сербско-хорватском, где для обозначения лиц мужского пола используются другие слова, собирательные существительные применяются для того, чтобы обозначить лиц женского пола или совокупность лиц разного пола. В польском языке, где категория мужского лица довольно развита, где существуют специальные лично-мужские числительные, собирательные начинают использоваться для обозначения лиц разного пола и лиц среднего рода – детей, а затем и грамматически близких к ним названий детенышей. Украинский и белорусский языки вслед за русским, но с меньшей строгостью применяют собирательные к существительным, обозначающим лиц мужского пола, а в словацком, подобно польскому, эти числительные используются для обозначения количества одушевленных среднего рода. В украинском языке собирательные – генетически слова среднего рода – начинают использоваться уже не только с названиями животных среднего рода, но и вообще со словами среднего рода. Однако ни одна из этих тенденций – кроме, может быть, польского употребления собирательных при существительных одушевленных среднего рода – не получает своего завершения. Везде употребление собирательных остается лишь факультативным, иногда преимущественным, но не обязательным. Здесь вступает в силу еще одно противоречие, присущее собирательным числительным. Завершение закрепления собирательных числительных в одной из указанных функций означало бы, что эти числительные как бы грамматикализировались в этой функции; но ведь у собирательных числительных есть и еще функции (генетически первичные) – употребление с существительными *pluralia tantum* и без существительных в значении совокупности лиц. Собирательные числительные оказываются полифункциональными, а это отнюдь не способствует узкому закреплению их в той или иной функции. Кроме того, для числительных вообще не характерна узкая спецификация. Числительные стремятся в славянских языках выразить количество вообще, а не некоторое количество определенных предметов. Но результатом отсутствия спецификации собирательных числительных является то, что они продолжают функционировать лишь как варианты немаркированных числительных, что они недостаточно отличаются от них по значению и употреблению. А за этим может идти, как в болгарском и македонском языках, и полная утрата неспециализированных вариантных форм. В этом, видимо, ключ

для объяснения утраты косвенных падежей собирательных числительных в украинском и словацком, малой их употребительности в русском и белорусском. Но за сохранение собирательных числительных стоят такие их особенности, как употребление в сочетаниях с существительными *pluralia tantum*, и такая черта современных литературных языков, как известная консервативность их в сравнении с неписьменными языками, где значение традиции, закреплённой ныне в письменности, было меньшим.

Категория падежа является, пожалуй, наиболее универсальной категорией формообразования славянских числительных. Те славянские языки, в которых имеется склонение, в той или иной мере сохраняют и склонение числительных. Однако нельзя полагать, будто система склонения числительных просто отличается определенной консервативностью и не претерпевает значительных изменений в ходе эволюции. Склонение числительных значительно изменяется. В общих чертах различаются изменения двух типов: изменения, направленные на унификацию склонения разных числительных, и изменения, направленные на различного рода упрощения в склонении отдельных числительных. Таким образом, можно сказать, что система склонения числительных стремится к двояким упрощениям: упрощениям в системе отдельно взятого числительного и упрощениям в системе числительных как формирующейся части речи в целом.

В старославянском языке слова, обозначающие числа, по грамматическим признакам относились к различным частям речи и в соответствии с этим особенности их склонения были различными. Общим было наличие падежной оппозиции у всех слов. Однако характер этой оппозиции был различен: в одних словах – прилагательных – падеж – чисто синтаксическая категория, согласуемая с определяемым существительным; в других словах – существительных – именительный падеж – это падеж подлежащего, а косвенный падеж – это падеж, выражающий различное по значению отношения существительных к другим словам. Отличалось не только содержание оппозиций падежа у разных числовых слов, но и его выражение.

Слово *единъ*, до сих пор во всех славянских языках отличающееся от других числительных, в старославянском языке склонялось по местоименному склонению обычно в единственном числе; в отдельных случаях в числовом значении оно выступало и во множественном числе (с существительными *pluralia tantum*). Иногда слово *единъ* выступало в полной (определённой, местоименной) форме, в том числе и с количественным значением (в частности, в составе сложного числительного 11).

В современных славянских языках слово *один* сохраняет в основном тот же тип склонения, который не сыграл существенной роли в формировании грамматических свойств числительных.

Слово *дѣва* (а также *оба*) довольно правильно склонялось в старославянском языке по образцу местоимения *тъ* в двойственном числе: ИВЗ *дѣва/дѣвъ*, РМ *дѣвою*, ДТ *дѣвъма*.

Слово *трие/три* имело следующие падежные формы: И *трие/три*, Р *трии*, Д *трѣмъ* (*трѣмъ*), В *три*, Т *трѣми*, М *трѣхъ* (*трѣхъ*).

Как и слово *трие*, слово *четыре* склонялось подобно существительным во множественном числе: И *четыре/четыри*, Р *четырь* (*четырь*), Д *четыремъ*, В *четыри*, Т *четырьми* (*четырьми*), М *четырехъ*.

Слово *трие* принадлежало к существительным на *-ї > ъ* (типа *гость*, *кость*), а слово *четыре* относилось к существительным на *-ер-* (кроме него, в старославянском языке к этому склонению, более широко представленному в индоевропейском, относились лишь слова *мати* и *дѣщи*). Форма *четырь* в род. пад. является, видимо, древнейшей, а *четырь* – более новой, возникшей под влиянием других падежей. Формы слова *трие* на *-е-*: *трѣмъ*, *трѣхъ*, вероятно, возникли под влиянием форм слова *четыре*.

Слова *пять*, *шесть*, *седьмь*, *осьмь*, *девять* были существительными женского рода на *-ь-*, но склонялись они в отличие от слова *трие* не по множественному, а только по единственному числу: ИВ *шесть*, РДМ *шести*, Т *шести/ж*.

Слово *десять*, как уже отмечалось, имело числовые оппозиции, которые, правда, были связаны с употреблением этого слова в составе сложных числительных. Склонялось оно так: ед. ч. ИВ *десят-ь*, РДМ *-и* (М *-е*), Т *-и/ж* (*-ы/ж*); мн. ч. ИВ *-и/е*, Р *-ѣ* (*-ии*), Д *-емъ* (*-ѣмъ*), Т *-ы*, М *-ехъ*; дв. ч. ИВ *-и* (*-ѣ*), РМ (*-оу*), ДТ *-ѣма*.

Первоначально слово *десять* относилось к склонению на согласный (на *-яг-*). Остатком этого является, например, окончание местного падежа единственного числа *-е*, которое систематически отмечалось в составе сложных типа *дѣва на десяте*, но заменялось при свободном употреблении слова *десять* на *-и*, заимствованное из склонения на *-ь* (под влиянием числительных типа *пять*). Этим же влиянием может быть объяснено и появление некоторых других форм, например, род. п. мн. ч. на *-ии*, дат. п. мн. ч. на *-ѣмъ* и некот. др.

Слово *съто* было существительным среднего рода склонения на *-о*, причем числовые его оппозиции, как уже отмечалось, были ограничены некоторыми сочетаниями. Ед. ч.: ИВ *съто*, Р *съта*, Д *сътоу*, Т *сътомъ*, М *съгѣ*; Мн. ч.: ИВ *съта*, Р *сътъ*, Т *съты*, Д *сътомъ*, М *сътѣхъ*; Дв. ч.: ИВ *сътъ*, РМ *сътоу*, ДТ *сътома*.

Как существительное склонения на *-а*, склонялось слово *тысѣщи/тысящи*. Его склонение в единственном числе выглядело так: ИДМ *-и*, В *-ж*, Р *-я*, Т *-е*.

Слово *тъма/тъма* склонялось как существительные на *-а*, а слово *легеонъ* как существительные мужского рода на *-о*.

Сложные числительные, образованные по способу управления, сохраняли неизменяемый управляемый компонент, падежные формы принимали лишь управляющий компонент: ИВ *шесть десять*, РДМ *шести десять*, Т *шести*) *ж* *десять*. В сложных числительных, образованных по способу согласования, естественно склонялись оба компонента: ИВ *дѣва десяти*, РМ (*дѣву десяти*), ДТ *дѣвѣма десятима*.

В старославянских источниках засвидетельствован и случай аттракции, как бы связывающий оба этих основных случая: *съ дѣвѣма i-ма тысѣишатама* (Загр., Лк. 14.31). Под влиянием согласованных первых двух компонентов числительного и последний употребляется в форме того же падежа, хотя по существовавшим правилам он не должен был принимать эту форму (а остаться в форме род. п. мн. ч.).

В составных числительных каждый из составлявших их сочиненных между собой компонентов в принципе склонялся самостоятельно. Это правило, однако, в старославянских источниках иногда нарушается и отдельные компоненты не склоняются.

Собирательно-разделительные числительные *обой-*, *дѣвой-*, а судя по церковнославянским памятникам – и *трой-*, склонялось как местоимения (в ед. или мн. ч.). *Четверъ* и под., судя по церковнославянским памятникам, склонялись как существительные на *-а* и *-о* (т. е. как краткие прилагательные). Как местоимения и прилагательные склонялись в старославянских источниках также неопределенно-количественные слова, такие как *много*, *мало*, *колико*.

Таким образом, характеристика склонения числительных в старославянском языке приближается к идеальной картине, которая была, по-видимому, нарушена уже в поздний праславянский период. Основные тенденции нарушений – это влияние одних числительных на другие в целом ряде случаев (ср. *три* – *четыре*, *пять* – *десять*, *дѣва десяти* – *дѣва десяти тысѣиць*), с одной стороны, и упрощения в системе склонения числительных, прежде всего составных и сложных, – с другой. В конечном счете именно эти тенденции получили развитие в современных славянских языках.

Склонение числительных в современных славянских языках характеризуется определенной эволюцией праславянского материала на пути унификации склонения этих первоначально весьма разнородных грамматически слов и некоторого его упрощения.

В болгарском и македонском языках в связи с общей заменой синтетического склонения аналитическим утрачены формы склонения числительных.

В сербско-хорватском языке произошла известная унификация склонения числительных. Она касается главным образом трехпадежных¹ парадигм склонения слов 2, 3, 4. Для числительного *два* парадигма выглядит так: ИВ *два/две*, Р *двају/двеју*, ДТМ *двема*. Специфическая особенность сербско-хорватской парадигмы – это совпадение форм творительного, дательного и местного падежей. К этому склонению примыкает склонение *оба, обе*. По этому же образцу с другим гласным в окончании (*и*, а не *е*) склоняются числительные 3 и 4 (но ТДМ: *четирма*).

Числительные *пет, шест* и далее, включая *сто, двеста*, не склоняются. Изредка встречается (в газетной речи) несклоняемое употребление числительных 2, 3, 4, оно, однако, не получает одобрения².

Интересно, что собирательные (в единственном числе) выработали типологически сходный с числительным *два* тип склонения: ИВ *двоје, четворо*; Р *двога, четворга*; ДТМ *двома, четворма*. Но иногда ДМ: *двоме, четворме*. Во множественном числе слова типа *двој* склоняются как прилагательные, да и являются по существу прилагательными.

Оба сербско-хорватских обозначения тысячи (*тисућа* и *хилјада*) являются существительными женского рода. Можно отметить, что форма винительного падежа на *-у* может выступать в значении других падежей (как несклоняемая форма).

В чакавских говорах отмечаются случаи унификации склонения по образцу прилагательных: *двих, трих, трими, четирими* и под.³

Словенский язык, сохраняющий двойственное число, имеет трёхпадежный и четырехпадежный типы склонения числительных. Для числительного *dva* видим такую парадигму; ИВ *dva/dve*, РМ *dveh*, ДТ *dvema*. Типологически она напоминает старо- (и пра-) славянскую (где, однако, для родительного и местного выступала иная форма); впрочем, на северо-востоке Словении ср. *dvu*. Для числительных 3 и далее имеем четырехпадежную парадигму, причем если для 3 гласный в окончании *e*, то для следующих числительных (от 4 до 99) гласный в окончании *-i*. В именительном падеже для мужского рода: *triје, štirje*, для женского и среднего: *tri, štiri*. Слово *pét* в творительном имеет и вариант с гласным *é* в окончании: *petémi*. ИВ нуль (*-i*), РМ *-ih*, Д *-im*, Т *-imi*.

Числительное *sto*, а в ряде случаев и числительные от 5 до 99, а также 200, 500 и под. не склоняются. Слово *tisoč* в значении числительного тоже

¹ Следует отметить, что здесь и далее термин «трехпадежный» и под. понимается в значении «имеющий три падежных формы».

² *Натт J. Promjena brojeva* 2, 3, 4. С. 14.

³ См.: *Белич А. Историја српскохорватског језика*, II, 1. Београд, 1950. С. 307–308.

иногда не изменяется. Слова типа *dvóji*, **-a**, **-e** являются в словенском языке по форме прилагательными и соответствующим образом изменяются. Когда форма среднего рода (типа *troje*) употребляется подобно русским собирательным, она не склоняется. В говорах отмечается в ряде случаев влияние склонения числительного 2 на другие числительные¹.

В словацком языке имеется в сущности один тип склонения числительных с двумя разновидностями. Числительные 2 и 3 имеют четырехпадежные системы склонения такого вида (винительный совпадает с родительным или именительным): И (В) *dva* /*dva*/ *dve*, РМ (В) *dvoch*, Д *dvom*, Т *dvoma*.

Числительное 4 тоже подходит под этот тип, однако в творительном выступает форма на *-mi*, взятая из типа *rät'*. Для числительных от 5 до 99, для числительного *tisíc* (если оно склоняется), а также (в сочетании с существительным) и для числительных *dvoje*, *troje* выступает подобная система склонения с тем отличием, что гласный в окончании *-i*, а не *-o* (в именительном лично-мужская форма *piati*, немаркированная *rät'*): И (В) нуль, *-i*, РМ (В) *-ich*, Д *-im*, Т *-imi*.

Числительные *sto*, *dvesto* и т. д. в ряде случаев *tisíc*, обычно собирательные (*dvoje*, *rätoro*), а часто и неопределенные (*mnoho*, *malo*) не склоняются. После предлогов в сочетании с существительным употребляются и несклоняемые формы числительных типа *rät'*: *so sedemdesiat korunami*. Существа дела не меняет изредка еще встречающийся творительный падеж *stoma*. Таким образом, в словацком языке фиксируем, с одной стороны, утрату склонения числительных в большом ряде случаев, а с другой стороны, при сохранении склонения – большую его унификацию.

Эта унификация может в говорах принять еще более яркую форму, когда подтипы *dva* и *rät'* совпадают и парадигма эта присуща числительным 2–10. Числительные 5–10 в соединении с существительными часто не склоняются. Это относится также к словам 1000 и даже *milijon*. Числительные же от 11 вообще не склоняются².

В нижнелужицком языке лично-мужские формы числительных создают некоторые дополнительные незначительные вариации в склонениях. Сербо-лужицкие языки сохраняют двойственное число (речь идет скорее о типологическом сохранении, ибо многие формы двойственного числа являются новыми), а это в свою очередь накладывает определенный отпечаток на систему склонения числительных (специфические парадигмы для числительного 2). Тем не менее, в сербо-лужицких языках проявились

¹ *Tesniere L.* Les formes du duel en slovène. P., 1925. С. 340–385.

² *Буффа Ф.* Цит. по: Соч. С. 94.

довольно ярко обе главные тенденции в развитии числительных в славянских языках – стремление к упрощению и унификации.

Числительное 2 имеет трехпадежную парадигму: И(В) *dwa/dwě*, Р(В) *dweju*, ДТМ *dwěmaj*.

Как и в сербско-хорватском, творительный, дательный и местный совпадают. Интересно и материальное сходство с сербско-хорватской парадигмой, вызванное генетическим родством и одинаковой эволюцией формы родительного падежа.

Лично-мужские числительные в нижнелужицком языке образуются от числительных 3–10 и имеют такое склонение: И-’о, РВМ -’och, Д-’om, Т-’omi.

У немаркированных числительных 3–99 (кроме названий 5–9 десятков) склонение таково: ИВ -i /o/a/ нуль, РМ -ich, Д -im, Т -imi.

Числительные 50, 60, 70, 80, 90 не склоняются. Числительные от 5 до 99 в сочетании с существительными зачастую тоже остаются в косвенных падежах неизменными. Олово *hundert* воспринимается как существительное. К существительным относятся и обозначения тысячи. К прилагательным относятся слова типа *dwoji*, склоняющиеся как прилагательные во множественном числе.

Склонение числительных в верхнелужицком языке близко к склонению нижнелужицких числительных. Три падежные формы имеет склонение числительного 2: И (В) *dwaj, dwě*, Р(В) *dweju*, ДТМ *dwěmaj*. Так же склоняется *wobaj*.

Лично-мужские формы числительных от 3 до 99, образуемые формантом -’о, имеют склонение, близкое к склонению прилагательных (во множественном числе): И -’о, РВМ -’och, Д -’от, Т -’ami.

Сюда примыкает и парадигма немаркированной формы 3 и 4: ИВ -i, РМ -’och, Д -’от, Т -’omi.

Близко и склонение немаркированной формы числительных от 5, с изменением гласного окончания: ИВ нуль, РМ -ichy Д -im, Т -imi.

Однако наряду с этим числительные типа *rjeś* сохраняют видоизменившееся склонение по образцу существительного *кость*; при этом творительный падеж совпал с другими косвенными и имеет формант -i. Так получается двухпадежная система: ИВ нуль, РДТМ -i.

Слово *sto* склоняется как и сходные существительные с некоторыми отклонениями: ИВ *sto*, Р *sta*, ДМ *stu*, Т *stom*.

Слово *tysac* является существительным. Слова типа *dwoji* относятся к прилагательным и склоняются по их образцу. Числительные от 5 в сочетании с существительными, обозначающими считающиеся предметы, обычно в косвенных падежах остаются в основной форме, т. е. не склоняются.

Чешский язык имеет довольно развитую систему склонения числительных. Сохраняя некоторые архаичные черты, эта система вместе с тем имеет ряд инноваций, в какой-то мере упрощающих и унифицирующих склонение числительных.

Числительное 2 имеет архаичную трехпадежную систему: ИВ *dva, dvě*, РМ *dvou*, ДТ *dvěma*.

По этому же образцу склоняется и слово *oba*. Слова 3 и 4 имеют пятипадежную, близкую к прилагательным (множественного числа), систему склонения: ИВ *-i*, Р *-í*, нуль, Д-ем, Т-(е) *mi*, М-ech.

Важным чешским упрощением в склонении числительных явилась выработка двухпадежной (вместо трехпадежной) системы склонения для числительных 5–99. Творительный падеж совпал здесь с иными косвенными: ИВ нуль, РДТМ *-i*.

Под этот тип иногда подводится и склонение слова *tisíc – tisíci*. Однако это слово склоняется и по четырехпадежной системе (ср. *sto*): ПВ нуль, Р *-e*, ДМ *-i*, Т *-em*.

Типологически к склонению числительных 5 и далее примыкает и склонение неопределенно-количественных числительных (*kolik, tolik, mnoho*): ИВ *-o*, нуль, РДТМ *-a*.

Числительное *sto* часто выступает в косвенных падежах в основной форме. К нему примыкает в этом отношении *male* и *půl*. Однако слово *sto* имеет и формы склонения (типологически сходна парадигма *tisíc*), одинаковые с существительными среднего рода: ИВ *-o*, Р *-a*, ДМ *-u*, Т *-em*.

По образцу прилагательных склоняются собирательные и видовые числительные (типа *dvoj-*). В разговорном чешском языке усиливается несклоняемость в типе *dvacetjedna korun*. Встречается и употребление несклоняемого *tisíc*.

В чешских говорах отмечаются случаи распространения адъективного типа склонения числительных.

В польском языке унификационная тенденция была очень значительной. Проявилось в польском языке и стремление к упрощению в склонении отдельных числительных. Однако развитие категории мужского лица приводило к известному специфическому многообразию в склонении числительных, параллелизму в парадигмах отдельных числительных.

Для немаркированных форм числительного 2 может быть представлено два варианта склонения. Один, более близкий к адъективному, имеет четыре падежных формы, другой – трехпадежный: а) ИВ *dwa, dwie*, РМ *dwóch*, Д *dwom*, Т *dwoma, dwiema*; б) ИВ так же, Т так же, РДМ *dwu*.

Для лично-мужских форм может быть представлен также ряд вариантов систем склонения (существование которых связано с использованием

в значении именительного падежа лично-мужского типа форм родительного падежа с проникновением формы *dwu* в различные падежи): а) И *dwaj*, РВМ *dwóch*, Т *dwoma*, Д *dwom*; б) ИВРМ *dwóch*, Д *dwom*, Т *dwoma*; в) И *dwaj*, РДВТМ *dwu*; г) ИРДВТМ *dwu*. Возможны, очевидно, и комбинации этих сосуществующих систем.

Для немаркированных форм слов *trzy* и *cztery* система склонения представляется в таком виде: ИВ-у, РМ -ech, Д -em, Т -ema.

Лично-мужские формы числительных 3 и 4 склоняются так: а) И -ej, РВМ -ech, Д -em, Т -ema; б) ИРВМ -ech, Д -em, Т -ema.

Нетрудно обнаружить не только типологическое, но и материальное сходство систем склонения числительного 2, с одной стороны, и 3–4 – с другой стороны.

Форма на -и стала господствующей во всем склонении польских числительных. Она проникает (очевидно, из склонения числительного *dwa*) в склонение числительных 5–20, 100, названия десятков и сотен (у последних по-разному: *dwustu*, *trzystu*, *czterystu*, но *pięciuset*, *sześciuset* и т. д.). Эта форма используется в значении всех косвенных падежей у немаркированных числительных (в творительном – параллельно с формой на -ома, тоже из склонения слова *dwa*), а у лично-мужских числительных выступает и в значении именительного падежа.

Немаркированные числительные этого типа имеют такую трехпадежную систему окончания: ИВ нуль, РДТМ -и, Т -ома.

Лично-мужские числительные на -и не склоняются.

Собирательные (*dwoje*, *czworo*) имеют четырехпадежную специфическую систему склонения, напоминающую склонение существительных мужского рода. Характерно здесь появление в косвенных падежах согласного -g-: ИВ -е, -о; Р -ga, ДМ -gu, Т -giem (ср. сербско-хорватский родительный падеж собирательных *двога*, *четворга*). Сходным образом, по образцу существительных мужского рода, склоняется слово *tysiąc*: ИВ нуль, Р -а, ДМ -и, Т -em.

В северных диалектах идет исчезновение склонения числительных 5 и след.

Украинский язык сохраняет склонение числительных, достигая довольно высокой степени унификации этого склонения. Для некоторых числительных наступает значительное упрощение в склонении. Собирательные числительные в косвенных падежах вообще не употребляются, будучи заменяемы количественными.

Тип склонения, выработавшийся в результате скрещения склонения слов 2, 3, 4, оказывается в украинском языке наиболее сильным. По этому образцу склоняются и числительные типа *п'ять* (от 5 до 20, 30, 50, 60, 70,

80), а также неопределенно-количественное *кілька* с производным. Тип этот имеет такой вид: ИВ *-а, -и, нуль*; РМВ *-ох*; Д *-ом*, Т *-(о) ма*.

Параллельно с этим числительные 5–90 сохраняют более архаичное склонение с формантом *-и* в родительном, дательном и местном. В творительный падеж проникло новое окончание (из предыдущего типа) *-ма*: ИВ *нуль*, РДМ *-и*, Т *-ма*.

Слова *сорок, дев'яност, сто* имеют двухпадежную систему склонения: РДТМ на *-а*.

Слово *півтора/півтори* утратило склонение.

Слово *тисяча* склоняется как соответствующее существительное: *тисяча, тисячі, тисячу, тисячею*. Под влиянием числительных типа *п'ять* (которые, правда, сами такую форму утратили) появилась форма *тисяччю*, которая изредка встречается в творительном падеже.

В числительных *двісті, триста, чотириста* склоняются обе части (вторая по множественному числу), что приводит к такой примерно падежной системе: ИВ *триста*, Р *трьохсот*, Д *трьомстам*, Т *трьомастами*, М *трьохстах*.

Остальные обозначения сотен выработали общую основу косвенных падежей, и поэтому в них изменяется лишь вторая часть; в первом же компоненте противопоставлены лишь прямые и косвенные падежи; ИВ *п'ятсот*, Р *п'ятисот*, Д *п'ятистам*. Т *п'ятистами*, М *п'ятистах*.

В закарпатских говорах можно отметить и случаи, когда и числительные типа *двісті* подводятся под господствующий в склонении числительных тип *два*: *двіста, двістох, двістом, двістома*. Подводятся сюда и собирательные (вроде *п'ятерьох* и т. д.), а также 40, 90, 100 (ср. *сорокох* и под.). Однако более специфичным является закарпатское употребление несклоняемых форм числительного *сто*, а иногда и числительных типа *п'ять* (*робив на п'ят' містох*).

Числительные белорусского языка, как и числительные других славянских языков, проявляют некоторые тенденции к образованию более или менее единого типа склонения. Довольно распространен адъективный (множественный) тип склонения с четырьмя падежными формами и с разными, в зависимости от числительных, гласными в окончании.

Для слов *два, дзве, абодва, абодзве* склонение выглядит так: ИВ *-а, -е*; РВМ *-ух*, Д *-ум*, Т *-ума*. С гласным *-о* та же система применима к числительным *тры* и *чатыры*.

С гласными *-ы-, -і-* видим ту же систему у собирательных, а также у неопределенно-количественного *колькі* и под.

В литературном белорусском языке сохраняется старая трехпадежная парадигма для числительных типа *пяць*: ИВ *пяць*, РДМ *пяці*, Т *пяццю*.

В числительных 50–80 склоняются при сохранении того же типа склонения обе части. Оба компонента склоняются также в числительных, обозначающих сотни (*дзвесце, шэсцьсот* и под.), причем второй компонент имеет вид: ИВ *-сце, -ста, -сот*; Р *-сот*; Д *-стам*; Т *-стамі*; М. *-стах*. Первый компонент изменяется соответственно по типам *два, тры* или *пяць*.

Слово *тысяча* изменяется как существительное женского рода. Слова *сорак* и *сто* имеют по одной общей косвенной форме (*сарака, ста*). Числительные *дзевяноста, паўтара, паўтары* не склоняются.

В отдельных белорусских говорах сделаны дальнейшие шаги по унификации склонения числительных. В Брестской области, например, при склонении слова *два* в окончаниях косвенных падежей выступает гласный *-а-*. В других говорах (могилевских, витебских, минских и др.) отмечаются формы типа *дваццацёх, дваццацём, дваццацьма* и под.

Русский язык имеет довольно пеструю систему склонения числительных с целым рядом подтипов и вариантов. Тенденция к упрощению и унификации склонения проявилась в нем не очень сильно.

Специфическое окончание творительного падежа *-мя* отличает склонение слов *два/две, три, четыре* от всех других склонений. В окончаниях слова *два* выступает гласный *-у-*. В отличие от этого слова *три* и *четыре* имеют в окончаниях *-е-* или *-о-* оо смягчением предшествующего гласного: ИВ *-а, -и, -е*; РМВ *-х, Д -м, Т -мя*.

Типологически сходно со склонением числительных 2–4 склонение собирательных (*двое, пятеро; оба, обе*) и неопределенно-количественных (*много, несколько*). Оно следует склонению прилагательных во множественном числе.

Сохраняется старое склонение числительных типа *пять*. Для слов 5–20 и 30 имеем такую трехпадежную систему: ИВ нуль, РДМ *-и, Т -ью*. В числительных 50–80 склоняются по этому типу оба компонента. В беглой речи имеется тенденция унифицировать основу косвенных падежей, что проявляется в разговорной форме творительного падежа *пятидесятью*.

Слово *тысяча* изменяется как существительное женского рода (ср. *туча*). Однако в значении числительного в творительном падеже встречаем у этого слова окончание *-ью*, как и у слов типа *пять*. Кроме того, форма дательного-предложного *тысяче* фонетически совпадает с формой родительного *тысячи* (ср. у числительного *пять* общую для этих трех падежей форму *пяти*).

Слова *сорок, девяносто, сто* имеют по одной форме косвенных падежей (на *-а*). Фонетически *девяносто-девяноста* с безударным последним гласным не различается. Поэтому можно отнести слово *девяносто* и к числу

несклоняемых. Слово *пол* имеет одну косвенную форму – *полу*. Это касается и слов *полтора*, *полторы/полутора*, а также *полтораства/полутораства*.

В обозначениях сотен (*двести*, *пятьсот* и т. д.) первый компонент изменяется как соответствующее числительное. Имеется тенденция выработать в числительных 500–900 единую основу косвенных падежей, в результате чего разговорные формы творительного падежа типа *пятистами*. Второй компонент (ИВ *-сти*, *-ста*, *-сот*) склоняется по множественному числу следующим образом: Р-*сот*, Д-*стам*, Т-*стами*, М-*стах*.

В русских говорах отмечаются и тенденции к дальнейшей унификации склонения, например, адъективного склонения числительных типа *пять* вроде *п'ет'их*, *д'ес'ат'им* и под. Отмечены также двухпадежные парадигмы типа *пять–пяти*. Известны в говорах и случаи несклоняемости первой части сложных числительных (а подчас и всего числительного).

Во всех славянских языках встречаются однопадежные системы склонения числительных или, иначе говоря, несклоняемые числительные. Однако степень распространенности этих однопадежных парадигм в общей системе склонения числительных в различных славянских языках различна. Так, в русском языке она касается лишь слова *девятьсто*, да и то при условии фонетического его восприятия, так как школьная практика поддерживает в сознании говорящих противопоставление прямого и косвенных падежей (*девятьсто* – *девятьста*). В украинском языке несклоняемость касается лишь слова *півтора/півтори*, в белорусском обоих этих слов: *паўтара*, *дзесяцьста*. Чешский язык знает лишь несклоняемые *sto*, *malá* и *půl*, а в разговорной речи иногда *tisíc*, а также выражения типа *dvacetdva*. В польском языке лично-мужские числительные на *-и* имеют всего одну форму, а следовательно не склоняются. В польских говорах отмечаются и случаи утраты склонения числительными типа 5. В нижнелужицком утрачено склонение слов 50–90, числительные типа 5 в сербо-лужицких языках не склоняются в сочетаниях с существительными, а $1\frac{1}{2}$ и под. – вообще не склоняются. Словенский язык не склоняет слов *sto* и *tisoč*, а также в сочетаниях с некоторыми предлогами – большие составные числительные. В словацком языке не склоняются числительные *sto*, *tisíc*, *mnoho*, *dvesto*, собирательные, а в сочетаниях с существительными и предлогами также и слова типа *rät'* (особенно в говорах). Дальше всех пошел в утрате склонения числительных, пожалуй, сербско-хорватский язык, где не склоняются числительные типа *пет* (а также слова *сто*, *двеста*).

Среди случаев утраты склонения числительными наибольший интерес представляет, пожалуй, утрата склонения числительными типа *пет* в сербско-хорватском языке. Следует отметить, что в синтаксическом отноше-

нии утрата склонения сербско-хорватскими числительными отличается от «несклоняемости» числительного в сербо-лужицких и некоторых других славянских языках. В сербско-хорватском одно и то же сочетание числительного с существительными употребляется в значении всех падежей, в то время как в сербо-лужицких языках (а также в некоторых случаях и в других славянских языках) числительное остается неизменным, в то время как существительное изменяется. Употребление во всех падежах одного и того же сочетания связано с общим разрушением склонения (в болгарском и македонском языках) или с утратой склонения числительными (в сербско-хорватском языке), в то время как в другом случае (с «примыканием» неизменяемого числительного к изменяемому существительному) имеет место падежная омонимия числительного. Славянские языки (кроме сербско-хорватского) не склоняют числительные лишь в особых случаях. Хотя это явление и известно, как оказывается, почти на всей славянской территории, однако лишь в сербско-хорватском, сербо-лужицких, словацком и польском (лично-мужские) оно приобрело более или менее универсальный характер.

Еще менее распространена утрата склонения числительными 2–4. Эти числительные наиболее устойчиво сохраняют свое склонение. Ни в одном славянском языке нет сколько-нибудь значительных приближений к его утрате. В сербско-хорватском языке употребление несклоняемых 2, 3, 4 является нарушением языковой нормы; в польском может идти речь лишь о единой для всех падежей лично-мужской форме *dwi*, однако при наличии ряда параллельных форм (*dwa**j*, *dwó**ch* и т. д.) это не ставит вопроса о полной утрате склонения даже словом 2 (не говоря уж о 3 и 4); чешские факты (тип *dvacet**dva*) касаются лишь разговорного, неустойчивого употребления только одного вида составных числительных, оканчивающихся на 1, 2, 3, 4 и прямого отношения к утрате склонения словами 2, 3, 4 не имеют.

Если две наиболее влиятельные группы склонения числительных (тип *пять* и тип *два*) сравнительно устойчиво сохраняют склонение, то мелкие, раздробленные группы, стоящие особняком слова (*полтора*, *девятьсто*, *сто*, *тысяча*), утрачивают склонение чаще, притом и в тех языках, которые вообще не проявляют тенденции к утрате склонения числительных.

Восточнославянские и некоторые западнославянские языки знают отдельные двухпадежные системы склонения числительных. Это почти всегда типологически сходные системы, в которых противопоставлены прямые падежи (именительный и винительный) остальным, косвенным падежам.

Лишь в одном частном случае (польский вариант лично-мужского склонения *dwa**j* – *dwi*) противопоставлен именительный падеж всем прочим.

Наибольшее значение имеет двухпадежная система для чешского языка, где по ней склоняются слова типа *пять*. В круг этого типа вовлечены в чешском и неопределенно-количественные, а подчас вовлекается и слово 1000. В верхнелужицком языке двухпадежную систему склонения имеют, как и в чешском, числительные типа *рјеś* (но в сочетании с существительными эти числительные не склоняются).

В восточнославянских языках наиболее распространена двухпадежная система в русском, где она охватывает числительные *сорок, девяносто, сто, полтора (полторы), полтораста, пол*. В украинском двухпадежная система охватывает слова *сорок, дев'яносто, сто*, в белорусском – *сорок* и *сто*.

Трехпадежные системы склонения числительных распространены в славянских языках (кроме словацкого). Однако в различных языках имеет распространение разные типы трехпадежных систем. А эти типы присущи склонению разных числительных.

Наиболее важен, пожалуй, восточнославянский и польский тип с противопоставлением прямых падежей косвенным и особой формой творительного падежа.

В русском, украинском, белорусском и польском языках такую систему склонения имеют числительные типа *пять*. В польском, кроме того, та же система характерна и для числительного *dwa* – немаркированная форма.

Чешский и словенский сохраняют старую систему склонения числительного *dva – dve* по двойственному числу, с противопоставлением ИВ – ДТ – РМ.

Сербско-хорватский и сербо-лужицкие языки видоизменили эту систему в том, что форма местного падежа совпала с формой дательного и творительного. В сербо-лужицких языках винительный может совпадать с именительным и родительным. В сербско-хорватском языке эта система склонения распространена не только на числительное 2, но также на числительные 3 и 4. Кроме того, в сербо-хорватском под эту же систему подведено склонение собирательных (с окончанием в родительном *-ga*).

В польском языке одна из частных парадигм склонения лично-мужских форм числительных 2, 3, 4 имеет такое видоизменение трехпадежной системы: ИВРМ–Д–Т.

Как видим, трехпадежные системы довольно существенны для всей системы склонения числительных. В восточнославянских языках и в польском трехпадежная система охватывает склонение одной из главных групп числительных – числительные типа *пять* (в польском сверх того еще и *dwa*). В сербско-хорватском – это основная у числительных система склонения (впрочем, (В этом языке она встречается и у многих существительных

и прилагательных, особенно во множественном числе). В сербо-лужицких, словенском и чешском языках такая система характерна для важного и влиятельного числительного 2.

Трехпадежные системы, таким образом, характерны для основных числительных, т. е. числительных типа *пять* в одних языках и 2, 3, 4 – в других. Это делает трехпадежные системы и вообще существенными для общей картины склонения числительных в современных славянских языках.

Не менее важны и четырехпадежные системы, имеющие различный вид и используемые во всех (сохраняющих склонение) славянских языках.

Основной вид четырехпадежной системы склонения числительных в славянских языках таков: И (В) – РМ(В) – Д – Т. Под такой вид (с некоторыми модуляциями, вызываемыми совпадением винительного с именительным или родительным падежами) может быть подведено склонение числительных 3–4 в польском, сербо-лужицких, словацком, словенском, восточнославянских языках и в чешских говорах, числительного 2 – в тех же языках, кроме сохранивших двойственное число сербо-лужицких и словенского, числительных типа *пять* – в сербо-лужицких, словацком, словенском, украинском языках, русских и белорусских говорах. По этому же типу склоняются в восточнославянских языках неопределенно-количественные (для украинского – в говорах) числительные.

В верхнелужицком и чешском языках для слова *sto* (а в чешском сверх того и для *tisíc*) имеется такая четырехпадежная система: ИВ – Р – ДМ – Т. Типологически сходная система имеется в сербско-хорватском и польском языках для собирательных числительных.

Нетрудно обнаружить, что наиболее существенны четырехпадежные системы для украинского, словацкого, словенского, сербо-лужицких языков, где одна из них охватывает обе главных группы склонения числительных (2, 3, 4 и 5). Далее следует русский, белорусский и польский, в которых эта система используется для группы 2, 3, 4, а отчасти и для других менее значительных групп, а также в говорах (русских и белорусских) для склонения числительных типа *пять*. Наконец, в сербско-хорватском и чешском языках четырехпадежная система характеризует лишь по одному частному виду склонения.

Четырехпадежная система присуща главным образом склонению числительных 3–4. По ней склоняются эти числительные во всех славянских языках, сохраняющих склонение (кроме сербско-хорватского и чешского литературных языков). Склонение числительных 3 и 4 повлияло на склонение числительного 2, которое сходно с 3 и 4 во всех славянских языках, кроме языков, сохраняющих двойственное число (сербо-лужицких и словенского),

а также чешского с его архаичным склонением слова 2. Склонение числительных 3 и 4 влияет и в другом направлении – на склонение числительных типа *пять*. В украинском, словенском, словацком, сербо-лужицких языках и в говорах русского и белорусского языков числительные типа *пять* склоняются по адъективному образцу склонения слов типа 3 и 4.

Пятипадежные системы менее характерны, но и они охватывают определенный ряд числительных в славянских языках.

Так, в восточнославянских языках пятипадежную систему склонения имеют числительные, обозначающие сотни. В этой системе не противопоставлены именительный и винительный падежи (в русском слова *двести* и *триста* совпадают в винительном с именительным). В этих числительных изменяются (с некоторыми модуляциями) обе части.

Типологически сходную систему имеют чешские числительные 3 и 4, а также собирательные. Сходно типологически и склонение слова 1000 в польском и верхнелужицком языках. Таким образом, пятипадежные системы имеют известный вес в общей картине склонения числительных в языках восточно- славянских и чешском. Однако и здесь эти системы не являются сколько-нибудь влиятельными и охватывают небольшое число фактов.

Рассматривая склонение числительных в современных славянских языках, целесообразно остановиться на окончаниях отдельных косвенных падежей.

Наиболее типичны для числительных следующие падежные формы (если оставить в стороне некоторые нетипичные для слов, входящих в разряд числительных, редкие окончания) .

В творительном падеже (чаще других сохраняющем особую форму) обычно выступают окончания *-ми* (из множественного числа), *-ма*, *-тај* (из двойственного), *-мя* (контаминация двух предшествующих), *-ью* (из единственного), *-і* (при совпадении с родительным и другими падежами).

В дательном падеже используется окончание *-м* (если он не совпадает с другими падежами), *-ма*, *-тај* (в случае совпадения дательного и творительного), *-и* (*-і*) –при совпадении с родительным и местным, или *-у* (*-и*) в том же случае.

В местном, не совпадающем с дательным (но, возможно, совпадающем с родительным), выступает формант *-х* (из множественного числа); в некоторых случаях выступает формант *-у* (*-и*) (из двойственного числа). При совпадении с дательным возможны и форманты *-и* (*-і*) или *-ма*, *-тај*.

В родительном падеже встречаем окончания *-у*, *-х* (при совпадении с местным), *-и* (при совпадении с дательным), $\emptyset$ (нуль) (в некоторых случаях, когда родительный имеет свою собственную форму).

В двухпадежных системах выступают в косвенных падежах окончания *-і* (в чешском склонении числительных типа, а (в восточнославянском

склонении слов 40, 90, 100) и *-и* (*y*) (в польском – частный случай склонения слова *dwaj*).

Некоторые явления в эволюции склонения числительных объясняются изменениями в фонетическом строе языков. Так, например, утрата склонения словом *девяносто* в белорусском языке произошла в результате редукции последнего гласного, ведущей к неразличению *о* и *а* в безударной позиции. Большое значение в эволюции системы склонения числительных в славянских языках играли грамматические факторы. Так, в возникновении двухпадежных систем склонения числительных, которые выработались из более сложных, видную роль сыграл, по-видимому, факт различного синтаксического сочетания числительных с существительными в именительном-винительном и косвенных падежах. В именительном-винительном числительное является главным словом в сочетании числительного с существительным, в то время как в косвенных падежах оно оказывается (подчиненным ‘(согласованным или примыкающим) определением существительного. Тем самым противопоставление именительного-винительного падежа всем прочим падежам становится исключительно сильным, в то время как противопоставления внутри косвенных падежей становятся менее значащими. Косвенные падежи становятся возможным выразить одной общей формой.

Из других синтаксических явлений, оказавших влияние на эволюцию, главным образом на упрощение склонения числительных, следует отметить синтаксическую изоляцию числительных, употребление их без существительных, а также запись их при помощи идеограмм-цифр.

Синтаксис, вообще преобладающий в числительных над морфологией, оказывает существенное влияние на изменения в системе склонения числительных.

Само собой разумеется, что морфологические факторы в возникновении современных систем склонения числительных в славянских языках исключительно важны.

В склонении числительных можно отметить факты внутрисистемной индукции одних падежей на другие. Так, например, в выработке современной формы дательного падежа в русском числительном *два – две* проступает влияние родительного-местного падежей того же числительного со старой формой *дву* (которая появилась из именного склонения).

Другого рода влияния в склонении числительных – это воздействия внутри числительных, когда склонение одного числительного оказывает влияние на склонение другого (или они взаимодействуют). Ср. в русском возникновение форманта творительного падежа *-мя* в склонении числитель-

ных *два, три, четыре* под воздействием окончания *-ми* (числительные 3 и 4) на *-ма* (2). Другим примером может служить появление у польских числительных окончания *-и* из склонения слова *dwa*. Таких случаев в склонении числительных немало, ибо лексико-семантическое сходство числительных способствует взаимовлиянию в области грамматики.

Немало и фактов влияния на склонение числительных склонения других имен – прилагательных и существительных, а также местоимений. Историческая база этого в том, что числительные принадлежали в известную пору по своим грамматическим свойствам к существительным или прилагательным. Примером такого «внечислительного» влияния могут служить русские диалектные формы *пятих, пятим, пятили*, в появлении которых важную роль сыграли прилагательные.

В современных славянских языках, имеющих склонение, сохраняется и склонение числительных.

Наиболее устойчиво сохраняется склонение числительных 2, 3, 4. Нет ни одного (сохраняющего склонение вообще) славянского языка, где бы эти слова не склонялись. Относительно устойчиво склонение числительных типа *пять*. Во всех сохраняющих склонение славянских языках, кроме сербско-хорватского, в тех или иных формах, в различных случаях сохраняется склонение слова типа *пять*.

Менее устойчивыми в смысле сохранения склонения оказываются различные мелкие группы или вообще отдельные числительные (их можно бы назвать разносклоняемыми). Это такие слова, как *сто, девяносто, полтора, полтораста, пол* и некоторые другие. Нет такого славянского языка, в котором хотя бы одно из этих разносклоняемых числительных не оказалось бы несклоняемым.

Нетрудно обнаружить, что в склонении числительных, как и в склонении других имен, наиболее стойким является противопоставление прямых и косвенных падежей. Если числительные вообще сохраняют склонение, то обязательно отличаются И – Т, И – Р, И – Д, И – М. Далее по устойчивости следуют противопоставления В – Д, В – Т, Р – Т, М – Т. Менее устойчивы противопоставления М – Д, Д – Т, Р – Д, В – М. Часто не противопоставлены друг другу И – В, В – Р, Р – М. Таким образом, чаще всего другим падежам противопоставлены (и, следовательно, имеют свои особые формы) именительный и творительный падежи. В отличие от других имен различие форм дательного и творительного падежей не является наиболее постоянным (очевидно, в силу влияния двойственного числа с его специфическим совпадением дательного-творительного).

В склонении числительных очень четко видно сосуществование в языке элементов нового и старого, проявляющееся в наличии параллельных

систем склонения одних и тех же числительных в одном и том же языке. Так, к примеру, в украинском и в верхнелужицком языках можно двояким образом просклонять слово *п'ять* и под. В сербо-лужицких и словацком языках возможно и склоняемое и несклоняемое употребление числительных того же типа. В польском языке имеется целый ряд параллельных парадигм склонения одних и тех же числительных (например, числительного 2).

Рассмотрение склонения числительных в славянских языках подтверждает положение о двух общих тенденциях в развитии их склонения.

Замечается упрощение склонения, уменьшение числа форм в парадигмах склонения отдельных числительных, доходящее до того, что некоторые числительные оказываются обладателями всего лишь двух (прямой и косвенной) или даже одной формы, т. е. становятся несклоняемыми. В той или иной мере это явление замечается во всех славянских языках. Однако наиболее устойчивыми оказываются в сохранении склонения восточнославянские языки.

Другая общая черта в развитии склонения славянских числительных состоит в стремлении к унификации, к выработке меньшего по сравнению с исходным числом парадигм, к выработке общих черт в склонении числительных, ранее склонявшихся по-разному. Такая унификация, в тех или иных формах наблюдается во всех сохраняющих склонение славянских языках.

Необходимо отметить, что эволюция типов системы склонения числительных не аналогична типологическим изменениям в склонении существительных. Это объясняется, по-видимому, рядом факторов. Прежде всего – эволюция числительных направлена на отрыв их от других частей речи. Сама база для развития типов склонения числительных иная, нежели у существительных. Взаимодействие этой особой базы с особыми тенденциями в развитии числительных, а следовательно и с другими языковыми категориями (например, двойственным числом), и ведет к специфической картине эволюции склонения славянских числительных и к специфической типологической карте славянских языков в отношении склонения существительных.

Этим не снимается взаимодействие числительных с другими частями речи, прежде всего существительными, прилагательными и местоимениями, в сфере формообразования, в частности, в сфере склонения. Многие явления в склонении числительных объясняются именно этим взаимодействием. Однако общая картина изменений в системе склонения числительных и существительных или прилагательных значительно отличается друг от друга.

В эволюции формообразовательной системы числительных в славянских языках видна утрата оппозиций числа и рода. Наиболее устойчивой

оппозицией грамматических форм является у числительных противопоставление падежных форм, которое ни в одном славянском языке, сохраняющем склонение, не утрачено полностью, хотя в системе склонения числительных произошли определенные изменения, направленные на унификацию склонения числительных и на упрощение отдельных подтипов склонения вплоть до полной нейтрализации падежных оппозиций в пределах этих частных подсистем.

С другой стороны, новым в формообразовательной системе некоторых славянских языков является возникновение оппозиций лично-мужских и немаркированных числительных. Для образования этих новых форм используются различные средства: некоторые падежные формы, фонетические варианты, частично и старые морфологические варианты числительных.

Благодаря многообразию функций не получает четкого грамматического значения оппозиция немаркированных в так называемых собирательных форм числительных в ряде славянских языков, где на базе собирательно-разделительных числительных-прилагательных возник ряд собирательно-разделительных (счетных) числительных.

В ходе эволюции славянских числительных происходила унификация морфологических свойств различных числительных, которая осуществлялась путем ликвидации противоречий, возникавших по отношению к тем или иным противопоставлениям (оппозициям). Так, например, если одни слова, вошедшие в категорию числительных, обладали грамматическим родом, а другие изменялись по родам, то происходит ликвидация этого противоречия путем ликвидации и родоизменения, и родообладания, т. е. путем нейтрализации родовых противопоставлений числительных. В ряде случаев унификация морфологических свойств числительных происходит на базе более простых моделей, иногда путем нейтрализации отношения числительных к тем или иным категориям. Таким образом, унификация свойств различных числительных сопряжена с уменьшением числа их морфологических оппозиций. Эволюция морфологических свойств числительных явилась одним из важнейших элементов превращения их в особую часть речи, характеризующую определенным пучком грамматических, в том числе морфологических оппозиций.

IV. Изменения в системе синтаксических свойств числительных

В эволюции числительных значительную роль сыграли изменения в системе их синтаксических свойств, где обнаруживаются первые грамматические сдвиги в судьбе числительных, начинают проявляться их специфические грамматические черты. Многие морфологические оппозиции стираются, а тем самым центр тяжести в грамматической характеристике числительных сосредоточивается на их синтаксических свойствах. При этом синтаксическими свойствами, отличающими числительные от других слов, являются прежде всего особенности сочетаний числительных с другими словами – сочетательные свойства числительных.

Среди сочетаний числительных выделяется четыре основных типа: с существительными, обозначающими считаемые предметы; согласованных определений с самими числительными или с группами числительное + существительное; сказуемого-глагола с числительными или с группами числительное + существительное; «нулевые сочетания» или, иначе говоря, употребление числительных без существительных.

В сочетательных свойствах числительных, как и в других их свойствах, в ходе эволюции отмечаются две взаимно связанные тенденции: числительные, с одной стороны, вырабатывают некоторые общие для первоначально различных слов особенности, т. е. унифицируют свои сочетательные свойства, а с другой стороны, эти унифицированные свойства сплошь и рядом оказываются противопоставленными свойствам слов, относящихся к другим частям речи, в том числе к существительным и прилагательным.

1. Сочетания числительных с существительными в славянских языках

Особенности сочетаний числительных с существительными относятся к числу наиболее важных грамматических свойств числительных. Способ, по которому числительные сочетаются с существительными, в известной

степени зависит от их морфологических особенностей в данном языке, с одной стороны, и определяет другие синтаксические особенности числительных (сочетание с прилагательными, согласование сказуемого с количественным подлежащим) – с другой.

В праславянском языке слова, обозначающие числа, относились либо к существительным, либо к прилагательным. Числительные-прилагательные (1–4) согласовались в роде, числе и падеже. При этом слово *один* употреблялось в числительном значении во множественном числе лишь с существительными *pluralia tantum*, обычно же оно выступало в единственном числе. Поскольку во всех славянских языках сохранилось согласование слова *один* с существительными и по грамматическим свойствам это слово примыкает к прилагательным и теперь, не втягиваясь по-настоящему в круг числительных, нецелесообразно специально рассматривать сочетания слова *один* с существительными в отдельных славянских языках.

Числительное 2 естественно употреблялось, согласуясь с существительным, в двойственном числе. Грамматически согласуемое с существительным, это двойственное число вызывалось у самого определяемого существительного реальным, лексическим значением слова 2; таким образом, между числительным 2 и существительным при нем устанавливались сложные лексико-грамматические взаимоотношения уже в праславянском языке. Числительные 3 и 4, согласуясь с существительными, всегда были во множественном числе, своим лексическим значением вызывая употребление определяемых ими существительных во множественном числе. Что касается согласования в роде, то оно было в какой-то мере ограничено тем обстоятельством, что числительные 2–4 слабо различали род: только в именительном-винительном падеже, да и то лишь по 2 формы.

Наиболее мощно, значимо у числительных 2–4 согласование в падеже: они всегда употреблялись в том же падеже, что и существительные, обозначающие считаемые предметы.

Праславянские числительные-существительные выступали в роли управляющих слов, требуя от существительных, обозначающих считаемые предметы, родительного падежа (множественного числа). Весьма вероятно, что этот количественный родительный падеж развивается на базе родительного части (партитивного). Когда числительные-существительные выступали в косвенных падежах, существительные, обозначающие считаемые предметы, должны были употребляться в том же родительном падеже. Собиранельно-разделительные числительные первоначально были прилагательными (местоимениями) и согласовались с существительными, к которым они относились, в роде и падеже. Собиранельно-разделительные

числительные выступали как в единственном, так и во множественном числе, причем, возможно, единственное число употреблялось преимущественно в разделительном значении (стольких-то типов, сортов), а множественное – в собирательно-количественном (столько-то предметов, может быть, столько-то предметов разных сортов). Такое употребление сохранилось в основном в старославянском языке. Однако в старославянских памятниках можно встретить и элементы нового применения собирательно-разделительных числительных. В дальнейшем те славянские языки, которые развили использование собирательно-разделительных числительных в собирательно-количественном значении (восточнославянские, польский, словацкий), при именительном падеже числительного стали использовать родительный падеж множественного числа существительного: *пятеро рыбаков*. В случаях, когда собирательно-разделительные числительные употребляются в косвенных падежах, происходит согласование в падеже числительного с существительным: *с двоими солдатами*. При этом в русском и белорусском языках существительные используются последовательно во множественном числе, а в польском языке имеются колебания в использовании единственного и множественного числа существительного. Аналогичным образом сочетаются с существительными и собирательно-разделительные числительные в собирательном значении в тех языках, в которых сохранилось их разделительное, видовое значение (чешский, словенский, сербско-хорватский). В видовом значении в чешском, серболужицких, сербско-хорватском и словенском языках собирательно-разделительные, видовые числительные согласуются с существительными в роде, падеже и числе (что касается числа, то здесь идет речь прежде всего об употреблении множественного числа собирательно-разделительных, видовых числительных при существительных).

В современных славянских языках числительные сочетаются с существительными тремя основными способами. Два из них сохранились от праславянской эпохи. Это согласование и управление. Правда, применение этих способов несколько изменилось. Третий, вновь появившийся способ – «примыкание», когда неизменное числительное как бы примыкает к изменяющемуся существительному. «Примыкание» неизменяемых числительных к изменяемым существительным необходимо отличать от фактов общей несклоняемости числительных (в болгарском, македонском, отчасти сербско-хорватском языках). В первом случае имеет место полная омонимия падежных окончаний числительных, ведущая к нейтрализации падежных противопоставлений числительных, но не их сочетаний с существительными, в то время как в другом случае происходит нейтрализация

падежных оппозиций не только одних числительных, но и сочетаний числительных с существительными.

Согласовались с существительными первоначально числительные 2–4. Согласование происходило первоначально в роде, числе и падеже.

Согласование в роде числительными 3 и 4 было в славянских языках утрачено¹. В сербо-лужицких, словацком, польском языках, отчасти болгарском и македонском, т. е. в языках, развивавших в той или иной степени категорию мужского лица, возникли специальные формы числительных для лиц мужского пола и происходит согласование по этой категории. Числительное 2 сохранило две родовые формы (лишь в отдельных говорах сохранилась только одна форма – *два*).

В косвенных падежах числительные 2–4 не согласовались в роде. Инновациями является современное непоследовательное согласование в белорусском (*двум/дзвюм* и под.), а также нижнелужицкое различие в косвенных падежах лично-мужской и немаркированной формы.

Согласование в числе и на праславянской почве было весьма условным: числительные 2–4 не изменялись по числам, существительные при этих числительных не могли употребляться в ином числе как соответственно двойственном или множественном. Однако соотношенность форм числительных 2–4 с формами двойственного и множественного числа была, по-видимому, достаточно прозрачной. В значительной мере именно это обстоятельство и позволяет считать связь по числу между словами 2–4 и существительными согласованием.

Лишь сохраняющие двойственное число сербо-лужицкие и словенский языки сохранили в этом отношении картину, близкую к праславянской.

В чешском и словацком языке двойственное число заменилось множественным; существительные стали и при числительном 2 употребляться во множественном числе. С известными оговорками это применимо и к польскому, украинскому, белорусскому языкам. В сербско-хорватском языке существительные женского рода употребляются с числительными 2–4 в форме им. п. мн. ч. В болгарском и македонском языках с числительными 2–4, как и со всеми другими числительными, употребляется форма мн. ч. существительных женского, среднего, а в некоторых случаях и мужского рода; в других случаях существительные мужского рода выступают в особой счетной форме на *-а*. Связь между числительными и существительными в счетной форме (которая по происхождению представляет собой форму дв. ч.) весьма специфична. Если считать счетную форму особым падежом, то эта связь – управление.

¹ Различие сохраняется только в словенском языке в им. п. (да и то с нарушениями).

Наиболее своеобразное положение сложилось с сочетаниями числительных 2–4 с существительными в русском и – для мужского рода – в сербско-хорватском языке. В именительном-винительном падеже связь между числительными 2–4 и существительными (в сербско-хорватском языке исключительно, а в русском особенно мужского рода) не может рассматриваться как обычное согласование. Она может квалифицироваться или как особая, идиоматическая связь, или же как управление: числительные как бы управляют родительным падежом ед. ч. существительного.

Таким образом, согласование числительных 2–4 с существительными в роде и числе, не бывшее и на праславянском этапе сильным, в результате изменений, происшедших в отдельных славянских языках, к настоящему времени стало еще больше ослабевать. Только сербо-лужицкие и словенский языки, сохраняющие двойственное число, а также белорусский и нижне-лужицкий, развившие в косвенных падежах ограниченное различие родовых форм числительных, продолжали в какой-то мере праславянский язык в отношении согласования числительных 2–4 в роде и числе. В других же славянских языках, да и в сербо-лужицких, словенском и белорусском в ряде случаев, можно считать, что система согласования в роде и числе распадалась. Отношение числительных к грамматическому роду и числу нейтрализовалось.

Более устойчивым было согласование в падеже. Числительные 2–4 во всех славянских языках, исключая утратившие склонение болгарский и македонский языки, сохраняют согласование в падеже (для косвенных падежей), а во многих славянских языках (кроме русского и сербско-хорватского), с теми или иными оговорками, имеется согласование числительных 2–4 в падеже и в тех случаях, когда сочетание числительного с существительным имеет значение прямого падежа.

Во многих славянских языках: восточно- и западнославянских, а также в словенском языке числительные типа 5 стали в косвенных падежах согласоваться с существительными (в падеже). Правда, в сербо-лужицких, словацком, а отчасти в словенском языке в ряде случаев в косвенных падежах употребляются конструкции с примыканием числительного, но это не меняет общей картины – распространения согласования как способа связи числительных с существительными на числительные типа 5 в косвенных падежах. В косвенных падежах продолжает сохраняться согласование собирательных числительных с существительными в падеже в русском, белорусском, польском языках.

Согласование числительных с существительными в косвенных падежах распространяется в восточнославянских, польском, а отчасти в сербо-лужицких, чешском и словацком на числительное 100.

В сербо-лужицких и словацком языках лично-мужские числительные согласуются с существительными не только в косвенных, но и в именительном-винительном падеже.

Управление родительным падежом было характерным свойством числительных типа 5, 100, 1000, являвшихся существительными. Существительное, обозначающее считаемые предметы, употреблялось при этом во множественном числе.

Лишь слово 1000 в польском и украинском языках во всех падежах вполне сохраняет свои управляющие свойства. В русском и белорусском языках в косвенных падежах наряду с управляемыми конструкциями встречаются согласуемые. Отчасти сохраняются в косвенных падежах конструкции с управлением при числительном 100 в чешском, словацком, лужицких языках, изредка при обозначениях сотен – в русском языке (*с двумястами студентов*).

Но как правило, в косвенных падежах числительные типа 5, а также 100, 1000 утратили управление и согласуются с существительными или примыкают к ним.

Управление сохранилось, однако, во всех славянских языках тогда, когда числительное употреблено в именительном-винительном падежах. Наибольшие преобразования в этом отношении произошли в болгарском и македонском языках, где числительные стали управлять не утраченным родительным падежом (мн. ч.), а особой счетной формой существительных, где к тому же с числительными употребляется и форма «им. п.» мн. ч., т. е. не управляемая, а согласующая. В лужицких и словацком языках с лично-мужскими числительными в именительном падеже стала употребляться форма им. п. мн. ч. существительных, с которой числительное согласуется.

Числительные второго десятка были одним из фокусов противоречий в развитии грамматических свойств числительных. С одной стороны, здесь особенно близки были числительные 11–14, которые согласовались с существительными, и числительные 15–19, которые управляли существительными. Имея весьма близкую структуру, эти числительные, естественно, могли стремиться и к выработке общих свойств сочетаний существительных с ними. С другой стороны, в пределах одного числительного, например 13, соединялись компоненты, которые либо согласовались с существительным (3), либо управляли им (10); при этом грамматически главным был первый компонент (3), но ближайшим к существительному оказался второй (10). В результате этого вполне вероятно, что именно числительные второго десятка были тем источником, из которого получали распространение некоторые тенденции к унификации формы сочетаний существительных

с числительными. Быть может, именно среди этих числительных стали развиваться характерные конструкции с согласованием в косвенных падежах и управлением в прямых.

Числительные 11–14 довольно рано наряду с конструкциями с согласованием, в которых первый, главный, компонент числительного согласовался с существительным, могли вступать в сочетания с существительными, в которых второй компонент числительного «на десяте» управлял родительным падежом (мн. ч.) существительного. В дальнейшем, с превращением числительных 11–14 в цельнооформленные слова, они во всех славянских языках уподобились числительным типа 5 и стали в им. п. управлять существительными (так же, как и числительные типа 5). Любопытно, что под этот же тип стали подводиться и числительные типа 21–24, 101 и под. в некоторых случаях в чешском, словацком, польском, сербо-лужицких языках. В тех же языках, где распространено инверсионное образование числительных типа *dvaadvacet* «22», разумеется, числительное тоже управляет родительным падежом существительного.

В восточнославянских языках числительные 2–4 в ряде случаев стали управлять род. п. мн. ч. существительных, имеющих форму прилагательных.

В некоторых восточнославянских и польских конструкциях встречается род. п. мн. ч. обычных существительных при числительных 2–4¹. Польские лично-мужские формы *dwóch*, *dwu* и под. употребляются с род. п. мн. ч. существительных, что иногда рассматривается как управление.

Управление распространилось также на сочетания собирательных числительных с существительными в восточнославянских, польском, словацком языках, когда числительное употребляется в именительном-винительном падеже.

Как управление – разумеется с оговорками – рассматривают и обычные сочетания числительных 2–4 с существительными (в форме «р. п. ед. ч.») в русском и сербско-хорватском языках. Наконец, болгарские конструкции со счетной формой существительных тоже могут рассматриваться как конструкции с управлением.

Уже в старославянском встречались конструкции с род. п. мн. ч. типа *дѣва оученикъ*. Но в них очень ярко было заметно выделительное значение. В современных языках конструкции с таким значением обычно являются предложными: *два из учеников*. Это, видимо, случаи слабого управления.

¹ В полабском форма р.п. мн.ч. существительного с числительным 4 была, по-видимому, обычной. В этом отношении полабский язык сблизился с германскими, в которых 4 примкнуло по своим особенностям к последующим числительным. Ср.: Loewe G. Ostgermanisch westgermanisch Neuerungen bei Zahlwörtern. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, XXVII, 1. 1902.

Определенный интерес представляет и другой случай сочетания числительных (в том числе и типа 2) с существительным в родительном падеже множественного числа. Этот случай, представленный уже в старославянских памятниках (хотя и опорными случаями), характерен предшествованием существительного числительному. Выделительное значение родительного падежа существительного в таких случаях довольно ярко. В современном русском языке такие конструкции особенно характерны для списков: «столов – два, кроватей – три, этажерок – одна и т. д.». Существительное и числительное в таких конструкциях относятся, видимо, к различным составам (подлежащего и сказуемого), хотя отношения подлежащего и сказуемого в подобных предложениях довольно своеобразны. Наблюдения над западнорусскими памятниками XVI–XVII вв. показывают, что такие конструкции могли оказать влияние и на использование родительного падежа множественного числа существительных в постпозиции. Здесь речь, видимо, должна идти тоже о случаях «слабого управления».

Примыкание, пожалуй, не самый удачный термин для характеристики связи между числительными и существительными в некоторых случаях. Речь идет о том, что при остающемся неизменным числительном сочетание числительного с существительным меняет падежное значение, причем это изменение значения находит свое выражение в изменении падежной формы существительного. Существующие факты характерны (но не обязательны) для числительных типа 5 – в сербо-лужицких, словацком, а отчасти словенском языках, а также польских и украинских говорах, для числительного 100 – в сербо-лужицких, словацком, чешском, для числительного 1000 – в словацком, чешском языках; они являются единственно-распространенными для числительного 100 в сербо-лужицких языках и числительных 100 и 1000 в словенском языке. Сюда относится и белорусское *дзесяноста*.

Примыканием такой тип связи может быть назван, поскольку числительное как бы становится неизменным, теряя склонение, и коль скоро за главное, подчиняющее слово будет принято существительное.

Относительно последнего необходимо разобраться на более широком, чем примыкание, материале. В самом деле, нельзя ли рассматривать в этих сочетаниях числительное как главное слово, а существительное – как зависимое? Но тогда, очевидно, и в сочетаниях типа *пяти стаканам, пятью стаканами* главным, определяемым словом окажется числительное, а существительное согласуется с ним в падеже. Так ли это? В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что сочетаниям типа *пяти человекам* (в дат. п.) соответствуют сочетания (в им. п.) с управлением, где главным словом является числительное. Однако В. В. Виноградов привел

довольно веский аргумент в пользу рассмотрения числительного как согласуемой формы в указанных сочетаниях. Подчеркнув, что косвенные падежи – это управляемые формы, В. В. Виноградов отметил, что они «несут непосредственную тяжесть зависимости лишь в том случае, когда обозначают предметность, т. е. выявляются формами существительных или выступают в их функции. Синтаксическая логика этого явления легче всего уясняется в конструкциях с глаголом – выразителем действия, которое может быть направлено только на предметы и лица и только ими может объективно разъясняться»¹. Ср. *подойти к девушке – подойти к (пяти) девушкам, увлечься делом – увлечься (пятью) делами*.

Действительно, если в изолированно взятом сочетании *пяти девушкам* или *пятью делами* главенствующая роль существительного выражается недостаточно, то в предложении она становится более выпуклой и четкой. И это относится, конечно, не только к случаям с согласуемым числительным, но и к тем случаям, когда числительное оказывается неизменным. Оно все равно остается в позиции подчинения² (ср. *красные платья, красным платьям, красными платьями – платья беж, платьям беж, платьями беж*).

Белорусские, а частично и русские факты со склонением слова *дев'яносто* хорошо иллюстрируют первую часть условия, выдвинутого как ключевое для характеристики сочетаний типа н.-луж. *pśi sedym dubach* и под. как примыкания. В самом деле, здесь явственно ощущается постепенная утрата склонения числительным, когда единая форма числительного употребляется в значении любого падежа.

Таким образом, тип связи между неизменяемым числительным и изменяемым существительным с известной условностью может быть охарактеризован как примыкание. Условность такой характеристики связана с тем, что данное числительное в других случаях не является неизменяемым. Поскольку, однако, под примыканием, как и под другими типами связи, понимаются далеко не однородные типы синтаксической зависимости, такая характеристика приемлема.

Приемлема она тем более потому, что вообще все типы синтаксической зависимости в сочетаниях числительных с существительными обладают определенными особенностями. Это и естественно: каждая часть речи проявляет свою специфику в сочетаниях слов.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. С. 296.

² Именно наличие случаев, когда числительное оказывается неизменным, а существительное изменяется, является свидетельством в пользу понимания конструкций типа *пятью книгами* (как и вообще всех сочетаний числительных с существительными) как подчинительных, а не сочинительных.

Числительные вступают в славянских языках и даже в пределах одного языка в различные сочетания с существительными. Примеры сочетаний числительных могут проиллюстрировать различные типы подчинительной связи слов: согласование (*пятью свечами*), сильное управление (*пять свечей*), слабое управление (*пять из свечей*), примыкание (*з дзевяноста кнігамі*).

По-видимому, гибридная природа числительных проявляется в этом разнообразии, как проявляется она и в многообразии типов склонения числительных. Числительные еще не в достаточной мере выкристаллизовались в особую часть речи, их грамматические свойства недостаточно унифицировались. Характерны в этом отношении довольно многочисленные колебания, нарушения правил и т. д.: мы застаем в современных языках сплошь и рядом именно процесс консолидации числительных.

Рассмотрение явлений каждого из славянских языков показывает, что везде свойства одних числительных распространились на другие числительные. Во всех славянских языках в результате этого устремления все основные группы числительных стали иметь какие-то общие черты в сочетаниях с существительными.

Больше всего продвинулись в этом отношении болгарский и македонский языки, где все числительные от 2 до 1000 одинаково сочетаются либо со счетной формой (мужского рода), либо с множественным числом существительных. Различий в сочетаниях числительных 2–4 и типа 5 с существительными не стало. Форма существительных при числительных в болгарском и македонском языках в большей мере зависит от самих существительных, чем от числительных.

На пути к такому положению находятся числительные в сербско-хорватском языке. Здесь, однако, сохраняется (хотя и с некоторыми оговорками) склонение числительных 2–4 и, значит, согласование их с существительными в косвенных падежах. Не менее важно и то, что нет единой формы существительных при всех числительных: при числительных 2–4 употребляется родительный падеж единственного числа (и то лишь в мужском роде), а при числительном 5 и выше – родительный падеж множественного числа существительных. Быть может, то обстоятельство, что и в том, и в другом случае употребляется родительный падеж, является проявлением стремления к обобщению форм сочетаний числительных с существительными.

Во всех других славянских языках не наступило полной утраты склонения числительными типа б. Унификация шла здесь путем распространения на все числительные в косвенных падежах способа согласования числительных с существительными. Числительные 2–4, а собственно 3–4, потому, очевидно, смогли оказать столь сильное влияние на другие числи-

тельные, что этому способствовала утрата словами типа 5 предметности. Превращение существительных типа 5 в числительные, сутью которого была утрата предметности, проявлялась как в утрате грамматического числа и рода, так и в ослаблении способности управлять и быть управляемым. Количественное определение, естественно, из подчиняющего слова должно было превратиться в подчиняемое, причем наиболее естественный в этих условиях для той эпохи тип подчинения – согласование. Таким образом, внутренние причины заставляли числительные типа 5 превращаться в согласуемые слова. Слова 2–4 и слова, ранее согласовавшиеся с существительными, были лишь образцами.

Однако согласуемыми словами стали числительные типа 5 преимущественно в косвенных падежах. В именительном-винительном падежах лишь словацкие и сербо-лужицкие лично-мужские числительные согласуются с существительными. Дело, как уже отмечалось, в том, что именно в косвенных падежах сочетание числительного с существительным оказывалось в позиции управляемого. А поскольку это (быть управляемым) – свойство существительного, числительные уступали соответствующую роль существительным, превращаясь в их грамматические определения. Лишь развитие особой, лично-мужской предметности, выявляющейся прежде всего в им. п. мн. ч., создавало в сербо-лужицких и словацком языках возможность и в им. п. числительному превратиться из управляющего в согласуемое слово.

Следует отметить, что втягивание слова 1000 в орбиту числительных сопровождается в ряде славянских языков, например в русском, превращением его из подчиняющего (управляющего) слова в подчиняемое (согласуемое или примыкающее). В тех языках, где это слово сохраняет свои управляющие свойства (прежде всего в польском, а отчасти в украинском и белорусском), оно менее всего и по другим свойствам (например, по особенностям склонения) превращается в числительное.

То, что числительные типа 5 стали в косвенных падежах в большинстве славянских языков согласоваться с существительными, было значительным шагом на пути унификации синтаксических свойств числительных. Утратив по существу согласование в числе и роде, числительные, сохраняя изменение по падежам, сохранили и распространили согласование в падеже как способ связи с существительными.

В разных способах связи с существительными в прямых и косвенных падежах едва ли не ярче всего выявляется тенденция к противопоставлению прямых и косвенных падежей. Появившись в синтаксисе, тенденция к противопоставлению прямых и косвенных падежей числительных отражается и в морфологии. Форме прямого падежа начинает все чаще противопостав-

ляться объединенная форма косвенных падежей (ср. двухпадежные парадигмы восточнославянских 40 и 100, чешского 6 и др.). На этом, однако, пути развития противопоставления прямых и косвенных падежей кроются и зародыши его разрушения. Две формы числительного, прямая и косвенная, сравнительно легко могут совпасть (ср. белорусск. *дзевяноста* или верхнелужицкие типа *styrceći*). Как бы окаменевшая единая форма косвенных падежей слабо выявляет согласованность с существительными; возникает возможность подстановки вместо нее формы им. п. Противопоставление прямых и косвенных падежей превращается в ряде случаев в свою противоположность – в их совпадение по форме. Из согласуемой эта форма превращается в примыкающую.

Так появляются конструкции с примыканием числительных типа 5 в словацком и сербо-лужицких языках (кстати, именно в тех, в которых в именительном падеже появилось согласование числительных типа 5 с лично-мужскими существительными), а частично и в некоторых других языках. Особенно легко развивается примыкание к существительным у числительных 100, 4000 (ср. и белорусск. *дзевяноста*), более изолированных от других слов (от существительных благодаря их переходу к числительным, а от числительных – благодаря отличиям их свойств от свойств других, стандартных числительных).

Каковы перспективы распространения примыкания как типа связи числительных с существительными?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, необходимо учесть ту внутреннюю борьбу, которая происходит между согласованием и примыканием как типами связи числительных с существительными, между изменяемостью и неизменяемостью числительных. В случаях, когда числительные примыкают к существительным, можно усматривать некое упрощение в системах склонения числительных в отдельных славянских языках. Однако едва ли эти случаи могут считаться воплощением унификации свойств числительных. Если согласование распространяется на новые группы числительных, то примыкание охватывает, как было показано, большей частью лишь мелкие, оторванные группы числительных, в лучшем случае числительные типа 5 в каких-то определенных конструкциях, но никогда не охватывают столь распространенные числительные, как 2–4.

Что касается типа связи числительных с существительными, характеризующегося как управление, то необходимо иметь в виду, что этот тип связи числительных в современных славянских языках плохо осмысливается; управляемые формы родительного падежа существительных, по словам В. В. Виноградова, при числительных грамматически опустошены, т. е.

не имеют живых значений этого падежа. Управление как способ связи числительных с существительными в косвенных падежах уступило место согласованию. Лишь числительные 100 и 1000 сохранили в отдельных языках способность управлять в косвенных падежах (100 – в чешском, 1000 – в польском, чешском, сербско-хорватском, словенском, восточнославянских). В именительном-винительном падежах управление продолжает оставаться для числительных 5 и выше основным способом связи с существительными во всех славянских языках (кроме болгарского и македонского). Однако и в именительном-винительном падежах тоже появляются согласуемые конструкции (лично-мужские числительные в сербо-лужицких и словацких языках). Некоторое распространение получает управление за счет появления новых цельнооформленных числительных (второго десятка; в некоторых славянских языках – и числительных вроде 21, 33). Наконец, с известной условностью может быть отнесен к управлению тип связи числительных 2–4 с существительными в русском, сербскохорватском, а также в болгарском и македонском языках. Но в последнем случае речь идет, скорее, не о распространении управления, а об осмыслении как управление другого типа связи (согласования), который утратил в связи с утратой, дв. ч. свое внутреннее содержание.

Таким образом, оказывается, что управление по-настоящему распространилось лишь на новые цельнооформленные числительные (11–14, кое-где – 21, 33 и под.). По-видимому, управление, не являясь в данном случае достаточно живой категорией, постепенно отступает, заменяется другими типами связи числительных с существительными.

Если согласование и даже примыкание является живыми, распространяющимися типами связи числительных с существительными, то управление стало типом застывшим, может быть, утрачивающим свое значение.

Рассмотрение типов сочетаний числительных с существительными в славянских языках показывает, что процесс изменения этих сочетаний протекал по-разному в разных славянских языках. Изоглоссы, разграничивающие разные виды сочетаний числительных типа 5 и 2–4 в именительном падеже с существительными, сочетаний числительных типа 5 в косвенных падежах с существительными, и изоглоссы, характеризующие сочетания числительных 100 и 1000 с существительными (в косвенных падежах), а также линия, разделяющая употребление форм *два* и *две* в среднем роде, не совпадают.

Почти не имеют различий в способах сочетания числительных с существительными попарно ниже- и верхнелужицкие языки, болгарский и македонский языки, украинский и белорусский языки. Несколько бо-

лее разнородные группы – по характеристике сочетаний числительных с существительными – составляют русский, украинский и белорусский языки; сербско-хорватский, болгарский и македонский языки; польский и чешский языки; сербо-лужицкие и словенский языки. Можно отметить определенную близость типов сочетаний числительных с существительными между чешским и словацким языками; украинским, белорусским и польским языками. Бросается в глаза, что во многих отношениях украинские, а отчасти и белорусские говоры близки по характеристике сочетаний числительных с существительными с соседними польским и словацким (для украинского) языками.

Наиболее четко отграничиваются по характеру связей числительных с существительными следующие три группы славянских языков:

- 1) верхнелужицкий, нижнелужицкий, словенский;
- 2) болгарский, македонский, сербско-хорватский;
- 3) словацкий, чешский, польский, белорусский, украинский, русский.

Такая группировка, отнюдь не совпадающая с группировками славянских языков по другим, как правило более древним признакам, не только свидетельствует о позднем характере изменений сочетаний числительных с существительными в славянских языках, но и позволяет выявить некоторые связанные с этим факторы.

Общей чертой, характерной для языков 1-й группы, является сохранение двойственного числа.

Вторая группа языков – болгарский, македонский и сербско-хорватский – характеризуется наиболее далеко продвинутой утратой склонения числительными, а что касается болгарского и македонского – и вообще склонения.

В отличие от языков первой группы языки третьей группы утратили двойственное число, что открыло более широкие возможности для унификации свойств числительных. С другой стороны, эти языки в отличие от языков второй группы сохраняют склонение числительных. Это позволило развиваться противопоставлению прямых и косвенных падежей (с согласованием числительного с существительным в косвенных падежах и управлением в прямых), что является наиболее характерным свойством числительных в этих языках.

Словацкий язык по некоторым признакам стоит несколько особняком в третьей группе, сближаясь с сербо-лужицкими языками. Это сближение отчасти связано с распространением в словацком – как и в сербо-лужицких – своеобразных согласующихся лично-мужских форм числительных типа 5. С другой стороны, в словацком числительные типа 5 (а также 100)

довольно часто – хотя может быть реже, чем в лужицких, – примыкают к существительным в косвенных падежах.

Третья группа языков не характеризуется полной однородностью сочетаний числительных с существительными. Однако то обстоятельство, что изоглоссы внутри этой группы либо касаются лишь частных случаев (например, лично-мужское согласование в словацком), либо не являются достаточно резкими, позволяет все же объединить указанные языки в рассматриваемом отношении в одну группу, учитывая условность такого выделения.

По-видимому, наибольшего развития как особая часть речи числительные достигли именно в языках этой группы (быть может с некоторыми оговорками относительно сербскохорватского, словенского и словацкого языков).

Этот тезис, конечно, не может быть окончательно сформулирован только на основании характеристики сочетаний числительных с существительными.

Вместе с тем характеристика сочетаний числительных с существительными – это один из важных параметров, определяющих своеобразие числительных в славянских языках.

Процесс превращения числительных в особую часть речи продолжается. В частности, это видно на незавершенном характере развития особенностей сочетаний числительных с существительными в отдельных славянских языках, а также в славянских языках в целом. Сочетания числительных с существительными, как один из характерных признаков их синтаксического облика, являются важным элементом во всей характеристике числительных, а изменения особенностей этих сочетаний представляют собой существенную черту всех изменений славянских числительных, направленных к выработке у них специфических свойств, которые могли бы характеризовать особую часть речи.

2. Форма согласованного определения при числительных

Поскольку числительное по своей семантике непредметно, и в семантическом отношении его можно рассматривать либо как некоторое количественное определение, либо как обозначение чистого числа, лишенного предметности, числительным не свойственно иметь при себе согласованное определение, столь характерное для существительных. И действительно, строго говоря, определение числительного – редкость. В тех случаях, когда определение числительного и встречается, оно не вполне типично для современного состояния славянских числительных. Но именно эта нетипичность и позволяет усмотреть в употреблении встречающихся согласованных

определений числительных некоторые интересные особенности, являющиеся проявлениями эволюции других свойств числительных. С другой стороны, существительные, употребляемые при числительных, могут иметь при себе определение. Может иметь определение и обладающая некоторой предметностью группа «числительное + существительное». В случае появления этих определений на их форме сказывается в ряде случаев как «неопределимость» числительных, так и особенности их сочетаний с существительными. В результате согласуемые определения при числительных представляют определенный интерес для выявления синтаксических свойств числительных, для выявления их грамматической специфики и ее становления. Это объясняется, в частности, тем, что определения при числительных, при всей специфике отдельных их типов (определение собственно числительного; определение существительного, сочетающегося с числительным; определение группы «числительное + существительное»), вырабатывают некоторые общие черты. Эти общие черты базируются на нетипичности определений собственно числительного, свойства которого передаются в той или иной мере определениям группы «числительное + существительное», и на взаимодействии типов определения при существительном и при группе «числительное + существительное».

Конкретные особенности этого взаимодействия в различных славянских языках получили специфическое выражение, зависящее, в частности, от степени продвинутости процесса превращения числительных в особую часть речи, от специфики этого процесса в данном языке.

В отношении формы определения при числительном то состояние, которое предшествовало старославянскому и которое можно считать праславянским, в несколько схематизированном виде можно изобразить примерно так.

При «числительных» 1–4, которые были сами прилагательными-определениями, естественно, определения вообще не употреблялись. С «числительными» 5–9, которые были существительными женского рода, определение выступало в согласованной форме женского рода единственного числа (*та пять*). С числительным *съто*, бывшим существительным среднего рода, определение согласовалось в форме среднего рода единственного числа (*то съто*). Определение с числительным *десять* тоже выступало как согласованное либо по мужскому роду (такие случаи отражаются в выражениях типа *поль пятадесяте*), либо, позднее, по женскому: *та десять*. По-видимому, если возникала необходимость в употреблении определения с числительными сочетаниями, оно должно было бы быть согласовано с главным словом сочетания, например, *та пять надесяте*, *та три съта* и под.

Определение существительного, сочетаемого с числительным, естественно, согласовалось с этим существительным. Так, при существительных, сочетаемых с числительным *два*, определение должно было иметь форму дв. ч., а при существительных с числительными *три* и *четыре* – мн. ч.; род и падеж определения полностью определялся существительным. Существительное при числительных 5 и выше стояло в управляемой форме родительного падежа множественного числа. Такую же форму должно было иметь и согласуемое с существительным определение: *пять тѣхъ женъ*.

Что касается определений к группе «числительное + существительное», то, если предположить, что такие определения действительно употреблялись наряду с определениями к числительному или к существительному, то можно думать, что они скорее всего имели форму множественного числа, примерно так: *ти (пять столъ)* или *ты (пять женъ)*. Очагом распространения таких конструкций могли быть сочетания типа *ти трие столи* или *ты четыре жены*. При этом в таких сочетаниях происходило некоторое перераспределение отнесенности определения:

Такое перераспределенное отнесение определения к группе «числительное + существительное» в случаях с числительными 3 и 4 не требовало никаких формальных изменений определения. Но, возникая на почве сочетаний числительных 3 и 4 с существительными, понимание определения как отнесенного к целому сочетанию «числительное + существительное» начинало распространяться и на другие случаи сочетаний числительных с существительными. При таком распространении возникали противоречия между формой определения к «числительному», согласуемой с этим «числительным»-существительным, и той формой, которую определение могло иметь по аналогии с сочетаниями типа *ти трие столи*. Грамматически такая форма (множественное число, согласуемый с падежом числительного падеж) не получала достаточного оправдания: существительное имело в таких случаях форму родительного падежа множественного числа, а «числительное»-существительное имело форму именительного (или какого-то другого) падежа единственного числа. Семантически же такая форма определения не казалась уже столь бессмысленной: определение относилось к группе слов, обозначающей множество предметов (которые могли пониматься расчлененно, тем более, что существительное на это расчлененное понимание указывало своим множественным числом), что дает объяснение возможности употребления формы множественного числа определения; с другой

стороны, главным грамматическим элементом этого сочетания слов, весьма важным в семантическом отношении, является «числительное», с которым в принципе было бы естественным согласовать определение и с которым оно оказывалось согласованным в падеже. Однако такое семантическое объяснение допустимости формы определения к сочетанию «числительное + существительное» не снимает внутренней противоречивости этой формы, а скорее переводит ее еще в один план: в план противоречий между семантикой и грамматикой, являющихся одной из главных движущих сил в процессе превращения числительных в особую часть речи.

Трудно точно установить датировку развития этого противоречия, принимающего, в частности, острые формы при необходимости употребления определения числительных второго десятка, очень близких по своему словообразованию, первоначально серьезно отличавшихся грамматически. Некоторые предпосылки к его развитию, как видно из сказанного, уже имелись на праславянской почве.

В старославянских памятниках в основном зафиксирована картина, близкая к схематизированной праславянской. С одной стороны, еще употребляются согласованные с существительными при числительном формы определения другой стороны, нередко встречается определение, согласованное с числительным-существительным. Наконец, отмечается ряд форм, которые надо разобрать как согласуемые со всем сочетанием числительного с существительным (определение во мн. ч., падеж согласуется с числительным: *съ инѣми шести ѿ ж братия*, Супр., 145; *оба на десяте ученика едины*, Мар., Мф. 20, 17); интересно отметить, что в старославянских источниках отмечается уже перенесение такого «согласования по смыслу» и на случаи, когда числительное, выступая без существительного, является как бы представителем сочетания числительного с существительными (*сия оба на десяте*, Мар., Зогр., Мф. 10, 5). Таким образом, старославянские памятники уже засвидетельствовали одну из интересных ранних инноваций в отношении формы определения при числительном.

В современных славянских языках имеет место разное положение с формой определения при различных числительных. Более единообразным является положение с числительными типа 5; к ним примкнули не только давно совпавшее с числительными 5–9 по своим грамматическим особенностям слово 10, но и цельнооформившиеся числительные второго десятка, названия десятков, а во многих славянских языках также *сто*. С этими числительными во всех славянских языках возможно по крайней мере двойное употребление определения. Во-первых, сохраняется возможность употребления определения при существительном (тип *пять деревянных*

столов), согласуемого с существительным, к которому оно относится: *пяти деревянным столам, пятью деревянными столами* и под. Во-вторых, во всех современных славянских языках в большей или меньшей мере развивается использование определения ко всему сочетанию числительного с существительным. Это определение употребляется в форме множественного числа и согласуется в падеже со всем сочетанием числительного с существительным; поскольку в именительном-винительном падеже носителем падежа сочетания является числительное, определение в падеже согласуется с числительным: ср. *эти пять столов*. При этом возникает такое положение, что в косвенных падежах форма определения, относящегося как к существительному, так и ко всей группе «числительное + существительное» одна и та же (ср. *этим пяти столам* и *пяти деревянным столам*), отнесенность определения видна только из порядка слов; в отличие от этого в прямых падежах (именительном и совпадающем с ним винительном) определение к группе «числительное + существительное» отличается не только по месту, но и по форме.

Необходимо указать на использование конструкций типа *все пять* в случаях, когда числительное выступает без существительного, являясь заместителем группы «числительное + существительное».

Некоторое распространение получили определения к словам *пять* и под. в форме среднего рода единственного числа (ср. *жирное пять, то десять*). Обычно такое определение употребляется в тех случаях, когда происходит субстантивация числительного. В этом случае слова типа *пять* ведут себя так же, как и слова типа *ура, ты, да, эм*. Неродовые по природе слова, превращаясь (оказионально) в существительные и будучи определенными согласуемым определением, должны требовать от этого согласуемого определения какой-то согласованной с ними формы рода. Но они родом не обладают, а согласуемое с ними определение не имеет неродовой формы. Самой нейтральной формой оказывается форма среднего рода, противопоставленного не только мужскому и женскому родам, но в некоторых случаях роду вообще. Таким образом, хотя определения среднего рода употребляются с числительными в случаях их субстантивации, связанной с приобретением родовых значений, оно косвенным образом указывает на нейтральность современных числительных в славянских языках по отношению к роду.

Числительные 2–4, особенно в восточнославянских языках, а также числительное 2 в языках, сохраняющих двойственное число, обладают некоторыми особенностями в использовании формы определения.

Поскольку в западно- и южнославянских языках в основном имеет место согласование числительных 2–4 с существительными, форма определения

существительного в сочетании «числительное + существительное» и форма определения всего сочетания не отличаются, а отнесенность определения к всему сочетанию или лишь к существительному сигнализируется местом определения. В лужицких и словенском языке определения при числительном 2 и слове *оба* выступают в форме двойственного числа. В этих языках с числительными 3 и 4 и в других языках с числительными 2, 3, 4 определение употребляется в форме множественного числа, которая здесь представляется более синтаксически оправданной, чем в сочетаниях типа *все пять* или *все трое*, ибо она закономерно согласуется с обоими элементами сочетания «числительное + существительное». К согласованным формам определения при числительном относятся и случаи, когда лично-мужские числительные в польском языке имеют форму род. п. в подлежащем и соответствующую форму определения.

В сербско-хорватском языке, как известно, существительное при числительных 2–4 употребляется в мужском и среднем роде в форме родительного падежа единственного числа, а в женском роде – в форме именительного падежа множественного числа. С этими формами существительных согласуется обычно и определение с той оговоркой, что определение-прилагательное выступает в таких случаях в краткой (неопределенной) форме. В чакавщине в этом случае определение выступает в им. п. мн. ч.¹

Восточнославянские языки имеют в употреблении формы определения при числительных *два, три, четыре* значительные особенности. Суть этих особенностей состоит в том, что определение при числительных 2–4 в восточнославянских языках имеет форму либо именительного, либо родительного падежа множественного числа. Выбор формы определения при числительных 2–4 зависит от ряда грамматических и стилистических факторов и в различных восточнославянских языках имеет разные особенности.

В белорусском языке подавляющим образом преобладает использование определений в форме именительного падежа. Это объясняется, видимо, тем, что в белорусском языке форма существительного, сочетаемого с числительным 2–4, – это именительный падеж множественного числа, лишь в немногих случаях отличающийся особым ударением. Определения в форме родительного падежа представлены одиночными примерами².

В мужском роде форма родительного падежа определений выступает несколько чаще, чем в женском роде. Можно к этому добавить, что форма

¹ Белич А. И. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932. С. 91–162.

² См.: Наркевіч А. Некаторыя асаблівасці дапасавання азначэнняў да азначаемых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Труды по языкознанию // Уч. зап. Бел. ун-та, 45. Мінск, 1958. С. 299.

родительного падежа определений чаще встречается при порядке слов ОЧС (определение – числительное – существительное), чем при обычном порядке ЧОС. Форма род. п. определения более характерна для отдельных авторов (Р. Мурашка) и не используется другими авторами (З. Бядуля).

Более широко используются определения в форме родительного падежа в том случае, когда сочетание числительного с существительным выступает в значении винительного падежа, а не именительного.

Справедливо, по-видимому, предположение о том, что инструкции с родительным падежом определения – это часто относительно устойчивые конструкции (например, со словами *злы, які* обычен род. п.).

Как и в белорусском языке, в украинском господствует форма имени-тельного падежа определения: из 1300 случаев определений при числительных 2–4, извлеченных Ю. Шерехом главным образом из украинской классической и советской литературы 20–30-х годов, лишь примерно в одной четверти случаев встретился родительный падеж определения. Необходимо отметить большую распространенность формы родительного падежа в произведениях писателей с левобережной Украины, Кировоградщины, Херсонщины (т. е. представителей слобожанских, степных и средненадднепрянских говоров), в то время как у писателей, происходящих с территории юго-западных говоров, форма родительного падежа определения в данном случае почти не встречается. Как и в белорусском языке, форма родительного падежа определения несколько чаще встречается с существительными мужского рода; порядок слов едва ли играет существенную роль в выборе формы определения.

Как и в белорусском языке, в украинском языке есть некоторые конструкции, в которых та или иная форма определения предпочитается. Так, например, прилагательное *цілий* в конструкциях с числительными 2–4 выступает почти исключительно в форме родительного падежа¹. Слабо распространена форма родительного падежа определения на сочетания со словами *оба, обидва*.

Материалы, извлекаемые из старой западнорусской письменности, относящиеся к XIV – XVII векам, в основном подтверждают большую роль конструкций с родительным множественного существительных при числительных *два, три, чотири* на распространение определений-прилагательных при этих числительных в форме родительного падежа. В самом деле, в памятниках этой письменности очень часты конструкции типа *дний два* (Автобиография И. Турчиновского), *человѣков 3* (Описание Киевского замка); несколько реже конструкции с порядком числительное + существительное,

¹ См.: Курс сучасної української літературної мови. II. Киев, 1951. С. 107.

но и они встречаются: *по 4 копъ грошей, сукна люньского 3 локоть* (Описание Винницкого замка, 1552 г.), *чотири ведерець меду* (Описание Киевского замка). Распространение таких генетивных конструкций следует, видимо, связывать с общими унификационными устремлениями числительных. В памятниках проявились стремления употреблять при всех числительных одну и ту же форму существительного. Выражениями этой тенденции были случаи несколько необычных конструкций числительных с существительными. К таким конструкциям относятся сочетания числительных типа *пять* с существительными в форме именительного падежа множественного числа, вроде «*Земли боярскихъ пустыхъ пять*» (Описание Остерского замка). Несколько большее распространение получили сочетания со старым им. п. двойственного числа существительных при числительных типа *пять*: *совѣтниковъ пять десять человекъ* (Летопись Велички), *по сто человекъ казаковъ* (Летопись Самовидца), *пятьдесят чоловіка* (Описание Житомирского замка). Последние конструкции получили некоторое распространение и в современном украинском языке. Используются в современном языке в некоторых специализированных случаях и конструкции с родительным падежом множественного числа существительных при числительных 2–4. Эти конструкции особенно часто были представлены в некоторых памятниках, например, в книгах Полтавского городского уряда. Существенно отметить, что именно в таких памятниках конструкции с родительным падежом определения при числительных 2–4 составляют большинство. Так, в упомянутых книгах Полтавского городского уряда второй половины XVII века отмечено 30 случаев с определениями в форме родительного падежа и 13 – в форме именительного падежа (9 из них падает на конструкции с препозицией местоимения типа *тие два таляри*). Из 30 случаев с родительным жом определения 24 – таких, в которых и существительное тоже употреблено в родительном падеже множественного числа. Преобладание род. п. отмечается и в некоторых других источниках, в частности, в описаниях замков Винницкого (12:2), Киевского (10: 1), Мозырского (8: 0); источники эти имеют характер деловой, язык их близок к народному украинскому и белорусскому той поры. В отличие от этой группы памятников в книжной речи редко используется форма родительного падежа определения в рассматриваемом случае, не отмечена она в «Палинодии» Захария Копыстенского (28 определений в им. п. и ни одного в род. п.), видимо, не случайно, в отрывках из художественных произведений XVI–XVIII вв., включенных в Хрестоматию Белецкого, на 9 случаев употребления им. п. определения снова-таки не встречается ни одного случая с род. п.

Говоря о генезисе украинских и белорусских конструкции с родительным определением, Шерех высказывал мысль, что в распространении формы родительного падежа прилагательного играла роль форма существительного. Эта гипотеза представляется верной. Однако Шерех полагает, что конструкции с числительными типа *пять* здесь не играли роли, в то время как их роль в возникновении и распространении генетивных местоименных конструкций первостепенна. Отнюдь не отрицая последнего, как не отрицая и того, что первостепенную роль в генезисе генетивных адъективных конструкций играла форма существительного, следует вместе с тем подчеркнуть, что в распространении форм родительного падежа всех определений – и прилагательных, и местоимений – не могли не играть роль общие тенденции выравнивания сочетаний всех числительных. Ведь и сама форма существительного – родительный множественного – при числительных 2 – 4, хотя и связана с партитивной функцией родительного, не может в своем возникновении и распространении объясняться в отрыве от этой же формы при других числительных. В этом смысле, рассматривая и появление формы существительного на *-а* при всех числительных, и использование в некоторых случаях формы им. п. мн. ч. существительного при числительных типа 5 (как и нормально при числительных 3, 4), и распространение формы им. п. множественного числа существительного на сочетания с числительным 2, и употребление формы род. п. мн. ч. существительных при числительных 2 как звенья единого процесса грамматической (в том числе и синтаксической) унификации числительных, следует, видимо, и в появлении конструкций с родительным определением тоже видеть результат взаимодействия конструкций при различных числительных, а в частности и результат влияния форм определения при числительных типа *пять* на форму определения при числительных 2–4. Думается, что частое использование в тех же полтавских книгах собирательных числительных для обозначения количеств разных предметов (ср. *десятеро пчол*, 1667; *свѣчокъ четверо*, 1675; *дробины пятеро*, 1668; *дванадцатергу свечок*, 1668; *дѣтей... двое*, 1669; *коней двое*, 1670; *свиней... шестеро, четверо гудниковъ, а двое старих*, 1665; *товару рогатого шестеро*, 1667; *двое умерлих*, 1668; ср. *двое хлѣбовъ*, Описание Мозырского замка) тоже некоторым образом связано с распространенностью в них генетивных конструкций определения: ведь использование собирательных числительных выравнивает форму существительного при числительных как соответствующих 2–4 единицам, так 5 и более. В некоторых случаях, вероятно, на некоторых территориях и в определенный период можно говорить о «генетивной тенденции» в развитии форм слов, связанных с числительными. Именно такая тенденция

и проявлялась в распространении форм родительного падежа определения в памятниках. В дальнейшем, однако, форма падежа определения при числительных 2–4 оказалась в известном смысле нейтрализованной, оказалось возможным факультативно использовать как форму именительного, так и форму родительного падежа определения.

Надо отметить, что такая нейтрализация связана и с распространением формы именительного падежа определен (главным образом, местоимений) в сочетаниях с числительными типа *пять*. И хотя здесь проявляется, как уже отмечалось, многостороннее влияние, в частности, влияние логического понимания сочетания числительного с существительным как расчлененной совокупности предметов, однако известную роль и здесь играла унификация формы определения: ведь именительный падеж множественного числа определения является исконным с числительными 3 и 4.

Одним из второстепенных источников генетивных определительных конструкций являются известные во всех восточнославянских языках конструкции типа *два человека офицеров* или *два рубля денег*. Второе существительное понимается как относимое уже к единому комплексу «числительное + существительное», обозначающему некоторую совокупность предметов. Отсюда и возможность использования формы р. п. мн. ч. существительного. Ср. (*два человека = группа*) *офицеров*. Внешне такой же характер имеют и сочетания типа *два полка солдат*; в этих случаях, однако, нет необходимости рассматривать как некоторое целое группу «числительное + существительное», здесь просто первое существительное обозначает совокупность предметов, обозначаемых вторым существительным: *полк солдат*. Сочетания рассматриваемого вида нередки и в старых документах. При этом иногда второе существительное, употребленное в форме родительного множественного, имеет при себе определение: *двѣ части тыхъ же рукомыхъ речей* (Литовский статут, 1566). В этом случае становится не вполне ясным, к какому существительному относится определение; ср. *чобут двѣ парѣ сафянових* (Полт. кн., 1666); *три полки казаковъ вѣрнихъ* (Летопись Грабянки). В этих примерах определение может быть понято как относящееся не только к словам *чобут* и *казаковъ*, но и как относящееся ко всему сочетанию числительного с существительными, что и является сопутствующим фактором в распространении генетивных конструкций.

Наряду с возобладавшими унификационными тенденциями в форме определения при числительных, в западнорусских памятниках намечались и некоторые другие тенденции, которые, однако, не получили распространения. Конструкции типа *та пять*, например, охватывают и сочетания с числительными 2–4: *тую двѣ части* (Литовский статут, 1566), *тую три тысяч*

копѣ (Владимирск градск. кн., 1605). Нейтрализация грамматического рода числительных тоже нашла свое выражение в появлении конструкций с формой среднего рода определений: *одно два корита* (Описание Житомирского замка). Такие определения не получили дальнейшего развития, видимо, потому, что они оказались бы знаками опредмечивания числительного, что не соответствовало имевшемуся, напротив, стремлению к освoboждению числительных от излишней для них предметности.

В русском языке так же, как в белорусском и в украинском, в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* определение выступает в формах именительного и родительного падежей множественного числа. Однако выбор этих форм определяется в русском языке несколько иными закономерностями, а распространение их происходило, видимо, несколько иначе, чем в украинском и белорусском языках.

Решающим фактором в выборе родительного или именитo падежа как формы определения при числительных в современном русском языке является род существительного: форма именительного падежа преобладает с существительными женского рода, а форма родительного падежа – с существительными мужского и среднего рода.

Определенную роль играет в употреблении форм именного или родительного падежей падежное значение рассматриваемого сочетания (именительный или винительный падеж его). Представляется, что в женском роде форма родительного падежа чаще употребляется в винительном, чем в именительном падеже, хотя не исключаются и формы именительного падежа.

Прилагательные при числительном *три* и особенно при *четыре* несколько чаще встречаются в форме родительного падежа по сравнению с прилагательными при числительном *два*, особенно в женском роде.

Надо отметить, что в ряде случаев в одном и том же сочетании могут встретиться формы как именительного, так и родительного падежа прилагательных.

Некоторую роль в выборе формы определения при числительных 2–4 играет в русском языке порядок слов. Так, в частности, большинство случаев употребления именительного падежа определения-прилагательного в сочетаниях с су существительными мужского рода относится к препозиции определения, к порядку ПЧС. Как и в украинском и белорусском языках, в русском языке некоторые конструкции закрепились с предпочтительной формой определения в зависимости лексического значения определения. Так, местоимения, обычно предшествующие числительному, в подавляющем большинстве случаев выступают в форме именительного падежа. Более частой, чем у прилагательных, является форма именительного паде-

жа причастий. В форме именительного падежа предпочтительно используется обычно препозиционное определение *последний, первый, каждый*; напротив, постпозиционные, обычно определения *добрый* и *целый*, часто встречаются форме родительного падежа.

Возникновение современных русских норм употребления форм родительного или именительного падежа в определении при числительных 2–4 относится к XVI – XVII вв. В. Г. Егоров и А. М. Иорданский отмечают, что уже в XVI – XVII вв. в юридических документах намечалось преобладание формы родительного падежа при существительных мужского рода, в то время как при словах женского рода родительный падеж выступал значительно реже. Эта тенденция проявилась некоторых памятниках XVIII в.: «Жизни и приключения Андрея Болотова», «Путевом дневнике П. А. Толстого». Однако в целом, видимо, под влиянием книжной речи, приобретшей в XVIII в. особое значение, именительный падеж определения при числительных 2–4 снова сделал некоторое «контрнаступление» на мужской род. В «Письмах и бумагах Петра I» (просмотрены 7–10 тома) преимущества родительного падежа с существительными мужского рода нет, нет его и в петровских «Ведомостях». В художественной литературе именительный падеж определения вообще преобладает для всех трех родов. И все же, несмотря на эти консервативные тенденции, общие данные об употреблении формы именительного и родительного падежей определения при числительных 2–4 в XVIII в. свидетельствуют, что в мужском роде форма родительного падежа употребляется охотнее, чем в других родах: примерно в одной трети случаев, в то время как в женском и среднем роде родительный определения охватывает менее, чем одну шестую часть фактов; значительно стремление использовать определение в родительном падеже при существительных мужского рода, когда определение следует за числительным и существительным (порядок слов ЧСО). Этот порядок слов, однако, уже не является господствующим; чаще всего выступает порядок слов ЧОС, когда определение как бы относится к существительному, а не ко всему сочетанию числительного с существительным.

В художественной литературе первой половины XIX в. именительный падеж определения оставался все еще господствующим при числительных 2–4, хотя в этот период, видимо, все яснее вырисовывалось стремление распространить использование формы родительного падежа на все существительные мужского рода¹. В. И. Чернышев свидетельствовал, что преобладание именительного можно указать также у Тургенева,

¹ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954. С. 381.

Гончарова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого¹. По-видимому, лишь с конца XIX – начала XX в. родительный падеж определения стал преобладать при существительных мужского и среднего рода.

Самое возникновение использования формы родительного падежа множественного числа определения при числительных 2–4, относящееся к древнерусскому периоду, безусловно связано с влиянием формы определения при числительных типа 5. Надо отметить, что хотя в русском языке отмечались случаи типа *четыре воинскихъ кораблей* (Ведомости) или *пушакъ чугунныхъ три* (Пугачевщина), они не получили такого распространения, как в западнорусской письменности и не могли оказать решающего влияния на форму определения. Необходимо отметить, что использование формы родительного падежа определения никогда не прекращалось, хотя и несколько сокращалось. Сравнение данных об употреблении форм определений при количественных определениях в русском языке XVI – XIX вв. и в современном языке указывает на распространение форм родительного падежа. Создается впечатление, что это распространение стало особенно значительным с конца XIX в. и что в женском роде имеются некоторые препятствия к употреблению формы родительного падежа, мешающие ее распространению. Из сдерживающих распространение факторов должно быть указано употребление определений в форме именительного падежа при всех числительных (конструкции типа *все пять человек*). В качестве факторов, способствующих распространению формы родительного падежа в определениях, следует указать

- а) стремление к унификации формы определения при всех числительных;
- б) понимание формы существительного при числительных 2–4 как родительного падежа единственного числа.

Последний фактор для женского рода ослаблялся тем, что многие существительные женского рода имеют одинаковые формы родительного единственного и именительного множественного. Представляется, что понимание в этих случаях формы существительного при числительных 2–4 как формы именительного множественного является основным тормозом для распространения формы родительного падежа определения в конструкциях с существительными женского рода. (Стоит отметить, что в белорусском и украинском языках именно этим фактором объясняется вообще малое распространение конструкций с родительным падежом).

Обращает на себя внимание тот факт, что числительные второго десятка первые стали применяться с генетивными конструкциями прилагательных. Таков, видимо, один из примеров с генетивной конструкцией, отмеченный

¹ Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Спб., 1911. С 169.

во 2-ой Псковской летописи А. А. Шахматовым: *12 жонке вѣщих* (XIII в.). Ср. и в новгородской грамоте на бересте № 393 (XIII–нач. XIV в.): Кузма дал 70... ни *12 своїхъ*... 20 а что Григо... Вполне вероятно, что в распространении генетивных конструкций на сочетания числительных *два, три, четыре* с прилагательными могли оказать влияние числительные 12, 13, 14.

Для русского языка, как и для украинского и белорусского языков, но, по-видимому, в другой период, известную роль в распространении конструкций с родительным падежом определений сыграли собирательные числительные. Можно отметить, что в русском языке собирательные числительные не используются с существительными женского рода и сопоставить этот факт с тем, что именно в женском роде получили слабое распространение генетивные конструкции определений. Интересно и то, что формирование современных норм использования русских собирательных числительных и выбора формы определения при числительных 2–4 близки по времени.

Возможно, не является случайным и то обстоятельство, что усиление тенденции к распространению формы родительного падежа определения в русском языке происходит после того, как господствующим порядком слов в сочетании числительного с существительным и определением стал порядок ЧОС, когда, непосредственно предшествуя существительному, определение смогло в большей мере испытать влияние существительного, понимаемого как форма родительного падежа (хотя и единственного числа). Любопытно в этом отношении встречающееся в русских говорах изредка употребление субстантивированных прилагательных в форме родительного падежа единственного числа: *два ловчего, два малого* (Чернышев); ср. в этой связи отмеченное Л. А. Булаховским в пушкинском «Каменном госте» выражение *два ласкового слова*, что особенно любопытно, учитывая распространение указанных В. И. Чернышевым конструкций в пушкинских местах.

Понимание формы существительного при числительных 2–4 как формы родительного падежа было, по-видимому, главным фактором, ведущим к распространению родительного падежа, определений с этими числительными. Поскольку такое понимание сложилось только в русском языке, вопреки общим унификационным тенденциям, несмотря на ряд способствовавших, но не таких важных факторов, только в русском языке (но не в белорусском и в украинском) стало происходить широкое распространение формы родительного падежа определений при числительных *два, три, четыре*, охватившее особенно мужской и средний роды, где генетивное понимание формы существительного не нарушалось совпадением форм род. п. ед. ч. с им. п. мн. ч. Так же, как и в украинском и белорусском языках, в русском языке остались неосуществленными проявившиеся было тенденции к ис-

пользованию форм единственного числа определения женского и среднего рода (*та три*, как и *та пять*; *то три*). Форма среднего рода до сих пор сохраняется в тех случаях, когда числительные обозначают цифры (ср. совр. *жирное три*), но, поскольку такая форма является показателем предметности, а вся история числительных, напротив, связана с «очищением» числительных от предметности, она не могла получить сколько-нибудь широкого распространения, в частности, не распространилась на случаи, когда числительное сочетается с существительным и, конечно, не обладает предметностью, хотя, как свидетельствуют фольклорные источники, попытка такого распространения и имела место. Ср. в записях «Онежских былин» у Гильфердинга неоднократно: *Перво три году* ты пожди мене; *Д р у го три годы* служил я в стольниках. Надо отметить, что рассмотрение памятников русского фольклора как будто бы указывает и на некоторые проявления той тенденции, которая стала господствующей в сербско-хорватском языке, где, как уже отмечалось, прилагательные при числительных 2–4 с существительными мужского рода обычно употребляются в краткой форме род. п. ед. ч., согласуемой с существительными и больше, напоминающей старое дв. ч. (и, видимо, не вызывающей таких противоречий, которые вызывались бы полной формой): в фольклоре довольно часты конструкции типа *два добра коня* (Гильфердинг). Но утрата склонения краткими прилагательными и общий их упадок как определений, вероятно, обусловили то, что русские числительные 2–4 в отношении формы определения при них не стали на «сербско-хорватский» путь. Взаимодействие рассмотренных факторов и определило тот специфический путь, по которому пошло использование в современном русском языке форм определения при числительных 2–4, путь распространения формы родительного падежа множественного числа определения, частично сдерживаемого лишь в препозиции определения и с существительными женского рода.

Рассмотрение форм определения при числительных в различных славянских языках позволило установить не только некоторые общие тенденции развития, не только, с другой стороны, достаточно сложное переплетение различных факторов, обуславливающее специфику ряда славянских языков в использовании определений при числительных, особенно при числительных 2–4, но и выявляющиеся как в современных правилах сочетания определений с числительными, так и в их эволюции некоторые противоречия. Эти противоречия оказываются движущими силами превращения числительных в особую часть речи, и некоторые пути разрешения этих противоречий являются вместе с тем тенденциями в эволюции числительных,

определяющими их кристаллизацию в особую часть речи. Одно из главных противоречий – стремление к унификации всех слов, обозначающих элементы числового ряда, и различные первоначально грамматические свойства этих слов. Разрешение этого противоречия лежит на путях выработки общих свойств числительных. Общие свойства числительных могут выработаться путем преодоления различных свойств, в частности, различного отношения числительных к числу и роду. Это преодоление происходит, как показывают некоторые явления согласования определений с числительными, на путях нейтрализации числа (допустимость употребления форм обоих чисел в некоторых случаях) и рода (отказ от форм, выражающих согласование в роде, – переход к формам множественного числа, не выражающим рода, или, в отдельных случаях, – к формам среднего, нейтрального рода). При этом использование некоторых трудно логически объяснимых конструкций (как, например, форма род. п. мн. ч. прилагательного при род. п. ед. ч. существительного с числительными 2–4 в русском языке) находит свое оправдание в сложных и перекрещивающихся соотношениях, связанных с выработкой общих свойств числительных.

Эволюция формы определения при числительных в славянских языках, таким образом, является одним из звеньев общего процесса перестройки числительных, формирования их специфических грамматических особенностей, отражающих превращение этих слов в особую часть речи.

3. Согласование сказуемого с количественным подлежащим

Являясь подлежащим или составляя подлежащее вместе с относящимся к нему существительным, числительные в современных славянских языках требуют некоторых особых форм согласования сказуемого с таким подлежащим, которое можно назвать количественным. В особенностях согласования сказуемого с Количественным подлежащим отражаются специфические свойства числительных, превращающихся в особую часть речи. Это обусловлено в значительной мере тем, что в формах согласования должно было так или иначе отразиться отношение числительного к числу и роду, а эти грамматические категории, как было видно уже из рассмотрения морфологических свойств числительных, а также некоторых их синтаксических особенностей, претерпевали в ходе эволюции числительных наиболее значительные изменения.

Как и рассмотрение других синтаксических свойств числительных, рассмотрение особенностей согласования с ними сказуемого полезно начать

со сжатой характеристики того типа отношений, который следует принять за исходный и который, видимо, имел место на позднем этапе существования праславянского языка. Надо учесть, что в праславянском языке, как и в любом реально функционирующем и вместе с тем эволюционирующем языке, вероятно, были определенные колебания в использовании форм согласованного сказуемого с количественным подлежащим и та картина, которая здесь набрасывается, должна поэтому рассматриваться как некоторая идеализация подлинного положения.

Естественно, что форма сказуемого при количественном подлежащем зависит от грамматических свойств подлежащего, в данном случае – числительного. Слово *пять* и под. было существительным женского рода, а существительное, обозначающее считаемые предметы, сочеталось с ним как управляемое слово. Тогда сказуемое должно было согласоваться со словом *пять* как с существительным женского рода, единственного числа: *пять есть шьла*. Однако наряду с таким грамматическим согласованием очень давно встречалось согласование, которое можно было бы назвать семантическим. Подобно тому, как другие существительные, обозначавшие некоторые совокупности предметов, например, *народъ*, существительные типа *пять* могли иметь при себе сказуемое в форме множественного числа, типа *пять идут*, как и *народ идут*. Такое сказуемое согласовалось с подлежащим «по смыслу». Оно выступало в форме множественного числа, поскольку подлежащее обозначало множество предметов, причем допускало расчлененное понимание этого множества. Частным случаем было согласование сказуемого со словом *съто* в среднем роде: слово *съто* было существительным среднего рода.

Другая группа числительных, слова *дѣва*, *трие*, *четыре* были прилагательными и сами согласовались в числе и роде с существительными, обозначающими считаемые предметы. Естественно, что когда в подлежащем оказывалось существительное в сочетании с таким числительным-прилагательным, сказуемое согласовалось с этим существительным (в роде и числе). Когда существительное при рассматриваемых числительных не было употреблено (пропущено), сказуемое употреблялось в той же форме, что и тогда, когда существительное было главным словом.

В этих случаях, когда сказуемое должно было согласоваться с подлежащим, включающим сложное (составное) числительное, форма сказуемого зависела от главного слова в сочетании числительных, выполнявшем функцию сложного (составного) числительного, или от существительного, с которым этот главный компонент сложного числительного был согласован. В тех случаях, когда компоненты числительного были равноправны,

сказуемое, вероятно, согласовалось с ближайшим к нему числительным (или относящимся к нему существительным). Нетрудно заметить, что именно при составных и сложных числительных наблюдались уже некоторые факультативные возможности (ср. *стоит пять десять и трие... и пять-десять и трие стоят*), возникали некоторые внутренние противоречия и сложности. Так, например, при числительном сочетании *дѣва на десяте* существительное могло выступить не только в форме, с которой согласуется главный компонент числительного сочетания, но и в форме, зависимой от второго (неглавного) компонента числительного сочетания (*дѣва на десяте стола* и иногда *дѣва на десяте столовъ*). Но это могло получить отражение и в форме сказуемого, которое могло быть употреблено не только в форме двойственного, но и единственного числа. Крайне противоречивым было и то общее положение, что с разными числительными сказуемое должно было согласоваться по-разному, что особенно обнажалось в образованных по одной и той же модели и стоявших рядом в вертикальном ряду числительных второго десятка.

Существенно отметить, что сказуемое было менее тесно связано с числительным, чем существительное, обозначавшееся считаеемые предметы. Тем самым грамматическая форма числительного могла оказать на форму сказуемого меньшее давление, чем на форму существительного, что обозначало большую свободу в выборе формы сказуемого, допустимость, в известной мере, колебаний в выборе такой формы, определенную ее факультативность. Но это означает, что именно здесь находится то звено, с которого могут начаться изменения в системе согласования сказуемого с количественным подлежащим в славянских языках.

В старославянском языке намечаются перемены в согласовании сказуемого с количественным подлежащим, которые, однако, получили значительное развитие несколько позже. Действительно, наряду с конструкциями с двойственным числом при числительном 12 отмечена и конструкция с единственным числом: *дѣва на десяте ихъ есть* (Супр., 121). Различные случаи согласования сказуемого с подлежащим отмечаются и при сочиненных числительных сочетаниях. Наибольший интерес из отмеченных в старославянском языке особенностей употребления сказуемого при количественном подлежащем вызывают редкие конструкции со средним родом сказуемого в единственном числе: *два на десяте сихъ паче бѣаше избѣрано* (Супр., 409). На такие конструкции обратил внимание уже Ф. Миклошич¹. Эти конструкции можно рассматривать двояко: либо как личные, в которых

¹ Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Heidelberg, 1926. С. 53–54.

подлежащим является числительное (*осмь*), а сказуемое (*спасено бысть*) особым образом согласовано с этим подлежащим, либо как безличные, в которых при безличном сказуемом выступает в форме винительного падежа дополнение *осмь*. Ключом к этой двойкой возможности является не только совпадение именительного и винительного падежей числительных типа *пять*, но и допустимость соответствующего толкования этих конструкций. В обоих случаях форма среднего рода сказуемого объясняется как нейтральная. Первое (личное) толкование давал указанным примерам Ф. Миклошич; второе (безличное) предлагал В. Вондрак¹. На деле, видимо, правы те ученые, которые, как В. Ягич, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Е. С. Истрина, А. М. Пешковский², стремились увидеть в рассматриваемых конструкциях результат взаимодействия личных и безличных конструкций. Общей тенденцией является распространение понимания подобных предложений как личных. Логично предположить, что они первоначально действительно имели безличный характер. Приведенное предложение из Супрасльской рукописи, видимо, обозначало, что *два на десяте* были избраны некоторой высшей силой; однако совпадение формы винительного и именительного падежа создало возможность понимания указанных конструкций как страдательных, но личных. Из дополнения *два на десяте* превращалось в подлежащее; для этого были определенные предпосылки внутри славянской языковой системы. Во-первых, число сказуемого при словах типа *пять* (а под их влиянием и при числительных сочетаниях *пять на десяте* и, далее, *дѣва на десяте*) могло быть, как и в рассматриваемых конструкциях (генетически безличных), единственным. Во-вторых, род сказуемого при числительных типа *пять* получал выражение лишь в тех случаях, когда сказуемое было родоизменяемым словом, то есть сравнительно редко. Поэтому в целом ряде случаев личные конструкции с глаголом, согласованным с подлежащим-числительным, не отличались формально от безличных конструкций с глаголом в форме немаркированного единственного числа. Этим создавались предпосылки для смешения безличных конструкций с личными.

На пути осуществления возможности смешения личных и безличных форм в тех случаях, когда род сказуемого был выражен, стояло значение женского рода числительных типа *пять* и форма среднего рода сказуемых

¹ Vondrak W. Vergleichende slavische Grammatik. II. Goettingen, 1928. С. 422.

² Ср.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. III. Харьков, 1899. С. 452 ; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941. С. 142 ; Истрина Е. С. Синтаксические явления синодального списка I новгородской летописи // Изв. ОРЯС АН. 1919. XXIV, 2, 1923. С. 21 сл. ; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 369.

безличных предложений. Правда, числительные типа *пять* были на пути к утрате рода, а тем самым к возможности употребления с ними форм нейтрального среднего рода. Однако путь этот в рассматриваемый период только еще начинался. Лишь значительно позже появятся согласованные определения при числительных типа *пять* в форме среднего рода. Пока же в старославянском языке возникает лишь почва для понимания генетически безличных предложений как личных предложений.

В современных славянских языках сложились и закрепились различные нормы использования формы сказуемого при количественном подлежащем. Эти нормы отличаются друг от друга в различных языках, а в пределах языков тоже не носят единого характера, отличаясь по различным числительным, а также по характеру конструкций. Но все они сложились в результате развития тех особенностей, которые имелись уже в праславянскую эпоху. Характерно для этих норм, типичных для ряда славянских языков, то, что их невозможно рассматривать как уже сложившиеся окончательно. Напротив, многие из рассматриваемых норм представляют собой и на современном этапе скорее тенденции, многое в нормах еще подвижно, находится в колебании, еще отражает языковую динамику.

В современном болгарском языке сказуемое при количественном подлежащем в подавляющем большинстве случаев выступает в форме множественного числа. Это касается различных положений сказуемого по отношению к подлежащему, различных числительных в составе подлежащего (немаркированных простых и составных определенно-количественных, лично-мужских, неопределенно-количественных *няколко*, *колко*, а большей частью и *много*). Лишь в очень ограниченном числе случаев, в некоторых немногих конструкциях при количественном подлежащем в современном болгарском языке используется единственное число сказуемого. Иногда ед. ч. сказуемого выступает при словах *много*, *малко*, хотя большей частью при слове *много* подлежащее употребляется во мн. ч. Ед. ч. сказуемого употребляется в некоторых обозначениях времени (типа «Беше 6 и половина»); при обозначениях арифметических действий, например; Пет плюс пет *права* десет, 3 минус 2,15 *е* равно на 0,85. Особо должны быть отмечены конструкции с безличным глаголом *им а* типа «В стаята *имаше* две деца», которые сохраняют в болгарском свой безличный характер.

Как и в болгарском, в македонском языке господствующей формой сказуемого при количественном подлежащем является форма множественного числа. Она выступает при различных числительных в составе подлежащего; немаркированных и лично-мужских, членных и нечленных, простых и составных, сочетаниях с приблизительным значением и неопределен-

но-количественных словах. В небольшом числе случаев, хотя, может быть, и в несколько большем, чем в болгарском языке, сказуемое употребляется в македонском в форме единственного числа (родоизменяемые формы – среднего рода). Кроме случаев обозначения арифметических действий и безличных предложений со сказуемым *има*, это, главным образом, конструкции с неопределенно-количественными числительными *многу*, *малку*, *неколку* и сказуемым, выраженным глаголами *е*, *мина*, *треба*. Употребляется ед. ч. сказуемого при составных числительных, оканчивающихся на *jeden*.

В сербско-хорватском языке выбор формы сказуемого определяется в основном тем, какое числительное использовано в подлежащем. Если в подлежащем употреблено числительное 2–4 или собирательное, а также числовое существительное *двојица*, то сказуемое в большей части случаев применяется в форме множественного числа. Интересно отметить, что при существительных мужского рода с числительными 2–4 родоизменяемая форма мн. ч. сказуемого (на -л-) выступает не в ожидаемой форме на -и, а в форме на -а, которая, являясь по происхождению формой двойственного числа, теперь может рассматриваться не только как такая пережиточная форма, но и как случай смешения форм мужского и среднего рода, где, как известно, во мн. ч. используется в соответствующих случаях окончание -а. Единственное число сказуемого при этих числительных употребляется редко, главным образом, при обозначениях времени и арифметических действий.

При числительных типа *пет*, в том числе при сложных и составных числительных, сказуемое преобладающим образом употребляется в форме единственного числа (среднего рода). Это касается и обозначений приблизительных количеств при помощи неопределенно-количественных числительных или определенно-количественных числительных с дополнительными средствами. Сказуемое *има*, которое можно охарактеризовать как безличное, тоже, естественно, используется в ед. ч. Однако для всех этих случаев, когда преимущественно применяется форма ед. ч. сказуемого, необходимо отметить, что с большей или меньшей вероятностью возможно и употребление сказуемого в форме мн. ч.

В словенском языке с числительными *dva* и *oba* существительные употребляются в двойственном числе, причем числительные с ними согласуются; сказуемое в этом случае тоже согласуется с подлежащим в числе и, когда возможно, в роде. Как и в случае с 2, согласуется сказуемое в числе и роде с существительным, употребляемым при числительных 3 и 4 в форме множественного числа. В тех случаях, когда числительные 2–4 выступают для обозначения времени суток, сказуемое при них употребляется в форме ед. ч.; в ед. ч. используется сказуемое и при обозначениях лексическими

средствами приблизительности числа, выраженного определенно-количественным числительным.

В форме ед. ч. (ср. р.) используется сказуемое при числительных типа 5, в том числе составных и сложных, а также при собирательных. Следует отметить, что в составных обозначениях десятков с единицами порядок компонентов таков, что они не заканчиваются на 1, 2, 3, 4; при числах типа 501, 502 и под. сказуемое выступает в форме, соответствующей последнему компоненту.

Эти правила в словенском языке соблюдаются довольно последовательно без заметных колебаний.

В сербо-лужицких языках правила согласования сказуемого с количественным подлежащим в основном одинаковы. Числительные 2 и *oba* согласуются с существительными в числе – двойственном – и роде. Сказуемое согласуется тоже в числе и, когда возможно, в роде с существительным, обозначающим считаемые предметы.

Хотя в некоторых сербо-лужицких говорах, в частности, в южных верхнелужицких говорах двойственное число и стало разрушаться, что выражается и в смешении форм сказуемого при подлежащем со словами 2 и *oba*, когда сказуемое выступает в форме множественного числа, литературные серболужицкие языки, а также другие говоры сохраняют правильное использование форм дв. ч. при числительных¹. При числительных 3, 4, согласующихся с существительными, сказуемое выступает во мн. ч., согласуясь с существительным-подлежащим. В нижнелужицких песнях отмечены единичные случаи употребления формы единственного числа сказуемого при числительных 3 и 4 в подлежащем.

При числительных типа 5 преобладает единственное число (ср. р.) сказуемого. Это касается также сложных и составных числительных, обозначений приблизительного количества при помощи определенно-количественных числительных. Однако ед. ч. сказуемого в данном случае иногда заменяется множественным, причем в некоторых частных случаях, например, с числительными 300, 400, по-видимому, мн. ч. даже предпочтительно, а в других случаях не получает грамматического обоснования и должно рассматриваться как допустимый факультативный вариант формы сказуемого.

Множественное число сказуемого является нормой при числительных типа 5 в лично-мужской форме.

¹ Jenč H. K někotrym prašenjam duala w Rozwodacach a w druhich hornoserbskich nařečach. Studije k serbskej dialektologiji. Budyšin, 1963. С. 125 ; Fasske H. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964. С. 228–230.

При неопределенно-количественных числительных сказуемое преимущественно выступает в форме единственного числа, но в некоторых случаях используется форма мн. ч. сказуемого.

В польском языке при числительных 2–4 в немаркированной форме в подлежащем сказуемое обычно выступает в форме множественного числа. В отдельных случаях при числительных 2–4 используются и сказуемые в форме единственного числа (среднего рода); особенно это характерно для выражений со значением прохождения времени. Во множественном числе сказуемое выступает при лично-мужских числительных *dwaj*, *trzej*, *czterej*, а также при числительном *oba* и его производных (*obydwaj* и под.). Напротив, с лично-мужскими числительными типа *dwu*, *dwóch* фигурируют сказуемые в форме ед. ч. Это, видимо, находит свое объяснение в том, что если в подлежащем, включающем немаркированные числительные типа *dwa*, а также лично-мужские типа *dwaj*, существительные употребляются в форме им. п. мн. ч., то с числительными типа *dwóch* существительные употребляются в форме род. п. мн. ч., а сказуемое не может с таким существительным согласоваться. Не исключено в таких случаях использование формы мн. ч. сказуемого.

При числительных типа 5 в подлежащем (как в лично-мужской, так и в немаркированной форме) сказуемое выступает обычно в единственном числе (среднего рода). Это правило охватывает и сложные, а также составные числительные (кроме тех, которые оканчиваются на 2, 3, 4). Интересно, что в польском языке нередко при слове 1000 сказуемое употребляется в форме среднего рода. При числительных типа 21 сказуемое часто используется среднего рода единственного числа независимо от рода существительного, обозначающего считаемые предметы. В ед. ч. выступает обычно сказуемое в случаях обозначения приблизительного количества при помощи определенно-количественных числительных.

По анкете, проведенной З. Клеменсевичем, для числительных 22 и под. тип с род. п. мн. ч. существительного и ед. ч. ср. р. сказуемого насчитывает около 60 процентов употреблений, тип с им. п. мн. ч. существительного при мн. ч. сказуемого – 18 процентов, а при ед. ч. сказуемого – 22 процента. Надо сказать, что и при числительных типа 5 встречается изредка сказуемое в форме мн. ч.; это однако, скорее исключения, часть которых находит особые объяснения.

С собирательными числительными *oboje*, *obydwoje*, а также с конструкциями типа *wszyscy troje* сказуемое выступает обычно в форме мн. ч., а в других случаях с собирательными числительными – в форме ед. ч.

Как правило, в ед. ч. (ср. р.) используется сказуемое при неопределенно-количественных числительных; лишь изредка можно отметить нарушения этого правила и употребление сказуемого в форме мн. ч.

В чешском языке выбор формы сказуемого определяется в основном самим числительным. Во множественном числе сказуемое употребляется с числительными *oba*, 2, 3, 4. Родоизменяемые формы согласуются в роде с существительным, обозначающим считаемые предметы.

С числительными типа 5, включая сложные и составные, а также обозначения приблизительных количеств при помощи определенно-количественных числительных, сказуемое выступает в единственном числе (среднем роде); следует отметить, что под это правило подводится и употребление сказуемых при числительном *sto* (которое может быть и в форме мн. ч.), а в ряде случаев и слова *tisíc*.

В единственном числе используется также и сказуемое при собирательных числительных. Интересно отметить, что это правило иногда распространяется и на употребление без существительных; видовые числительные, которые обычно согласуются с существительными, употребляемыми во мн. ч., и в таком случае имеют при себе сказуемое во мн. ч. При неопределенно-количественных числительных сказуемое выступает в единственном числе (ср. р.). Исключения из приведенных правил в чешском языке исключительно редки.

В словацком языке правила согласования сказуемого с количественным подлежащим близки к чешским. Существительные при числительных 2–4, а также *oba* выступают в форме мн. ч. им. п., и сказуемое согласуется с ними. Во множественном числе употребляется сказуемое также при лично-мужских числительных, в том числе таких, которые обозначают пять и более лиц.

При немаркированных числительных от пяти, включая сложные и составные, а также приблизительные обозначения количеств при помощи определенно-количественных числительных, сказуемое выступает в форме единственного числа. В ед. ч. выступает сказуемое при собирательных неопределенно-количественных числительных в подлежащем. Исключения, из приведенных правил встречаются в словацком языке лишь изредка (меньше, чем в 1 % случаев).

В белорусском языке¹ правила согласования сказуемого с количественным подлежащим носят менее детерминированный характер, чем в рассмотренных южно- и западнославянских языках. Восточнославянские языки

¹Ср. некоторые данные о географическом распространении одной из рассматриваемых конструкций в кн.: Дзялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск, 1963. Карта № 208.

обладают в; этом отношении довольно большой свободой. Целесообразно дать некоторые цифровые данные, которые характеризуют использование форм единственного и множественного числа сказуемого в тех или иных случаях в белорусском (а также и в других восточнославянских языках), а затем интерпретировать эти данные. Как и в ряде других славянских языков, но менее четко, выбор формы числа сказуемого определяется в белорусском прежде всего характером числительного, находящегося в подлежащем (табл. 5), а также некоторыми другими факторами.

Всегда в форме мн. ч. употребляется сказуемое при числительных *абодва/абедзве, абое*. В ед. ч. при числительных 2–4 сказуемое употребляется большей частью при препозиции сказуемого, лишь крайне редко употребляется ед. ч. сказуемого, если сказуемое расположено после подлежащего. Большая часть сказуемых в ед. ч. при числительных 2–4 падает на некоторые особые конструкции. Так, примерно половина всех случаев использования сказуемого в ед. ч. – это глагол *быць*; половина остальных случаев падает на глаголы минования во временных конструкциях типа «*Прайшло тры дні*», «*Мінула чатыры гады*» и на глагол *(з)аста(ва)лася* (ср. *Асталася толькі тры чалавекі*).

Таблица 5

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего
	сл.	%	сл.	%	100 %
<i>Абодва, абое</i>	—	0	63	100	63
<i>Два</i>	18	8	20	92	219
<i>Двое</i>	3	9	29	91	32
<i>Тры</i>	15	22	52	78	67
<i>Чацвёра</i>	3	30	7	70	10
<i>Трое</i>	14	36	25	64	39
<i>Чатыры</i>	6	38	10	62	16
<i>Пяцёра</i> и т. д.	8	44	10	56	18
<i>Сто</i>	1	50	1	50	2
Сложные	28	58	20	42	48
<i>Пяць – дзесяць</i>	30	61	19	39	49
<i>Некалькі</i>	73	68	34	32	107
Составные на 2, 3, 4	5	71	2	29	7
<i>із 4, над 50</i> и под.	29	81	7	19	36
Составные	11	85	2	15	13
<i>Колькі, столькі</i>	81	95	4	5	85
<i>Шмат</i>	57	97	2	3	59

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего
	сл.	%	сл.	%	100 %
<i>Многа, мала, багата</i>	56	98	1	2	57
<i>Большы, мениш</i>	16	100	–	0	16
Итого	454	48	489	52	943

Лишь менее чем в 30 процентах случаев выступает сказуемое в ед. ч. при собирательных числительных. Прежде всего следует отметить, что при слове *двое* форма ед. ч. сказуемого исключительно редка, в то время как при больших собирательных, особенно соотносимых с немаркированными числительными от пяти, она встречается чуть ли не в половине всех случаев. То, что определенное влияние здесь оказывают немаркированные числительные, представляется несомненным. Снова, как и с немаркированными числительными 2–4, обращает на себя внимание тот факт, что в ед. ч. используются некоторые особые конструкции. Как и с числительными 2–4, с собирательными в половине всех случаев использования ед. ч. сказуемого это сказуемое выражено глаголом *быць*. Особо должны быть отмечены встретившиеся у Янки Купалы конструкции с формой родительного падежа собирательных в функции именительного и сказуемым пои них в ед. ч. (ср польские лично-мужские числительные). Ср.: *А траіх чангарцаў працуе й сягоння*. Однако примерно в 10 процентах случаев всех употреблений собирательных числительных в подлежащем форму ед. ч. сказуемого трудно объяснить. Дело здесь просто в известной допустимости формы ед. ч. наряду с преобладающей формой мн. ч. Следует лишь подчеркнуть, что и здесь обычна препозиция сказуемого, которая, впрочем, сама по себе не может рассматриваться как достаточное условие для употребления формы ед. ч.

Иную картину согласования сказуемого дают числительные от пяти. Здесь уже множественное число сказуемого встречается лишь в трети случаев, в то время как в двух третях случаев сказуемое выступает в ед. ч. (ср. р.). Лексические средства выражения приблизительности способствуют большему преобладанию форм ед. ч. сказуемого: при определенно-количественных числительных с такими средствами ед. ч. встречается в четырех пятых случаев, в то время как при числительных от пяти без выражения приблизительности такими средствами – в двух третях случаев. Случаи выражения приблизительности при помощи инверсии характеризуются такими же отношениями форм ед. ч. сказуемого к формам мн. ч., как и числительные без инверсии, следовательно, в белорусском языке инверсия существительного и числительного не влияет в общем на форму сказуемого

при числительном. Как и с числительными 2–4, около половины всех употреблений сказуемого в ед. ч. падает на сказуемое, выраженное глаголом *быць*; во мн. ч. такое сказуемое употребляется редко (в 5–10 процентах случаев). Так же, как и с числительными 2–4, в выборе формы сказуемого значительную роль играет порядок слов. Единственное число сказуемого господствует при препозиции сказуемого: оно употребляется при таком порядке слов в четырех пятых случаев; напротив, при постпозиции сказуемого ед. ч. встретилось лишь в одной четверти случаев. Это соотношение распространяется не только на случаи употребления числительных от пяти, но и на случаи, когда при помощи дополнительных лексических средств, употребленных рядом с числительными, выражается приблизительный характер количеств.

С неопределенно-количественными числительными в белорусском языке преобладающим образом употребляется сказуемое в ед. ч. Особенно касается это неопределенно-количественных слов *большы, мени, многа, мала, багата, шмат, колькі, столькі*, форма множественного числа с которыми встречается не чаще, чем в пяти процентах случаев, т. е. в порядке исключения. С меньшей определенностью преобладает (в двух третях случаев) ед. ч. сказуемого при числительном *некалькі*. Как и с определенно-количественными числительными типа *пяць*, существенную роль в выборе формы сказуемого играет порядок слов: при предшествовании сказуемого четко выражена тенденция употреблять сказуемое в форме ед. ч.; эта форма употреблена в 90 процентах случаев. Определить дополнительные условия, в которых бы при прямом порядке слов использовалась та или иная форма сказуемого, в общем плане едва ли возможно, хотя в отдельных (но не во всех) случаях и могут быть найдены некоторые мотивы использования той или иной формы. Факультативность формы числа сказуемого хорошо иллюстрируется возможностью употребления в пределах одного предложения при одном подлежащем сказуемого и в ед. ч. и во мн. ч.: *Некалькі сот чалавек мужчын і жанчын высыпала якраз у гэты момант з вакзальнай залы і астаўбаваліся на пляцы* (Мурашка). Такая факультативность, впрочем, характерна не только для случая с прямым порядком слов при подлежащем со словом *некалькі*, где она выражена достаточно ярко, но и для всей системы согласования сказуемого с количественным подлежащим в белорусском языке, хотя в некоторых частях этой системы до полной свободы выбора той или иной числовой формы сказуемого очень далеко.

Как и в белорусском, в украинском языке правила согласования сказуемого с количественным подлежащим носят довольно свободный характер, который удобно охарактеризовать скорее статистическими, нежели жестко

детерминированными правилами. Выбор формы числа сказуемого определяется прежде всего числительным, находящимся в подлежащем, а также некоторыми другими факторами. Зависимость формы числа сказуемого от числительного в подлежащем может быть охарактеризована цифровыми данными, приведенными в табл. 6.

Таблица 6

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего
	сл.	%	сл.	%	100 %
<i>Обидва, оба, обоє</i>	—	0		100	—
<i>Два</i>	36	17	172	83	208
<i>Три</i>	32	21	118	79	150
Собирательные	54	25	164	75	218
<i>Чотири</i>	9	27	25	73	34
<i>Н тисяч</i>	8	36	14	64	22
Сложные	28	41	40	59	68
<i>Кілька</i>	81	61	51	39	132
<i>П'ять – десять</i>	28	62	17	38	45
Составные	14	64	8	36	22
<i>Сто, сорок</i>	11	79	3	21	14
<i>Скільки, стільки</i>	63	89	8	11	71
<i>Багато</i>	49	91	5	9	54
<i>Больше, трохи, много, небагато</i>	13	100	—	0	13
Итого	426	41	625	59	1051

Всегда (единственный случай жесткой детерминации) во множественном числе употребляется сказуемое при подлежащем, содержащем слова *обидва, оба*.

С числительными *два, три, чотири* преимущественно, в 80 процентах случаев, сказуемое используется в украинском языке во мн. ч. Случаи использования ед. ч. большей частью сводятся к определенным правилам. Так, лишь в одном из пяти случаев употребления ед. ч. Сказуемого сказуемое стоит после подлежащего. Обычный порядок слов при использовании ед. ч. – инверсионный. Например, при использовании мн. ч. сказуемого обычен прямой порядок слов, который нарушается лишь в одной пятой части случаев. Это значит, что лишь в менее, чем в 10 процентах случаев прямого порядка слов сказуемое употреблено в ед. ч. Кроме того, в частности, при обратном порядке слов, когда формы мн. ч. и ед. ч. сказуемого встречаются почти одинаково часто, в выборе формы сказуемого играет

роль само сказуемое; некоторые сказуемые обычно используются в ед. ч. Так, всегда в ед. ч. употребляется в настоящем времени глагол *бути*; значительную долю среди случаев употребления сказуемого в ед. ч. (около половины) составляют случаи употребления в качестве сказуемого глагола *бути* (во всех временах); однако необходимо учесть, что нередко глагол этот употребляется и во мн. ч.: примерно половина случаев использования этого глагола падает на ед. ч., а другая – на мн. ч. Более выразительно предпочтение, отдаваемое форме ед. ч. глаголов *минати* и *(за)лишатися*: лишь в одном случае из десяти эти глаголы встречаются во мн. ч. В остальных случаях выбор ед. ч. сказуемого плохо поддается сколько-нибудь четкому общему объяснению, хотя в отдельных случаях и может быть объяснен.

С собирательными числительными в подлежащем преимущественно, в трех четвертях случаев сказуемое употребляется во мн. ч. Одним из основных факторов, связанных с выбором формы числа сказуемого, является, видимо, порядок слов. При прямом порядке слов лишь менее, чем в 10 процентах случаев использовано сказуемое в ед. ч., в то время как при порядке с постпозицией подлежащего использование формы ед. ч. сказуемого имеет место более, чем в половине случаев. С другой стороны, большинство, 85 процентов, случаев использования ед. ч. сказуемого характеризуется обратным порядком слов. Вместе с тем нельзя не отметить известную факкультативность выбора форм сказуемого.

Определенно-количественные числительные выше пяти в украинском языке примерно в половине случаев имеют при себе сказуемое в ед. ч., а в половине случаев – мн. ч. Выбор формы сказуемого при числительных типа 5, как и при числительных 2–4, определяется в значительной мере порядком слов. Так, при прямом порядке слов предпочтительнее форма мн. ч. сказуемого, а при обратном порядке – форма ед. ч. С другой стороны, как и с числительными 2–4, ед. ч. сказуемого при числительных типа *п'ять* употребляется нередко в специфических конструкциях. Так, ед. ч. предпочитается у глагола-сказуемого *минати*, часто встречается оно у глагола *бути* (исключительно ед. ч. в наст. вр.). Как и для всех числительных, охарактеризованных ранее, типично ед. ч. в конструкциях типа «Нас *було* дев'ять»; «Нош *працювало* вже вісім» (Смолич). Учитывая наличие целой гаммы переходных, конструкций, в которых функция числительного несколько меняется, целесообразно, несмотря на специфичность этих конструкций, рассматривать их как разновидности конструкций с количественным подлежащим, по крайней мере в плане выбора формы сказуемого, хотя нельзя не отметить специфического их характера, допускающего несколько иное толкование примеров. Быть может, исключая эту конструкцию, можно го-

ворить о значительной факультативности в выборе формы сказуемого при количественном подлежащем, включающем числительные типа *п'ять*.

При неопределенно-количественных числительных преобладает форма ед. ч. сказуемого. Меньше всего это преобладание выражено с числительным *кілька*. Однако здесь довольно четко получила свое выражение связь выбора формы числа сказуемого с порядком слов. При прямом порядке подавляющее преобладание имеет мн. ч., а при обратном – ед. ч. сказуемого; нарушаются эти тенденции менее, чем в пяти процентах случаев. Значение порядка слов в выборе формы сказуемого при других неопределенно-количественных числительных проявляется слабее. Здесь единственное число, можно сказать, господствует безраздельно и вне зависимости от порядка слов. Знаменательно, однако, что все немногочисленные случаи употребления сказуемого во мн. ч. (они составляют около 10 процентов случаев) характеризуются прямым порядком подлежащего и сказуемого. Появление этих форм, видимо, следует объяснить теми общими тенденциями к факультативности в выборе числа сказуемого при количественном подлежащем, которые более ярко проявляются, пожалуй, с числительными типа *п'ять*, но и здесь получают некоторое выражение.

В русском языке, как и в белорусском и украинском языках, правила согласования сказуемого с количественным подлежащим носят не жестко детерминированный характер, а относительно свободны. Выбор формы числа сказуемого зависит от того, какое числительное употреблено в подлежащем, а также от порядка слов и некоторых других факторов. Зависимость формы сказуемого от числительного в подлежащем показана в табл. 7.

Таблица 7

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего 100 %
	сл.	%	сл.	%	
<i>Оба</i>	–	0	–	100	–
Собирательные	35	12	255	88	290
<i>Два</i>	74	14	467	86	541
<i>Три</i>	56	23	191	77	247
<i>Четыре</i>	16	24	52	76	68
<i>Н тысяч, миллио- нов</i>	15	34	29	66	44
<i>Пять–десять</i>	110	50	110	50	220
Составные	57	59	40	41	97
Сложные	103	61	65	39	168
<i>Несколько</i>	137	64	78	36	215
Числительные с инверсией	65	76	20	24	85

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего
	сл.	%	сл.	%	100 %
<i>Сколько, столько</i>	116	94	7	6	123
<i>Много</i>	166	99	2	1	168
Итого	950	42	1316	58	2266

Только в форме мн. ч. употребляется сказуемое при подлежащем со словом *оба*.

В подавляющем большинстве случаев употребляется сказуемое во множественном числе при собирательных числительных; колебания в употреблении числа с отдельными собирательными в целом незначительны. В среднем лишь в одном из 7–10 случаев использования в подлежащем собирательного числительного сказуемое употреблено в ед. ч. Можно отметить некоторые конструкции, в которых при собирательных числительных сказуемое употребляется в ед. ч. Среди них следует отметить конструкции типа «Нас *было* трое». В подавляющем большинстве случаев, почти без исключений с прямым порядком слов, а также и в большом числе случаев с обратным порядком слов, сказуемое при собирательных числительных употребляется во мн. ч. Только мн. ч. возможно при наличии с числительным определения в форме им. п. мн. ч. Ср.: Все трое не *хотели* смотреть друг другу в глаза (Соболев).

Более, чем в четырех пятых общего числа случаев употребления сказуемого при числительных 2–4 в подлежащем, оно употребляется во мн. ч. Как видно из материалов таблицы 3, несколько чаще, чем с числительным 2, используется сказуемое в ед. ч. при числительных 3 и 4. Не очень четко выражено стремление чаще использовать форму мн. ч. сказуемого при существительных женского рода в подлежащем (в 88, процентах случаев женского рода и в 80 процентах – мужского), что находит свое объяснение в том, что форма существительного при числительных 2–4 часто совпадает с формой им. п. мн. ч. Преимущественно в форме ед. ч. (около двух третей случаев) использован с числительными 2–4 глагол *быть*. При обозначении времени сказуемое, выраженное глаголом *пройти*, в четырех пятых случаев употреблено в экцерпированном материале в форме ед. ч. В ед. ч. употребляется также в конструкциях с временным значением сказуемое, выраженное глаголом *остаться*; в конструкциях с невременным значением форма ед. ч. этого глагола употребляется при обратном порядке слов, а мн. ч. – при прямом порядке слов. При общем преобладании мн. ч. сказуемого следует отметить, что в некоторых, трудно детерминируемых случаях, обычно при обратном порядке слов используется и ед. ч. сказуемого.

Определенно-количественные числительные от *пяти* несколько чаще, чем в половине случаев, имеют при себе сказуемое в форме единственного числа; ед. ч., в частности, употреблено ровно в половине выписанных примеров на использование в подлежащем числительных от *пяти* до *десяти*. Бросается в глаза, что чуть ли не в половине случаев употребления сказуемого в ед. ч. это сказуемое – глагол *быть*. В ед. ч. используется обычно во временных конструкциях глагол-сказуемое *пройти, остаться, минуть, исполниться*. Из других факторов следует отметить, что при прямом порядке слов лишь редко (примерно в одном случае из десяти) встречается ед. ч., в то время как при обратном порядке слов сказуемое в ед. ч. встречается в семи случаях из десяти. Во мн. ч. всегда выступает сказуемое при наличии определения в им. п. мн. ч. При всей относительной свободе в русском языке выбора форм сказуемого при числительных типа *пять* нельзя не отметить, что значительная часть предложений с ед. ч. сказуемого – это некоторые относительно устойчивые конструкции.

При неопределенно-количественных числительных в русском языке преобладает форма ед. ч. сказуемого. При слове *несколько* сказуемое в двух третях случаев выступает в единственном числе, а в одной трети случаев – во мн. ч. Единственное число употреблено с этим словом в подлежащем, когда сказуемое выражается глаголами *быть, пройти*, которые и с другими числительными преимущественно используется в ед. ч. Кроме того, в конструкциях со словом *несколько* сказуемое в ед. ч. употреблено в большей части случаев обратного порядка слов. Мн. ч. сказуемого со словом *несколько* употребляется чаще ед. ч. при прямом порядке слов (примерно в отношении 2: 1), а также с названиями лиц (в отношении примерно 3:2). Более четко стремление к использованию ед. ч. сказуемого с неопределенно-количественными числительными *много, сколько, столько*. Со словом *много* форма мн. ч. вообще встречается в порядке исключения, со словами *столько, сколько* не более, чем в десяти процентах случаев. Все эти случаи употребления формы мн. ч. сказуемого касаются глаголов-сказуемых с конкретным значением, стоящих после количественных подлежащих. Таким образом, можно отметить известную факультативность выбора форм сказуемого. Надо отметить, что различные определено-количественные числительные, обозначая неточные количества, сближаются по нормам согласования с неопределенно-количественными, с ними предпочтительно употребляется ед. ч. сказуемого. С другой стороны, можно подчеркнуть, что нет непроходимой пропасти между применением форм ед. и мн. ч. Как это видно из таблицы 3, от числительных, с которыми господствует форма мн. ч. сказуемого, постепенно можно перейти к числительным, с которыми

преобладает форма ед. ч. сказуемого. Надо далее отметить, что некоторые случаи преобладания тех или иных форм сказуемого, связанные с порядком слов, с использованием в качестве сказуемого глагола *быть*, с употреблением временных оборотов, характерны для всех числительных. Значит, форма сказуемого определяется, в сущности, не только самим числительным, но и порядком слов в рассматриваемом предложении, самим сказуемым и т. д. Характерные случаи использования форм сказуемого при количественном подлежащем получили в научной литературе освещение, которое пока нельзя считать полным.

Такие нормы употребления сказуемого при числительных близки к тем, которые действовали уже в художественной литературе XIX в. Характерно, что и тогда при прямом порядке слов преобладало множественное число сказуемого (в отношении 4 : 1), а при обратном порядке подлежащего и сказуемого преобладало, хотя и не очень значительно (отношение примерно 5 : 3), единственное число сказуемого, что, конечно, варьировалось по различным числительным. Указанные нормы складывались, по-видимому, еще ранее, ибо уже и в XVIII в., многое в закономерностях согласования сказуемого с количественным подлежащим было близко к современному. В некоторых случаях изменения направлены были к большей стабилизации правил, в частности, относительно сказуемого при собирательных числительных; с другой стороны, в отношении неопределенно-количественных числительных характер изменений таков, что речь идет о введении более свободного выбора формы сказуемого, чем было раньше. Что касается порядка слов, то в общем характер правил в XVIII в. и в XIX был близок; лишь при обратном порядке слов следует применительно к XVIII в. говорить не о преобладании формы ед. ч., а о примерно одинаковом употреблении формы наряду с формой мн. ч. (табл. 8, 9).

Таблица 8

XIX в.

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего
	сл.	%	сл.	%	
<i>Два–четыре</i>	54	13	357	87	411
Собирательные	23	22	82	78	105
<i>Пять–десять</i>	74	47	82	53	156
<i>Несколько</i>	151	52	139	48	290
Составные	72	50	71	50	143
Сложные	71	53	62	47	133

Таблица 9

XVIII в.

Числительные	Единств. ч.		Множеств. ч.		Всего
	сл.	проц.	сл.	проц.	
<i>Два – четыре</i>	55	13	357	87	412
<i>Пять – десять</i>	19	36	34	64	53
Собирательные	25	38	41	62	66
Сложные	48	65	26	35	74
Составные	45	66	24	34	69
<i>Несколько</i>	105	79	28	21	133
<i>Много, сколько, столько</i>	42	100	–	–	42

Надо сказать, что современные восточнославянские языки исключительно близки по правилам согласования сказуемого с количественным подлежащим. Количественно эта близость может быть выражена коэффициентом корреляции. Если выразить в процентах долю форм единственного числа, которые употребляются с теми или иными числительными в восточнославянских языках (табл. 10) и вычислить коэффициент корреляции между столбцами, характеризующими отдельные восточнославянские языки, то окажется, что он чрезвычайно высок, так же как высок и совокупный коэффициент корреляции (табл. 11).

Таблица 10

	Русский	Украинский	Белорусский
<i>Оба</i>	0	0	0
Собирательные	12	25	9
<i>Два</i>	14	17	8
<i>Три</i>	23	21	22
<i>Четыре</i>	24	27	38
<i>Пять – десять</i>	57	62	61
Составные	51	50	80
Сложные	61	41	58
<i>Несколько</i>	64	61	67
<i>Сколько, столько</i>	94	89	95
<i>Много</i>	99	91	98

Таблица 11

Языки	Коэффициент корреляции	Языки	Совокупный коэффициент корреляции
РУ	0,97	Р.УБ	0,98
РБ	0,96	У.РБ	0,97
УБ	0,94	Б.УР	0,96

Высокую степень линейной связи между правилами согласования сказуемого с количественным подлежащим в восточнославянских языках следует интерпретировать в том смысле, что восточнославянские языки развивали параллельно в одинаковом направлении те изменения в способах согласования сказуемого с количественным подлежащим, которые должны были произойти в связи с утратой двойственного числа, с утратой грамматического числа числительными, с пополнением числительных за счет некоторых слов с неопределенно-количественным значением. В этом смысле именно типологический, а не генетический характер близости в способах согласования подтверждается и материальным несходством некоторых лексем (ср. *много* – *багато* – *шмат* и др.). Здесь, как и в других случаях, в истории славянских числительных имеет место параллельное развитие грамматических свойств, обусловленное общим исходным материалом и общей программой, свойственной родственным языкам и диалектам в развитии их инноваций. Эта программа состоит в необходимости разрешения на общей основе противоречий, характер которых в основном един, в частности, потому, что семантические предпосылки превращения числительных в особую часть речи складывались в славянских языках, видимо, еще в пору их единства, и, что важно, математизация человеческого мышления поддерживала семантическую общность числительных.

Вычисление коэффициента корреляции между языками в отношении существующих в них правил согласования сказуемого с количественным подлежащим позволяет не только установить достаточно высокую близость в отношении выработавшихся правил согласования сказуемого с количественным подлежащим между славянскими языками, но и установить некоторые отношения между ними. С этой целью вычислен коэффициент корреляции славянских языков по отношению к русскому (как языку с сильно развитой свободой выбора формы сказуемого), чешскому (как языку с довольно четко детерминированными правилами использования в одних случаях форм ед. ч., а в других – мн. ч.) и болгарскому (с господством использования форм мн. ч. сказуемого). Полученные коэффициенты представ-

лены в табл. 12, причем необходимо иметь в виду, что второй десятичный знак в коэффициентах (сотые) приводится условно, ибо в ряде случаев погрешность превышает 0,1.

Таблица 12

По отнош. к яз.	Бол	М	СХ	Слм	СЛ	П	Ч	Слц	Р	У	Бел.
Р	0,87	0,88	0,96	0,89	0,97	0,91	0,66	0,59	1,00	0,98	0,99
Бол	1,00	1,00	0,81	0,73	0,84	0,71	0,71	0,84	0,87	0,88	0,83
Ч	0,71	0,73	0,80	0,99	0,98	0,86	1,00	0,98	0,66	0,75	0,64

Коэффициенты могут получить некоторые содержательные интерпретации в плане той группировки языков, которая возникает при расположении языков порядке убывания каждого из коэффициентов (Р, Бол, Ч). Так, по отношению к русскому языку в группу ближайших (по коэффициенту корреляции) языков попадают, кроме восточнославянских, сербскохорватский, а также польский и сербо-лужицкие. При всех различиях этих языков между собой и в отношении к русскому, в том числе и в способах согласования сказуемого с количественным подлежащим, нельзя не заметить, что хотя и не в такой мере, как восточнославянским, им присуща тенденция к относительной свободе выбора форм сказуемого, в то время как языкам с меньшей степенью корреляции, прежде всего чешскому и словацкому, а также болгарскому, македонскому и словенскому свойственны более жестко определенные правила использования числовых форм сказуемого при количественном подлежащем.

Если проанализировать коэффициенты корреляции в отношении к болгарскому языку, то, во-первых, бросается в глаза полная корреляция македонского с болгарским по согласованию сказуемого с количественным подлежащим; во-вторых, наблюдается значительная отдаленность по правилам этого согласования словенского, польского и чешского языков. Это, видимо, связано прежде всего с тем, что с числительными типа 5 в этих языках употребляется в подавляющем большинстве случаев форма единственного числа сказуемого, которая не характерна для болгарского (и македонского).

Очень четко детерминированы правила согласования сказуемого с количественным подлежащим в чешском языке, имеющие компромиссный характер в том смысле, что для одних числительных абсолютное преимущество отдается формам ед. ч. сказуемого, а для других – мн. ч. К ним близки прави-

ла, имеющиеся в словенском, словацком и сербо-лужицких языках, хотя они и не носят такого строгого характера, а кое в чем не совпадают с чешским. Противопоставление этим правилам имеет двоякий характер: отсутствие жесткой детерминации, достаточно выраженная факультативность выбора форм сказуемого в восточнославянских языках и предпочтение форм мн. ч. сказуемого со всеми числительными в болгарском и македонском языках.

Таким образом, в ходе анализа способов согласования сказуемого с количественным подлежащим в славянских языках выявляются некоторые характерные тенденции.

Первая из них, которая с числительными типа *пять* проявлялась еще в старославянском языке, получая некоторое логическое обоснование в использовании сказуемого при числительных второго десятка, состоит в стремлении к нейтрализации противопоставления формы числа сказуемого при числительных, употребление которой основано на допустимости как расчлененного, так и нерасчлененного понимания количества. Эта тенденция в наибольшей мере проявилась в восточнославянских языках, где почти все числительные могут иметь при себе сказуемое как в единственном, так и во множественном числе. Только слово *оба* во всех славянских языках «выстояло» против этой тенденции и никогда не допускает при себе сказуемого в форме ед. ч., что связано и с особенностями сочетаний его с существительными. Все другие числительные почти во всех славянских языках хотя бы в очень малой степени проявляют колебания в выборе форм сказуемого. Больше всего колебаний допускают числительные типа *пять*, в то время как числительные 2–4 везде предпочитают формы мн. ч., а неопределенно-количественные числительные почти всегда (кроме болгарского и македонского языков – этой твердыни мн. ч.) предпочитают ед. ч. сказуемого. Нейтрализация грамматического числа сказуемого проявляется не только в том, что допускаются колебания в использовании форм числа сказуемого при одних и тех же числительных (которые связаны обычно с дополнительными условиями, в частности, с порядком слов), но и в том, что в пределах одного языка с различными числительными допускаются различные сказуемые. А это – поскольку числительные составляют один тесно спаянный семантический ряд – оказывается основанием для появления колебаний форм сказуемого при одних и тех же числительных.

Другая тенденция, присущая в наибольшей мере чешскому языку, состоит в закреплении нейтрализации форм числа сказуемого путем использования тех или иных форм сказуемого при различных числительных. При этом, поскольку формы ед. ч. закрепляются довольно жестко за одними числительными, а формы мн. ч. – за другими, нейтрализация числа проис-

ходит лишь по отношению ко всему классу числительных, в то время как отдельные из них всегда имеют при себе одно или другое число сказуемого, почти не допускают использования того и другого числа. Такое явление лишь в общем плане эволюции числительных может рассматриваться как нейтрализация. Представляется, что тенденция к свободному выбору формы сказуемого (воплощающаяся в известной мере в восточнославянских языках) столкнулась здесь со стремлением к четкой детерминированности. Как решение возникшего при таком столкновении тенденций противоречия было принято закрепление одних форм сказуемого в одних случаях, а других форм – в других.

Если чешский путь – в известном смысле слова – оказывается компромиссным, то в болгарском и македонском языках налицо другое решение возникавших противоречий. Оно связано и с тем решением противоречий, которое заключено в способах сочетания существительных с числительными в этих языках. Вместо нейтрализации числа у числительных происходит закрепление форм одного, множественного числа. Однако значение числа (а не количества), являющееся одним из основных значений числительных, приводит к тому, что полного, стопроцентного закрепления форм мн. ч. сказуемого при числительных все же не происходит. В ряде случаев оказывается допустимым использование формы ед. ч. сказуемого (что, с другой стороны, связано и с тем генетическим корнем, который в распространении форм ед. ч. сказуемого при числительных немалую роль играл и в других славянских языках – с первоначально безличными конструкциями). Значит, все же в ряде случаев наступает нейтрализация формы числа сказуемого при количественных подлежащих, более ярко выраженная при неопределенно-количественных числительных (которые в других славянских языках вообще резко предпочитают форму ед. ч. сказуемого). Таким образом, «болгаро-македонский» путь эволюции форм сказуемого при числительных тоже не оказывается завершенным.

Колебания в выборе форм числа сказуемого при числительных, присущие в той или иной мере всем славянским языкам, указывают на незавершенный характер изменений грамматических свойств числительных. Если взять рассмотренные общие тенденции, то можно отчетливо увидеть, то, что они противоречивы внутренне и внешне (по отношению друг к другу и к общим закономерностям в развитии языков). Так, «восточнославянский» путь, отвечая стремлению к унификации свойств различных числительных, к нейтрализации грамматического числа у числительных, допускает синтаксическую синонимию, которая, в общем, избегается. «Чешский» путь, отвечая стремлению к устранению ненужного параллелизма, и в известной

степени, к нейтрализации грамматического числа у числительных, чреват известными последствиями в том отношении, что он не отражает унификационных тенденций в развитии числительных, сдерживая их полное слияние в один разряд слов с общими грамматическими свойствами. «Болгаро-македонский» путь не нарушает стремления числительных к унификации, он не вносит и излишнего параллелизма, но его слабая сторона – отсутствие нейтрализации грамматического числа числительных, являющейся характерной чертой в их превращении в особую часть речи. В противоречивости проанализированных путей и заложены основы дальнейшей эволюции рассматриваемых конструкций.

Способы сочетания числительных с существительными, с определениями, особенности согласования с ними сказуемого, присущие современным славянским языкам, не находятся в стабильном состоянии. Такое состояние, по-видимому, и нереально. Синтаксические свойства числительных, как и вообще синтаксические свойства слов, изменяются в соответствии с теми общими грамматическими и, шире, языковыми, процессами, которые в них отражаются и которыми они захватываются. Это видно и на примере изменений в системе синтаксических свойств числительных в связи с выделением этих слов в особую часть речи.

Заключительные замечания о становлении числительных особой частью речи

Рассмотрение основных вопросов, характеризующих эволюцию количественных слов в славянских языках за последнее тысячелетие, показывает, что возникновение семантических предпосылок к выделению имен числительных в особую часть речи привело к ряду изменений в грамматической характеристике этих слов, которые в конечном счете обусловили кристаллизацию особого пучка грамматических оппозиций, характеризующих числительные как особую часть речи.

Лексико-семантической предпосылкой становления числительных особой частью речи является выработка общего количественного значения у всех «количественных числительных», характерного одинаковым соотношением разных числительных с соответствующими членами натурального ряда чисел. Слова, обозначавшие количество с разных сторон, различными способами, стали обозначать его единообразно. Лексическая группа числительных стала более упорядоченной.

Упорядоченность лексико-семантической группы числительных состоит в том, что ее элементы выстраиваются в такой ряд (одно-однозначно соответствующий натуральному ряду чисел), что соседние элементы этого ряда противопоставляются друг другу лишь по одному семантическому дифференциальному признаку, по признаку «больше» (5 больше 4, 6 больше 5 и т. д.). В праславянском языке, когда, например, *четыре* обозначало количество как признак некоторой расчлененно понимаемой совокупности предметов, а 5 обозначало количество как опредмеченное свойство этой совокупности, признака «больше» было недостаточно: элементы лексической группы числительных обозначали количество неоднородно. Устранение различного понимания разных количеств, семантическая унификация числительных происходила в связи с развитием математизации человеческого мышления. Оно связано еще с одним важным лексико-семантическим явлением — возникновением лексической однородности и взаимозаменимости элементов данной лексической группы. Лексико-семантическая однород-

ность числительных состоит в том, что они обозначают некоторые денотаты с одной стороны, одинаково в семантическом отношении, и проявляется в взаимозаменяемости одного элемента данной группы другим, однородным без нарушения семантической структуры данного высказывания (ср.: к 7 *прибавить 3* и к 6 *прибавить 8*).

Лексико-семантическое единство числительных оказалось в противоречии с их грамматическим разнообразием. Слова, чрезвычайно близкие, однородные семантически, оказались в грамматическом отношении разбитыми между различными частями речи (существительными и прилагательными). Лексическая взаимозаменяемость, характерная для однородных членов упорядоченных семантических групп, может осуществиться лишь в том случае, когда имелась бы и грамматическая взаимозаменяемость, являющаяся проявлением общих грамматических свойств взаимозаменяемых слов. Унификация грамматических свойств числительных призвана была привести в соответствие грамматические их свойства с лексикосемантическими.

Грамматическая унификация числительных протекала в рамках процессов, специфических для каждого из славянских языков, хотя в этих процессах и было много общего. Тот общий толчок, который получили числительные, превращаясь в особую лексико-семантическую группу слов еще на праславянской почве, по-видимому, отразился в общности некоторых основных процессов, связанных с превращением числительных в особую часть речи. Процессы грамматической перестройки числительных охватили те основные грамматические категории, которые характеризовали исходные для числительных части речи – существительные и прилагательные, прежде всего, категории грамматического числа, рода и падежа.

Категория грамматического числа в славянских языках свойственна почти всем изменяемым частям речи. Однако необходимо отметить некоторые особенности этой категории у разных частей речи.

Числительные на последнем этапе существования праславянского языка принадлежали к двум частям речи. Одни были существительными (*пять, сто*), другие – прилагательными (*один, два, три, четыре*). В соответствии с этим, одни из них обладали числом, определяемым внеязыковой действительностью, а другие имели чисто грамматическое (синтаксическое) число. Однако и у той, и у другой группы слов имелись определенные ограничения в употреблении грамматического числа, связанные с лексическим значением числа.

Слово *два* согласовалось с существительными в числе, но своим лексическим значением оно само определяло тот факт, что существительное

с этим числительным всегда употреблялось в двойственном числе. Следовательно, и само *два* имело форму двойственного числа. Эта форма использовалась и тогда, когда слово *два* субстантивировалось и, употребляясь без существительного, само называло *два* предмета. Складывалось такое положение, что числительное *два* употреблялось только в двойственном числе. Употребление его в единственном или множественном числе противоречило бы элементарной логике. (Конечно, если бы *два* было не прилагательным, а существительным, оно, обозначая одну двойку, могло бы и должно было бы употребляться в единственном числе. Однако *два* было прилагательным и имело число согласуемое, зависимое. Когда *два* субстантивировалось, употребляясь без существительного, оно называло 2 предмета, замещая сочетание слова *два* с существительным, поэтому и здесь оно было лишь прилагательным в функции существительного и должно было нести грамматическую форму этой пары слов.)

Слова *три* и *четыре*, будучи, как и *два*, прилагательными, согласовывались в числе с существительным. Однако их лексическое значение приводило к тому, что существительные, употребляясь с этими числительными, выступали во множественном числе. А это значит, что слова *три* и *четыре* всегда выступали во множественном числе (также и тогда, когда они, замещая сочетание числительного с существительным, употреблялись без существительного).

Таким образом, слова *два* – *четыре*, согласуясь с существительными в числе, сами не изменялись по числам, будучи своеобразными прилагательными *dualia* или *pluralia tantum*.

Слова *пять*, *шесть* и т. д. были именами существительными. Они имели, следовательно, грамматически независимое число. Мыслились, представлялись существительные типа *пять*, видимо, подобно современным существительным типа *горсть*, *корзина*, *куча*, т. е. как некие идеальные или реальные вместилища. Поэтому множественное или двойственное число их ожидалось бы в том случае, если бы речь шла о раздельно, расчлененно понимаемой совокупности этих «вместилищ», которая могла возникнуть при счете пятерками, шестерками и т. д. Реально такой способ счета не использовался. Лишь десяток или сотня были основаниями для счета. Только названия этих количеств употреблялись во множественном или двойственном числе. Впрочем и здесь имелись довольно значительные ограничения. Множественное и двойственное число слов *десять*, *сто* главным образом встречались при счете, т. е. при других числительных: два десятка, три десятка, пять десятков. Свободно, без других числительных слова *десять*, *его* во множественном числе, видимо, не употреблялись. Слова же *пять*,

шесть, семь, восемь, девять, очевидно, вообще не использовались во множественном числе. Таким образом, числительные-существительные почти исключительно употреблялись в единственном числе.

То, что почти все числительные употребляются исключительно в одном грамматическом числе, приводило к тому, что корреляция числа у числительных ослаблялась, осуществлялась лишь между разными числительными, а не внутри одной парадигмы.

Намечаются некоторые противоречия в отношении грамматического числа у числительных. Во-первых, оказывается противоречивым положение о том, что если большинство существительных и прилагательных изменяется по числам, то числительные-прилагательные и числительные-существительные употребляются лишь в одном числе. Во-вторых, у числительных-прилагательных число оказывается грамматически зависимым, в то время как у числительных-существительных грамматическое число самостоятельно. В-третьих, одни числительные употребляются лишь в единственном, другие – лишь в двойственном, а третьи – лишь во множественном числе.

Установление числительных в единый лексико-семантический числовой ряд требует грамматической их унификации, которая должна охватывать и отношение числительных к грамматическому числу. Противоречия между разными числительными должны быть преодолены.

Это тем более становится настоятельным требованием, что в некоторых числительных указанные противоречия между словами становятся противоречиями внутри слова. Речь идет о числительных 11, 12, 13, 14, 20, 30, 40 и др. Анализ старославянских числительных показывает, что именно у сложных и составных числительных, оказавшихся в фокусе противоречий, присущих числительным на раннем этапе их превращения в особую часть речи, начинали вырабатываться черты, свидетельствующие о первых шагах к становлению числительных особой частью речи.

Четвертое, и, может быть, главное противоречие, возникшее в отношении числительных к грамматическому числу, связано со значением грамматического числа. А. В. Исаченко определяет противопоставление значений множественного и единственного числа как противопоставление выраженной или невыраженной расчлененности¹. Денотат числительных (т. е. явление внеязыковой действительности, обозначаемое числительными) – число. Оно может быть представлено, понято и как расчлененное, и как нерасчлененное, как единство ряда единиц или как их совокупность.

¹ Исаченко А. В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 37.

И то и другое понимание числа вполне совместимы и не противоречат друг другу. Следовательно, числительные способны одновременно выражать и не выражать расчлененность, т. е. быть словами и множественного, и единственного числа сразу. Таким образом, возникает противоречие между тем, что грамматическое число формально выражено у числительных, а противопоставления значений грамматических чисел у числительных нет.

Наметившиеся еще в праславянском языке противоречия в отношении числительных к грамматическому числу, были как всякие противоречия, двигателями развития.

Первое из указанных противоречий можно охарактеризовать как противоречие между словами, обозначающими числа, и другими словами, входившими в классы существительных и прилагательных. Второе и третье противоречия—это противоречия между разными словами, обозначающими числа. Наконец, четвертое противоречие — это противоречие между словами, обозначающими числа, и категорией грамматического числа.

Преодоление этих противоречий является одним из важнейших элементов содержания развития слов, обозначающих числа. Логически естественный путь преодоления указанных противоречий состоит в том, чтобы слова, обозначающие числа, отделились от других существительных и прилагательных, превращаясь в особую часть речи, чтобы отношение у всех этих слов к грамматическому числу стало бы одинаковым, и, наконец, чтобы это отношение стало никаким, чтобы оно нейтрализовалось. Становящаяся часть речи—числительное — должно идти по пути утраты категории грамматического числа.

Но при следовании по этому магистральному пути возникали некоторые трудности. Грамматическое число принадлежит к числу наиболее универсальных категорий: все изменяемые части речи (существительные, местоимения, прилагательные, глаголы) в славянских языках изменяются по числам. Синтаксические отношения частей речи построены, в частности, на согласовании глаголов и прилагательных с существительными и местоимениями в числе. Все формы изменяемых слов, как правило, являются формами какого-то числа. Внечисловых форм нет, нет и «общего» числа.

Сохранение в некоторых славянских языках двойственного числа является существенным препятствием на пути формирования у числительных общих свойств. Влиятельное *два* в лужицких и словенском языках не совпадает по своим свойствам со словами *три* и *четыре*. Но вместе с тем, оно поддерживает *три* и *четыре* как согласующиеся слова. Система согласования хоть и невелика (впрочем, достаточно важна, поскольку числительные 2—4 употребительнее всех других числительных), но не расшатана утратой двой-

ственного числа. У числительных 2–4, с одной стороны, и числительных 5 и т. д., с другой, слабо вырабатываются общие свойства. Надо сказать, что сохранение двойственного числа лишь сдерживает развитие общих свойств у разных числительных, но не полностью останавливает этот процесс.

В тех славянских языках, которые утратили двойственное число, унификация числительных в отношении к грамматическому числу имеет большие возможности. Унификация эта, стремящаяся к постановке числительных вне категории числа, в реальности, однако, должна была протекать на базе тех или иных числительных. Образцом для унификации менее всего могли быть весьма специфические в отношении числа слова 1 и 2, хотя, например, в польском языке числительное 2 (*a* значит, и двойственное число) оказало большое влияние на все числительные, в особенности на формы их склонения. Унификация могла скорее происходить на базе числительных типа 5, которые были существительными *singularia tanturri* или же по образцу числительных 3 и 4, которые являлись прилагательными *pluralia tantum*.

Внеязыковая действительность позволяла числительным встать на оба пути одновременно. В этом отношении наиболее показательны данные восточнославянских языков. В русском языке и числительные 2–4, и числительные типа 5, входя в подлежащее, допускают как единственное, так и множественное число сказуемого.

Если рассматривать тенденции в изменении сочетаний числительных с существительными с точки зрения грамматического числа, то оказывается, что и здесь больше всего распространялось согласование числительных с существительными по множественному числу. *Два* примкнуло к *три* и *четыре*, в косвенных падежах встречается согласование числительных типа 5 с существительными, употребляемыми во множественном числе.

Если, далее, взять эволюцию склонения числительных, то в ней проявляется, наряду со стремлением к упрощению и утрате склонения, некоторое стремление к распространению окончаний соотносимых с окончаниями множественного числа (ср. укр. *п'ятьох*, *п'ятьом* и аналогичные словенские, словацкие, лужицкие факты и явления русских, белорусских, чешских говоров).

Отмеченные явления позволяют, как будто, говорить о большей силе стремления к унификации числительных на базе множественного числа. Это объясняется, по-видимому, комплексом ряда причин: влиянием числительных 3 и 4, тем более сильным, что 3 и 4 сначала объединяются с 2; атрибутивной смысловой функцией числительных, которая не вяжется с тем, что определение управляет определяемым; реальномножественным значением количеств, допускающим и во многих случаях предпочитающим расчлененное их понимание.

Однако полной унификации числительных по множественному числу ни в одном славянском языке, в том числе македонском и болгарском, где этот процесс продвинулся далее всего, не произошло. Числительные не стали *pluralia tantum*. Это связано, в частности, с тем, что в болгарском и македонском языках сохраняются особые сочетания числительных с так называемой счетной формой существительных мужского рода (типа *два, пет лева*), которые мешают полному отождествлению сочетаний числительных с существительными сочетаниям прилагательных с существительными во множественном числе. Наряду с этим существенно отметить и то, что в единственном числе применяется сказуемое при описании арифметических действий, когда числительные, выступая без существительных, обозначают абстрактное число.

Значение, семантика абстрактного числа (а не количественного определения) и вообще, видимо, является важной в отношении судеб числительных, а в частности – судьбы единственного числа у них. Возможно, в последнем некоторую роль играет то обстоятельство, что числительные без существительных, обозначающие числа, а не количества, употребляется более равномерно, относительная доля слов 2–4 в общем употреблении числительных становится меньшей, и поэтому числительные типа 5 легче оказывают на них свое влияние. Нужно учесть и то, что при обозначении абстрактного числа денотат числительного чаще мыслится нерасчлененным, чем в случаях с обозначением количества предметов, которое чаще представляется расчлененным. Абстрактные числа сохраняют согласование по единственному числу в болгарском и македонском языках и играют значительную роль также в других славянских языках в сохранении и распространении форм единственного числа сказуемого при числительных.

Весьма употребительно единственное число сказуемого при количественных подлежащих в западнославянских языках, утративших двойственное число: польском, чешском, словацком. В этих языках единственное число сказуемого систематически употребляется при числительных типа *пять* (кроме словацких лично-мужских числительных типа *piati*), неопределенно-количественных числительных, а в польском языке и при лично-мужских числительных. Но и в этих языках с относительно строгой регламентацией употребления числа сказуемого при количественном подлежащем (очень редко в чешском и несколько чаще в польском) встречаются колебания, и множественное число «прорывается» в конструкции с числительными типа 5, а единственное число – в конструкции с числительными 2–4. Эти факты можно рассматривать как (хотя бы слабое) проявление стремления

к унификации нейтрального отношения числительных к числу, подобного тому, которое сложилось в восточнославянских языках.

Надо сказать, что формы единственного, числа сказуемого при числительных в славянских языках обладают весьма специфическим характером. Это по существу не единственное число в полном смысле слова. Форма единственного числа в случаях, когда она встречается в словах родоизменяемых, неизменно связана с формой среднего рода. Форма единственного числа среднего рода при числительных в подлежащем представляется аналогичной форме сказуемого при подлежащих вроде *ура* или *эм: грянуло ура, эм расплылось*. Такие подлежащие не выражают числа (ср. *грянули ура, эм расплылись*). Использование формы единственного числа среднего рода сказуемого при числительных является, по-видимому, выражением того, что эти слова стоят вне грамматического рода и числа. Форма единственного числа используется здесь в функции нейтрального, никакого числа. Форма множественного числа является маркированной, значение ее более очерчено, потому, поскольку отсутствуют особые формы, стоящие вне числа, в функции нейтрального (никакого и вместе с тем – всякого) числа должна употребляться форма единственного числа. Форма единственного числа является здесь выражением нейтрализации числительных в отношении к грамматическому числу. По-видимому, даже в словенском и чешском языках, где весьма строго проводится использование этой формы с числительными типа 5, нельзя видеть в числительных этого типа некие существительные среднего рода единственного числа.

Таким образом, во всех славянских языках отмечается проявляющаяся в большей или меньшей степени тенденция к утрате числительными грамматического числа. Она охватывает и такие новые образования, как 12 и 20, и сближающиеся с числительными количественными собирательные типа *двое, четверо* (в том случае, если они отделяются от видовых с их ярко выраженным значением прилагательных). Лишь слова *один* и *тысяча*, не входящие полностью в ряд числительных, сохраняют грамматическое число. Вообще же славянские числительные (за исключением болгарских и македонских) довольно ярко представляют нейтрализацию числа. Грамматическое число – категория, утрачиваемая числительными в славянских языках.

Грамматический род в современных славянских языках присущ именам существительным и именам прилагательным (а также причастиям и глагольным формам, образуемым на базе причастий).

Числительные в славянских языках нейтрализуются по отношению к роду. Такое положение сложилось в процессе кристаллизации свойств

числительных как особой части речи. При этом крайние члены числового ряда (слова *один* и *тысяча*) сохраняют род во всех славянских языках; сохраняется, хотя и с некоторыми ограничениями, изменение по родам числительного *два*, а в словенском языке также слов *три* и *четыре*.

Числительные сформировались из слов, принадлежавших к существительным и к прилагательным. Одни обладали тем или иным родом (*пять* – женского рода, *сто* – среднего, *десять* – мужского или женского, вост.-слав. *сорок* – мужского), другие (*один* – *четыре*) изменялись по кодам.

Семантическая консолидация числительных наталкивалась на их грамматическую пестроту. Возникало и противоречие в отношении к роду между словами, стремившимися консолидироваться: одни из них обладали родом, другие – изменялись по родам. С особой остротой это противоречие обнаруживалось в сложных числительных. Сходные по модели образования числительные типа 12 и 15 оказывались различными по отношению к роду: первое было родоизменяемым, а второе – «родообладающим». А между тем, тенденция к грамматической унификации, характерная для части речи в процессе становления, настоятельно требовала уединоображения числительных вообще, а столь близких по модели числительных, как 11–14 и 15–19, в частности, в их отношений к грамматическому роду.

Унификация отношения числительных к роду могла бы происходить по одному из типов существовавших отношений числительных к роду.

Автономный независимый род существительных является одним из основных выявлений предметности существительных. Закрепление числительных как слов одного из родов означало бы дальнейшее закрепление их предметности; числительные оставались бы по своим свойствам близки к существительным. Надо сказать, что проявление такой тенденции имело место в истории славянских языков.

Этот путь унификации не оказался продуктивным. Те славянские языки, которые (надо сказать, неуверенно) на него становились, вскоре сходили с этого пути. Дело в том, что одно из главнейших семантических своеобразий, возникавших как особая часть речи числительных, состоит в превращении их в обозначения чистого количества, не мыслимого как предмет, абстрактного числа.

Утрата числительными предметности является одной из главных семантических тенденций в их развитии. Число перестает осознаваться как предмет, и, что существенно, это начинает отражаться в языке. Новое числительное перестает быть предметным, оно перестает быть существительным. Число, по характеристике Ф. Энгельса, превращается в «чистейшее количественное определение». Предметность противоречит определительной функции числительных.

Числительные 1–4 по употребительности могут быть охарактеризованы как наиболее частые числительные. Естественно поэтому, что эти числительные (хотя их немного) могли бы выступить в качестве образца, по которому происходила унификация числительных в отношении к роду. Этого, однако, не произошло.

Сложная совокупность значений слова *один* не позволяет этому слову полностью стать числительным. Не являясь типичным числительным, оно не могло служить образцам перестройки отношения числительных к грамматическому роду.

Роль образца скорее могли выполнить числительные 2, 3, 4. Но эти слова, согласуясь с существительными, употребляемыми в двойственном или множественном числе, сами оказывались, следовательно, прилагательными, употребляющимися только в двойственном или множественном числе. А во множественном и в двойственном числе родовые отличия прилагательных были ослаблены, они имели тенденцию к стиранию (и в некоторых славянских языках – восточнославянских, болгарском, македонском, нижнелужицком – действительно, стерлись, а в польском, словацком и верхнелужицком серьезно преобразовались). Родоизменяемость числительных 2–4 ограничивалась лишь формами имениглагола, а для 2 также винительного падежей. В косвенных падежах формы этих числительных для всех трех родов были тождественны.

Все это обусловило то обстоятельство, что числительные 2–4 не оказались достаточно сильными по родоизменяемости, чтобы стать образцом в этом отношении для других числительных.

Надо отметить, что путь превращения числительных в прилагательные множественного числа, поскольку прилагательные во множественном числе имеют стертые родовые отношения, означал бы в сущности стирание родовых отношений. Числительные-прилагательные стали бы приложимыми к любому существительному, т. е. стали бы словами всякого и вместе с тем никакого рода. Одним из главных препятствий к использованию такого пути являются не родовые отношения, а грамматическое число.

Наиболее далеко по такому пути пошли болгарский и македонский языки (утратившие, как известно, родоизменение прилагательных во множественном числе). Однако и здесь то обстоятельство, что наряду с формой *мн. ч.* существительных при числительных используется особая счетная форма существительных (в сущности управляемая числительными), а также встречаются (хотя и редко) конструкции с единственным числом сказуемого при числительных в подлежащем, не позволяет говорить о том, что числительные уже превратились здесь в прилагательные множественного числа.

Специфические преобразования в системе числительных произошли в языках, которые сильнее других развили личномужской подрод (категорию мужского лица) – польском (с кашубским), словацком, верхнелужицком и несколько иначе в нижнелужицком. Здесь сложилась корреляция лично-мужских и немаркированных (женско-вещных) числительных. Лично-мужские числительные в словацком и верхнелужицком превращаются по сути дела в прилагательные множественного числа: существительные выступают при них в форме мн. ч., а пйдеж числительного и существительного совпадает. Однако немаркированная форма остается управляющей, с ней употребляется род. п. мн. ч. существительного, а числительные вообще не становятся прилагательными. Это подкрепляется и тем обстоятельством, что сказуемое при числительных типа 5 выступает в форме единственного числа. В польском языке лично-мужские числительные типа 5 имеют при себе существительные в род. п. мн. ч., а сказуемое с любыми числительными типа 5 выступает обычно в форме единственного числа (среднего рода).

Одним из факторов, являющихся помехой превращению числительных в прилагательные множественного числа, было развитие у числительных значений числа, а не количества. Если обозначение количества обычно употребляется в сочетании с существительным (указывающим на то, количество чего измеряется), то число более самостоятельно, обозначение числа выступает без существительного. А именно в этом случае особенно мешало бы значение множественного числа прилагательного. Надо отметить и то, что языки, имеющие числительные лично-мужского подрода, в собственно числовом значении, для обозначения абстрактных чисел используют немаркированные числительные.

Иначе говоря, имеется противоречие в значении, а с ним и в функции числительного: с одной стороны, числительное обозначает количество предметов и выступает как количественное определение, но, с другой стороны, оно обозначает число и в этом значении является синтаксически самостоятельным (может быть управляемым, но не является согласуемым). Первое из указанных значений в принципе допускало бы, чтобы числительные изменялись по родам, чтобы они были прилагательными (мн. ч.). Второе же значение числительного противоречит его атрибутивной функции и свойствам прилагательного, скорее сближает числительное с существительным (хотя и с той существенной особенностью, что числительное обозначает не предмет, а число).

Выход из этого противоречия – поскольку унификация по тому или другому из существовавших типов противоречила бы наличным у числительных двум оттенкам значения – состоит в нейтрализации отношения числительных к роду, в постановке этой части речи вне грамматического рода.

Полная нейтрализация отношения числительных к роду отличается от перехода их в прилагательные множественного числа тем, что она не только не противоречит, но и соответствует как утрате числительными грамматического числа, так и совмещению в числительных двух основных оттенков их значения и двух их основных функций (квантитативной и нумеративной).

Становясь вне категории рода, числительные, с одной стороны, не развивают предметность при выполнении нумеративной функции, а с другой стороны, будучи способны соединяться с существительными любого рода, не согласуются с ними в числе, утрачиваемом числительными; не должны перестраиваться и типы сочетаний числительных с существительными.

Наиболее серьезным препятствием на пути нейтрализации отношения числительного к роду является то, что те изменяемые части речи, которые имеют род, приписывают свои формы тому или иному роду. Значит, в том случае, если эти слова должны согласоваться с числительными, они должны все же выступать в том или ином роде.

Разрешение этой трудности возможно двоякое. Во-первых, как уже отмечалось, во множественном числе родовые отличия стираются. А поскольку числительные, обозначая реально множество предметов, которое может быть понято и как расчлененное и как нерасчлененное, нейтрализуют свое отношение к числу, с ними может согласоваться слово, употребленное и во множественном числе. Во-вторых, один из трех родов – средний – является наиболее нейтральным, он в некоторых отношениях как бы противопоставлен не только двум другим родам, но и роду вообще как некий нейтральный род. Это открывает возможность использования согласуемых с числительными слов в форме среднего (нейтрального) рода. Обе эти возможности и осуществляются в славянских языках, причем, можно сказать, что в каждом используются обе эти возможности, но соотношение их использования различно.

Утрата числительными рода – длительный процесс, происходящий на протяжении всей письменной истории славянских языков и еще не заверченный, соответствующий общему направлению формирования грамматических свойств числительных как новой части речи.

Наблюдения над склонением числительных в славянских языках показывают, что в этом склонении повсеместно наступают определенные упрощения, а в некоторых случаях числительные утрачивают формы склонения. Этим, однако, не может быть исчерпан вопрос об отношении числительных к категории падежа в славянских языках.

Поскольку числительные в праславянском языке, не являясь особой частью речи, относились к существительным и прилагательным, падеж

числительных-прилагательных (2, 3, 4) был целиком синтаксической категорией, а падеж числительных-существительных (5, 10, 100 и др.) имел характер, типичный для существительных: именительный падеж служил для выражения субъекта действия, а косвенные падежи обозначали объекты.

Два главных фактора определяют перестройку падежной системы славянских числительных. Оба они связаны с развитием числительных как особой части речи. Во-первых, сближаясь семантически, числительные и в грамматическом отношении стремятся к унификации. С другой стороны, семантическое сближение числительных происходит на базе более или менее отвлеченного понятия арифметического числа и, следовательно, влечет за собой утрату числительными-существительными предметности, которую те первоначально обладали.

Возникают противоречия в отношении числительных и падежа. С одной стороны, функции падежей у разных числительных (числительных-прилагательных и числительных-существительных) противоречат друг другу. С другой стороны, противоречие развивается в результате стирания предметного значения у числительных и яркой предметностью косвенных падежей существительных, превращающихся в числительные. В-третьих, противоречиво взаимоотношение значения числительного как количественного определения и его относительно самостоятельного несогласуемого падежа. Зависимый же, согласуемый падеж числительных-прилагательных вступает в противоречие с самостоятельным употреблением числительных как обозначений чисел.

Как известно, семантическое развитие числительных вело за собой их грамматическую унификацию. При этом унификация стремится произойти по одной из имевшихся моделей – числительных-существительных или числительных-прилагательных. Унификация падежа числительных по одному из существующих образцов разрешала бы противоречие, состоящее в разном отношении к падежу у разных числительных, поскольку в этом случае отношение к падежу стало бы у всех числительных одинаковым. Но это ведь не единственное противоречие в отношении числительных к падежу.

Сохранение и обострение или, наоборот, сглаживание других противоречий зависит от того конкретного пути унификации, который избирается.

Числительные, являясь обозначением числа (не только количества, но именно числа), нередко выступают самостоятельно без существительных. Это мешает полному использованию пути развития отношений числительных к падежу по модели прилагательных. Особенно часто числительные как обозначения чисел употребляются в форме именительного падежа, который, однако, весьма специфичен. Имеется стремление заменять этой формой

другие формы, а с другой стороны, эта форма, особенно при обозначении арифметических действий, оказывается, строго говоря, вне падежных значений, ср. *два плюс три равно пять*. Поэтому в именительном падеже на числительные в славянских языках не распространилась полностью модель прилагательных. Такой путь означал бы сильное обострение противоречия между зависимой, синтаксической формой прилагательных и самостоятельным употреблением числительных, особенно в номинативе.

В косвенных падежах этот путь оказывается в меньшей степени противоречивым, ибо в косвенных падежах реже употребляются числительные как обозначения чисел; в косвенном падеже обычно числительные – это обозначение количества. А в связи с этим тяжесть выражения объектных отношений лежит уже не на числительном, а на существительном, обозначающем считаемые предметы. Числительному же достаточно выразить свою связь с этим существительным.

С другой стороны, унификация падежных отношений числительных по образцу существительных противоречила бы утрате числительными предметности и ярко выраженной предметности существительных, в частности в косвенных падежах, где характерные значения объектов действия придают падежному значению особый предметный оттенок. Поэтому едва ли можно ожидать распространения падежной модели существительных на все числительные во всех падежах.

Наименее противоречивым оказывается, как явствует из изложенного, путь обобщения падежной модели прилагательных в косвенных падежах. По этому пути пошли все славянские языки. Только болгарский и македонский языки с их общей утратой склонения, а также сербско-хорватский язык, в котором утрачено склонение числительных типа *пять*, составляют исключение. Во всех других славянских языках косвенный падеж числительного согласуется с падежом существительного.

Таким образом, косвенный падеж числительных в славянских языках – согласуемый, развившийся на базе согласуемых конструкций числительных 2, 3, 4. Иначе обстоит дело с именительным падежом. Здесь прежде всего обращает на себя внимание отсутствие единого типа отношений как в пределах каждого отдельно взятого славянского языка, так и между славянскими языками в целом.

Если взять отдельные славянские языки, то можно легко установить, что именительный-винительный падеж числительного *пять* и под. почти везде и всегда остается самостоятельным. Более разнообразны конструкции числительных 2, 3, 4 в именительном падеже с существительными, и, следовательно, отношение этих числительных к падежу. В части славянских

языков числительные 2, 3, 4 явно выступают как согласуемые, подчиненные по отношению к существительным, обозначающим считаемые предметы. Прежде всего это относится к языкам, сохраняющим двойственное число: словенскому и лужицким. В чешском и словацком языках числительные 2, 3, 4 тоже согласуются с существительными. С известными оговорками можно писать о согласовании числительных 2–4 и применительно к польскому, украинскому, белорусскому языкам. В сербско-хорватском языке числительные 2–4 согласуются с существительными женского рода, а в болгарском и македонском, как и с другими числительными, со словами 2–4 употребляется форма (им. п.) мн. ч. существительных женского, среднего, а подчас и мужского рода. Иначе обстоит дело в русском языке, а также – в мужском роде – в сербско-хорватском языке. Здесь с числительными 2–4 существительные выступают в род. п. ед. ч. Связь между числительными и существительными носит здесь идиоматический (в синтаксическом отношении) характер, возможно, она должна квалифицироваться как управление. Так или иначе в этом случае числительное уже не может рассматриваться как согласуемое определение при существительном. Именительный падеж числительного в этом случае является, видимо, самостоятельным.

Таким образом, в славянских языках складывается различное отношение к падежу, у числительных в прямых и косвенных падежах, с одной стороны, разное отношение к падежу у различных числительных, с другой, при разном отношении числительных к падежу в разных языках, с третьей.

Болгарский и македонский языки с их утратой склонения оказываются нейтральными в отношении обоих указанных противоречий: в них просто нет прямых и косвенных падежей (в интересующем нас аспекте), а все числительные одинаково сочетаются с существительными.

Русский и сербско-хорватский языки (последний – по крайней мере для существительных мужского рода в случае сочетаний с числительными 2–4) имеют независимый именительный падеж всех числительных и согласуемые косвенные падежи.

Остальные славянские языки, если отвлечься от некоторых частных особенностей, имеют независимый именительный-винительный падежи числительных типа 5, согласуемые косвенные падежи этих числительных и согласуемые же все падежи числительных 2–4. Тенденции в развитии отношений числительных к падежу в этих языках проявляются разные: с одной стороны, некоторые формы числительных типа 5 в сербо-лужицких языках согласуются с существительными и в именительном падеже, а с другой – одна из форм числительных 2–4 в польском употребляется с род. п. мн. ч. существительных и в тех случаях, когда имеет значение именительного падежа (речь идет о лично-мужской форме в случаях типа *dwóch studentów*).

В лужицких и словацком языках числительные типа 5 в сочетании с существительными в косвенных падежах иногда остаются неизменными при изменении существительных. Подобные факты примыкания отдельных числительных известны – хотя бы как разговорные или диалектные – во всех славянских языках; в частности, наиболее значительной группой являются здесь польские лично-мужские числительные типа 5. Возможно, что на появлении таких конструкций сказалось и противоречие, состоящее в различном, то подчиненном, то главенствующем характере падежа у числительных, хотя дело не только в этом. Числительное и в этих случаях продолжает оставаться в позиции подчинения. Отождествить такие случаи с утратой числительными склонения, т. е. вообще противопоставления падежей, по-видимому, нельзя.

Во-первых, ни в одном славянском языке, исключая болгарский и македонский языки, вообще утратившие склонение, не отмечаются утраты склонения всеми числительными. Весьма важные, по частоте употребления числительные 2–4 сохраняют склонение. Между тем, имеется стремление к тому, чтобы все числительные были едины по своим свойствам. Следствием этого является то, что все числительные воспринимаются как склоняемые.

Во-вторых, если речь идет не об отдельных словах типа укр. *півтора/півтори* или чешек, *sto, malo, půl*, а о крупных группах слов вроде числительных типа 5 в сербо-лужицких языках и в словацком, надо подчеркнуть, что группы утрачивают формы падежей не вообще, а лишь в сочетаниях (и то не во всех) с существительными. Без существительных эти числительные изменяют формы падежей.

В-третьих, при утрате формы падежа сохраняется синтаксическое противопоставление прямых и косвенных падежей; в первом случае числительное типа 5 управляет род. п. мн. ч. существительного, а во втором случае – примыкает к изменяемому существительному.

Таким образом, в этих случаях нельзя усматривать нейтрализацию падежных оппозиций числительных, здесь имеет место не нейтрализация, а омонимия падежей.

Иначе обстоит дело с падежом числительных типа 5 в сербско-хорватском языке. Здесь не только само числительное остается неизменным, но в значении косвенных падежей выступает неизменяемое сочетание числительного с существительным. Надо отметить, что в разговорной речи (а вслед за ней и в печати) стали встречаться неизменные конструкции и с числительными 2–4. По-видимому, разрешение противоречия прямых и косвенных падежей числительных в сербско-хорватском языке стало осуществляться путем нейтрализации падежной оппозиции числительных.

Однако при современном положении с числительными 2–4 еще нельзя говорить о полной нейтрализации у числительных как части речи категории падежа.

Поскольку сербско-хорватский язык пошел по пути нейтрализации падежных оппозиций числительных, а оппозиции числа и рода у числительных тоже нейтрализованы, числительные в сербско-хорватском языке становятся неизменными словами, и некоторые языковеды полагают, что они превращаются в наречия (хотя обычно и выделяют особую группу количественных наречий). Так ли это? Дело, конечно, не в названии. Если понимать под наречиями любые неизменяемые полнозначные слова, то можно назвать числительные наречиями. Но, если стремиться выделить части речи как лексико-грамматические разряды самостоятельных слов, характеризующиеся пучками грамматических (т. е. морфологических и синтаксических, прежде всего вытекающих из первичных синтаксических функций слов) оппозиций, нетрудно обнаружить, что наречия в узком смысле слова и числительные четко противопоставлены по их первичным синтаксическим функциям. Еще А. Н. Белич отмечал, что числительные не имеют главных особенностей наречий – сочетаний с глаголами, прилагательными и наречиями. Они употребляются только с существительными. Не менее важно и то, что числительные способны употребляться как подлежащие, что невозможно (без весьма специфической субстантивации) для обычных наречий. Значит, в этом случае числительные сохраняют значение и функцию им. п., который, однако, противопоставляется не другим падежам, а не-падежу. Падеж в этом смысле как некая номинативность является общим свойством имен (существительных, местоимений, числительных); как слова с независимым падежом эти имена противопоставлены именам с зависимым падежом (прилагательным, причастиям) и словам без падежа (глаголам, наречиям, категории состояния, деепричастиям).

Таким образом, славянские числительные в значительной мере отличаются в различных языках по отношению к падежу. Наиболее общим является, пожалуй, развитие противопоставления прямых падежей, имеющих самостоятельный характер, косвенным, согласующимся (разумеется, это противопоставление могло развиваться в тех языках, где склонение не было утрачено). С другой стороны, это противопоставление, по-видимому, внутренне противоречиво, и в славянских языках наблюдаются попытки преодоления противоречия на путях внедрения неизменяемости числительных. Однако в большей части случаев неизменяемость числительных неравнозначна нейтрализации падежных оппозиций у числительных, а означает лишь развитие падежной амимии. Только в болгарском и маке-

донском языках, вообще утративших склонение, числительные полностью нейтрализовали падежные оппозиции. Сербско-хорватский язык тоже близок к нейтрализации падежных оппозиций у числительных, что является выражением общей тенденции к выработке у числительных отрицательных грамматических свойств. Возможно, что и в других славянских языках имеются некоторые зачаточные случаи нейтрализации падежей.

Однако нейтрализация падежных оппозиций не означает превращения числительных в наречия. Числительные, способные выступать в качестве подлежащего и выполнять номинативную функцию, остаются близки к существительным и местоимениям, составляя вместе с ними три части речи, объединяемых по чисто синтаксической классификации слов в группу «субъектив-объектив».

Специфическая семантика числительных, противоречие в их значениях числа и количества проявляются в их падежных отношениях в том, что косвенные падежи, обозначающие количества, сближаются с прилагательными (от которых они отличаются отсутствием категории числа и неразличием рода, что, впрочем, вообще характерно для прилагательных во множественном числе). Это сближение с прилагательными, если бы оно охватило и именительный-винительный падеж, привело бы, по-видимому, к поглощению числительных прилагательными, к превращению их в прилагательные *pluralia tantum*, возможно, с некоторыми особенностями склонения. Не случайно, что отдельные факты развития в этом направлении касаются лично-мужских числительных, которые обозначают только количество (не число). Таким образом, – в плане семантическом – была бы нейтрализована оппозиция признака, понятого как количественный, и признака, не понятого как количественный.

Немаркированные числительные, обозначающие число (обычно они обозначают и количество), в силу своей способности выступать в качестве субъекта способны скорее нейтрализовать свое отношение к падежу, превратиться в особый отряд неизменяемых имен, этой неизменяемостью отличающихся от других имен. Сербско-хорватский путь близок к такому. Русские конструкции типа *пять плюс три* и под. ярко иллюстрируют специфически числовую, а не количественную основу таких изменений.

Двойственна и противоречива природа числительных не только в диахроническом, но и в синхроническом понимании. Числительному предстоит, как будто бы, выбрать один из путей:

1) стать только атрибутивом, признаком, понятым как количество; но это будет означать, видимо, слияние числительных с прилагательными, или

2) стать только субъективом-объективом, причем его семантика числа (а не количества) оказалась бы на первом месте; в этом случае нейтрализация оппозиций рода, числа и, в некоторых случаях, падежа будет отличать числительные от существительных.

Возможен и третий, комбинированный путь: одна из форм числительных, маркированная как обозначение количества, пойдет по первому пути и сольется с прилагательными, а другая форма пойдет по второму пути.

Выбор любого из этих путей разрешил бы противоречивое положение с падежом у числительных. Вполне возможно, что разные славянские языки пойдут по разным путям дальнейшего грамматического развития числительных.

Но нельзя исключить – по крайней мере для некоторых славянских языков – и возможности дальнейшего укрепления нынешнего положения с числительными: дальнейшего развития противопоставления прямых и косвенных падежей числительных, быть может, выработки даже специфической системы – двухпадежной системы оппозиций, а не двухпадежной системы окончаний. Такая система стала бы первым «положительным» грамматическим признаком числительных.

Как отметил А. А. Реформатский, многие свойства числительных отрицательны. Это и понятно. Оформляясь сравнительно недавно в особую часть речи из существительных и прилагательных, числительные не вырабатывали нового репертуара грамматических категорий. Для этого числительные слишком маломощны. Их своеобразие складывалось путем отказа от тех, избыточных для числительных, свойств, которые присущи были существительным и прилагательным. Гибридная грамматическая природа числительных вела к возникновению противоречий в этом ряде слов, исключительно близких семантически, но разных по грамматическим особенностям. Разрешение этих противоречий приводит к грамматической нейтрализации числительных – утрате грамматического числа, рода, ослаблению склонения и т. д.

Одним из проявлений грамматической нейтрализации числительных в синтаксическом плане является все учащающееся использование числительных без существительных, причем в весьма своеобразных синтаксических отношениях к другим словам. Наиболее ярко такая синтаксическая изоляция числительных видна в словесном воспроизведении процесса счета, когда числительное является совершенно неотягощенным каким бы то ни было отношением к предметности обозначением числа. В выражениях типа *пять плюс пять* синтаксическая функция слов *пять* и тип их синтаксической связи с другими элементами высказывания и друг с другом трудно

поддается расшифровке. Если в выражениях типа *дом восемь дробь один* еще можно считать числительное определением к слову *дом*, то в этом же выражении становится несводимой к «нормальным» синтаксическим отношениям связь слов *восемь дробь один*. Это словесное обозначение чисел и арифметических операций над ними (в данном конкретном случае – это воспроизведение записи) и только.

Числительные в известной мере могут рассматриваться как некоторые «заимствованные» элементы в обычной речи, ибо на числительных можно пронаблюдать тот процесс креолизации естественных языков со знаковыми системами наук, который характерен для современной эпохи бурного проникновения науки и техники в повседневную жизнь. Именно поэтому числительные отличаются многими признаками терминологических систем, такими, как отсутствие омонимии, прозрачность и простота словообразовательной структуры, устранение дублетности (синонимии). Числительные характеризуются высокой степенью системности, присущей терминологии, высокой степенью экономичности правил установления соотношений между элементами системы.

Процесс становления числительных как особой части речи – длительный исторический процесс, отражающий сложность взаимодействия целого ряда факторов как внутри-, так и внешнеязыкового характера, а в частности, противоречивое и сложное взаимодействие лексики, семантики, грамматики. Таким образом, рассмотрение становления числительных в процессе превращения их в особую часть речи в славянских языках может служить иллюстрацией «межъязыковых» связей в языковой структуре, а также, некоторых путей реализации связей и взаимодействия языка – мышления – общества. Связи эти, проявляющиеся прежде всего в синхронии, в процессе динамического функционирования языка, находят свое воплощение и в процессе эволюции языка. Это и понятно: история языка творится в бесконечном множестве синхроний, накладывающихся друг на друга.

Славянские числительные интересны тем, что при всех отличиях, которые имели место в развитии числительных в отдельных славянских языках, в них вырисовываются некоторые общие черты в развитии, такие, как утрата числа и рода. В осуществлении этих общих тенденций имеется немало своеобразного для отдельных славянских языков. Однако та общая программа изменений, которая была задана общим исходным материалом и общими семантическими преобразованиями, происходившими на базе совершенствования понятия числа и проникновения его в повседневную жизнь, несмотря на эти особенности, все же реализовалась во всех славянских языках довольно последовательно. Программа эта, выполнение

которой нельзя считать законченным (как и все процессы, происходящие в языке, ибо завершение одного этапа чревато переходом к новому этапу изменений), определяет динамику становления числительных особой частью речи с характерными для них грамматическими свойствами.

Вместе с тем, было бы, по-видимому, неверно сводить все процессы, происходящие с числительными в отдельных славянских языках, к осуществлению некоторых общих закономерностей. В эволюции числительных в отдельных славянских языках немало особенностей, исследование которых представляет интерес как с точки зрения истории данных конкретных языков, так и с точки зрения истории категории числительных вообще. Многообразие конкретных форм осуществления некоторых общих закономерностей – явление не менее интересное, чем сами эти закономерности, и с этой точки зрения представляется актуальной постановка вопроса о дальнейшем и глубоком изучении функционирования и эволюции числительных в отдельных славянских языках, особенно тех, в которых числительные еще не дождались своих исследователей.

С другой стороны, даже ограниченный материал славянских языков позволил вскрыть своеобразные черты в развитии числительных, а также увидеть общие черты во взаимосвязях языковых ярусов и внеязыковых факторов, становится ясным, что дальнейшее типологическое изучение числительных, как в родственных языках, в частности, индоевропейских, так и в неродственных языках, может принести новые более значительные результаты. Нельзя быть уверенным, что ход развития славянских числительных к грамматической нейтрализации является единственным путем развития этой категории слов. Вместе с тем очевидно, что некоторые черты славянских числительных, такие, например, как образование новых числительных путем циклического повторения старых элементов, имеют универсальный характер. Все это требует дальнейшего типологического анализа числительных в различных языках мира. Тогда, возможно, удастся сформулировать некоторые общие закономерности изменений в этой области и условия, в которых эти закономерности находят свое осуществление.

Но и само изучение славянских числительных даже в том одном аспекте, который интересовал автора данной работы, не может считаться исчерпанным. Дальнейшее накопление данных о числительных в отдельных славянских языках, привлечение внеславянских материалов углубит и расширит наши представления о становлении славянских числительных особой частью речи. Автору хотелось бы надеяться, что те соображения и выводы, к которым ему удалось прийти на основании анализа собранных материалов, смогут послужить частью фундамента для последующих исследований.

Литература о славянских числительных

В эту библиографию включены статьи и монографии о славянских числительных. Не представлялось возможным включить в библиографию многочисленные мелкие заметки по числительным, освещающие отдельные вопросы их употребления, которые помещаются в разделах консультации различных научно-популярных журналов («Русский язык в школе» и под.), а также отдельные этимологические заметки по числительным, в частности, входящие в серии или подборки таких заметок. С другой стороны, хотя в ряде грамматических и словарных описаний славянских языков, диалектов, памятников, эпох числительным посвящены разделы нередко большие по значению и размеру, чем отдельные статьи, представлялось невозможным включить эти описания в библиографию. К сожалению, не все общие работы оказалось возможным назвать и в подстрочных примечаниях. Не перечислены полностью и тексты, обследованные для извлечения числительных, лишь часть примеров из которых печатается в работе. В указателе не было возможности включать работы, посвященные числительным в неславянских языках, кроме некоторых работ по индоевропейским числительным, содержащих значительную долю славянского материала. Библиография носит в некотором отношении дифференциальный характер: в нее не включены некоторые работы по русским и польским числительным, отраженные в монографиях Богуславского, Клеменевича и Граппена, не имеющие принципиального значения для анализа проблемы становления числительных особой частью речи в славянских языках вообще; в этом отношении по библиографии русских числительных читателя приходится отослать к книге автора «Имя числительное и его изучение в школе» (М., 1964), где помещена относительно полная библиография по русским числительным. Надо подчеркнуть, что предпринятое сокращение библиографии вызвано соображениями экономии места. В первой части указателя помещены в алфавитном порядке авторы, публиковавшие свои работы на языках, использующих кириллицу; затем — авторы, публиковавшие свои работы на языках, пользующихся латинским шрифтом; публикации одного

автора помещаются в хронологическом порядке, причем после названий книг в скобках помещаются основные рецензии.

Адмони В. Г. Полевая структура части речи (на материале числительных). Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965.

Акопджанян А. А. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным неопределенно-количественным существительным в сочетании с существительным в родительном падеже // Учен. зап. Елабуж. гос. пед. ин-та. Вып. 13. 1962. С. 32–94.

Багрянский И. М. 1) Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. : автореф. докт. дис. М., 1960. 37 с. (Рец.: С. М. Глускина // Филол. науки. 1962. № 2. С. 204–207 ; А. Н. Савченко. Там же. 1963. № 1. С. 211) ; 2) К вопросу о развитии числительных как самостоятельной части речи в русском языке // Труды Самаркандского ун-та, и. с., в. 118. Самарканд, 1962. С. 207–217.

Баханькоў А. Я. Колькасна-іменнае спалучэнне з лічэбнікам паўтара // Аб некаторых асаблівасцях беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1965. С. 141–149.

Белич А. Двојца, неколицина и слична образовања. Јужнословески. филол. Кн. III. Белград, 1922–1923.

Блажев Бл. 1) Случаи транспонирования форм одушевленности у некоторых определительных местоимений и числительных в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1962. № 3. С. 29–34 ; 2) За синтаксичната структура на съчетанията от типа *последние полвека в руски език* // Език и литература. 1962. № 3. С. 65–68 ; 3) За някои съчетания на местоимението *весь* и числительното *оба* със съществителни имена в руски език // Славистични студии. София, 1963. С. 226–231 ; 4) О сочетаниях типа *оба Петровы* // Русский язык в школе. 1964. № 2. С. 80–81.

Богдан С. К. 1) Конструкції з «два» // Українська мова в школі. 1959. № 1. С. 77–80 ; 2) Особливості синтаксичного зв'язку означень у конструкціях з *два, три, чотири* // Наукові записки Одеського держ. пед. ін-ту. Т. 25. Одеса, 1960. С. 149–158 ; 3) Синтаксичні конструкції з числівниками в українській мові. Одеса, (961, 36 с. ; 4) В яких випадках вживаються збірні числівники в українській мові // Українська мова в школі. 1962. № 4 ; 5) Синтаксические конструкции с числительными в памятниках украинской деловой письменности XIV–XVII веков : автореф. дис. ... канд. Одесса, 1965.

Бодуэн де Куртене И. А. Количественность в языковом мышлении. В кн.: Избранные труды по языкознанию : пер. с пол. М., 1963. Т. II. С. 311–324.

Булаховский Л. А. 3 історичних коментаріїв до української мови. До словотвору числівників // Мовознавство. 1951. Т. 9. С. 61–70.

Вакарелска-Немова Д. Лексикални дублети за изразяване на количествата *много* и *малко* в български говори // Изв. на Ин-та за български език, 8. София, 1962. С. 325–332, 392.

Ван-Вейк Н. 1) Об ударении русских числительных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* // Slavica. VIII. 1934–1935. С. 646–649 ; 2) *Abg. inь, jedьnъ, oтъnъdъ*, IF, 1912. Т. XXX. С. 382–388.

Вечерка Р. 1) К синтаксису имен числительных в старославянском языке. Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960. С. 195–208 ; 2) Какви особености притежава системата на числителни имена в славянските езици // Славянска филология, I. София, 1963. С. 147–148 ; 3) Zur Problematik

der slavischen Zahlwörter // Sbornik prací fil. fakulty Brněnské university, ř. jazykovědná, 12. 1964. С. 69–79.

Виноградов В. В. 1) *с пальцем девять, с огурцом пятнадцать*. Русский язык в школе. 1940. № 2. С. 36–37 ; 2) *Однокашник*. Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 4. 1948. С. 100–105 ; 3) *двурушник, двурушничество*. Учен. зап. кафедры русского языка МГПИ. Т. 56. Вып. 2. 1948. С. 6–8 ; 4) *Односторонний*. „Сегсетări de linguistic”, 111. 1958. С. 539–542. (Приложение).

Вярхоў П. В. Лічэбнік у беларускай мове (параўнальна з рускай і украінскай мовамі). Мінск, 1961. 36 С.

Георгиев С. Лексико-морфологическа модификация на първичното числително «един» в съвременния български език // Български език. 1967. № 2. С. 114–124.

Глушкина С. М. 1) К истории составных числительных в русском языке // Учен. зап. Псков. гос. пед. ин-та. Вып. 3. 1955. С. 111–134 ; 2) Категория грамматического рода имен числительных в истории русского языка. Там же. Вып. 4. 1957. С. 199–222 ; 3) Сложные числительные в истории русского языка. Там же. Вып. 7. 1961. С. 5–84.

Гринчишин Д. Г. Спостереження над субстантивацією числівників в українській мові. Дослідження і матеріали з української мови. Т. 3. Киев, 1960. С. 27–36.

Грузберг А. А. К изучению синтаксиса северо-великорусских говоров (Именительный падеж дополнения в количественно-именных сочетаниях) // Учен. зап. Перм. ун-та. Т. XXII, вып. 1. Пермь, 1962. С. 60–72.

Гумецька Л. Л. Словотворча система числівників української актової мови XIV–XV ст.ст. Питання слів’янського мовознавства. Львів, 1958. Кн. 5. С. 164–172.

Гъльбов И. Пет, петтях, петима, петмина // Български език. 1954. Кн. 3. С. 250–258.

Дзедзелівський Й. О. Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області // Наук. зап. Ужгород. держ. ун-ту. Т. XIV. Львів, 1955. С. 7–80.

Дровникова Л. И. 1) История числительных *два, три, четыре* в русском языке // Вопр. истории рус. языка. М., 1959. С. 183–207 ; 2) Из истории имен числительных в русском языке: автореф. канд. дис. М., 1959. 17 С. ; в) Сложные образования с *поль* в русском языке XIV–XVII веков // Филол. науки. 1961. № 2. С. 206–215 ; 3) Конструкции типа «встретил пяти человек» в XVII веке // Филол. науки. 1962. № 1. С. 206–209 ; 4) К истории русских составных числительных // Учен. зап. Дальневосточ. гос. ун-та. Вып. 5. Владивосток. 1962. С. 11–24.

Егоров В. Г. Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV–XVII вв. // Филол. зап. 1916. Ч. 56. Вып. II–III. С. 189–236 ; Вып. IV–V. С. 474–523.

Жирицкий Л. В. Отрицательные и количественные предложения в русском языке // Изв. Крым. пед. ин-та. Т. IX. Симферополь, 1940. С. 45–77.

Жовтобрюх М. А. Из морфологии «Актив Бориспільського міського уряду XVII ст. Прикметники, числівники // Наук. зап. Черкас. держ. пед. ін-ту. Т. 15. 1960. Сер. філол. наук. Вып. 5. С. 147–162.

Жуковская Л. П. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян. Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 37–43.

Иванова З. Типични числа в българските народни песни. Известия па семинара по славянска филология при университета в София, 4, 1921.

Івченко М. П. Числівники української мови. Киев, 1955. 144 С. (Рец.: С. П. Самійленко // Українська мова в школі. 1956. № 4. С. 74–77 ; А. Супрун. Книга об україн-

ских числительных // Учен. зап. филол. ф-та Кирг. гос. ун-та. Вып. 4. Фрунзе, 1957. С. 247–249.

Иллич-Свитыч В. М. Чеш. prvni «первый» – инновация или архаизм? // Этимология. М., 1963. С. 81–84.

Ильинский Г. А. К истории склонения числительных имен в западно-славянских языках. „Slavia Occidentalis”. Т. 7. Познань, 1929. С. 71–74.

Иорданский А. М. 1) История употребления согласованных определений при сочетаниях числительных *два, три, четыре* с именами существительными в русском языке // Учен. зап. Владимир. гос. пед. ин-та. Вып. 4. Владимир, 1958. С. 54–82 ; 2) Сочетания типа *съ обѣ сторонѣ; по обѣ сторонѣ* в древнерусских памятниках // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. Т. 248. С. 239–246.

Канишин И. А. 1) Неопределенно-количественные числительные и их синтаксические функции в современном русском литературном языке // Наук. зап. Львов. гос. пед. ин-та. Т. 12. 1959. С. 118–147 ; 2) Лексические и грамматические функции слова «один» в современном русском литературном языке. Там же. Т. 16. 1960. С. 108–151.

Каралёва І. А. Лічэбнікі *оба, обе, обадва* ў беларускай мове (па матэрыялах помнікаў пісьменнасці XV–XVII ст.). Филологический сборник. Минск, 1966. С. 170–176.

Карпенко Ю. А. 1) История форм количественных числительных в украинском языке: автореф. канд. дис. Черновцы, 1956. 18 С. ; 2) История числительных *три – четыре* в украинском языке // Науч. ежегодник Черновиц. ун-та, Т. 1. Вып. 1. Черновцы. 1957. С. 216–217 ; 3) Давня слов'янська назва десяти тисяч – *тьма* // Науч. ежегодник Черновиц. гос. ун-та за 1957 год. Черновцы, 1958. С. 160–162 ; 4) Історія східнослов'янського числівника *сорок*. Питання історії і діалектології східнослов'янських мов // Наук. зап. Черновиц. гос. ун-та. Т. XXXI. Сер. филол. наук. Вып. 7. Черновцы, 1958. С. 23–32 ; 5) Історія східнослов'янського числівника *дев'яносто* // Наук. зап. Черновиц. гос. ун-та. Т. XXXII. Сер. филол. наук. Вып. 8. Львов, 1959. С. 107–115 ; 6) Історія числівника *два* українській мові // Наук. зап. Чернівець. ун-ту: зб. наук. робіт аспірантів. Вып. 4. 1959. С. 20–41.

Кобилянський. Б. В. Синтаксичний зв'язок кількісних числівників *два три, чотири* з іменниками (на матеріалі української та російської мов) // Мовознавство. Т. XII. Киев, 1953. С. 69–78.

Кольман А. Зачатки математического мышления и выражения в допетровской Руси. // Slavia, 18 (1947–48). С. 306–315.

Кочев И. Бройни форми при съществителни от женски род в някои източни български говори // Изв. на Института на български език. Кн. XI. С. 411–415.

Ларин Б. А. О числительных // Литературная учеба. 1934. К.10. С. 112–119.

Лукинова Т. Б. 1) Из спостережень над словотвором числівників у слов'янських мовах. Тези доповідей V міжвузівської республіканської славістичної конференції. Ужгород. 1962. С. 34–35 ; 2) Словообразование некоторых славянских имен с корнями числительных. Всесоюзная конференция по славянской филологии. Л., 1962. С. 102 ; 3) Каковы особенности системы имен числительных в славянских языках? Славянская филология. Т. 1. София, 1963. С. 150–151 ; 4) До порівняльно-історичного вивчення словотвору слов'янських числівників // Структура і розвиток слов'янських мов. Слов'янське мовознавство. Т. 5. Киев, 1967. С. 63–76.

Львов А. С. *Тьма – несъвѣда*. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 247–249.

Мажюлис В. П. 1) Литовские числительные и соотношение балтийских числительных с числительными других индоевропейских языков: автореф. канд. дис. М., 1955. 16 С. ; 2) Индоевропейская децимальная система числительных // Вопр. языковедения. 1956. № 4. С. 53–59.

Марков В. М. К истории числительного «оба» // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 116, кн. 5. 1966. С. 338–342.

Матвеева Г. И. 1) Числительные в русских говорах: автореф. канд. дис. М., 1954, 16 С. ; 2) Числительные *два, три, четыре* в русских говорах. Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959. С. 86–104 ; 3) Диалектные особенности числительных *пять – десять*. Материалы и исследования по русской диалектологии. Н.с., в. И, М. 1961. С. 97–102.

Мейер И. И. Этимология слова «девеносто», неправильно *девяносто* // Филологические записки. 1879. Т. XVIII, вып. 1.

Мізіна К. М. 1) Збірні числівники в українській мові // Наук. зап. Запорізького держ. пед. ін-ту. Т. 4. Філол. збірник. 1957. С. 226–240 ; 2) Складні кількісні числівники в українській мові (в історичному освітленні). Питання історичного розвитку української мови. Тези доповідей. Харків, 1959. С. 55–57 ; 3) Числівники та похідні утворення від них у «Народних оповіданнях» Марка Вовчка // Наукова сесія, присвячена 100-річчю з часу першого видання «Народних оповідань» Марка Вовчка. Запоріжжя. 1957, С. 38–40 ; 4) Синтаксичні зв'язки числівників *два, три, чотири* // Доповіді та повідомлення на конференції... (Запорізького пед. ін-ту) за 1959 г., секція літературознавства та мовознавства. Запоріжжя, 1960. С. 67–69 ; 5) Похідні слова від числівників та способи їх творення в сучасній українській мові // Українська мова в школі. 1961. № 4. С. 16–29.

Мишина К. И. Значение и употребление слова «один» в русском языке. Русский язык. Статьи и исследования // Учен. зап. Москов. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1960, С. 94–112.

Младенов М. Сл. Числителните *объйца (обейца), объдвъ* в говора на с. Ново село, Видинско // Изв. на Института за български език. Кн. 8. София, 1962. С. 298–297.

Німчук В. В. 1) Із словотвору прислівників (прислішники числівникового походження) в говірках верхньої течії р. Боржава // Доповіді та повідомлення Ужгородського держ. ун-ту. Сер. філологічна, 3, 1958. С. 56–58 ; 2) Словотвір числівників у Верхньо-надборжавських говірках // Діалектологічний бюлетень. Вып. 8. Киев, 1961. С. 44–56.

Обнорский С. П. Заметки по русским числительным // Академия наук СССР – XLV – академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 327–332.

Пашов П. По някои въпроси на българските и славянските числителни // Изв. на Института за български език. Кн. XI. С. 113–124.

Прустик Ф. Этимология слова «девеносто», неправильно *девяносто* // Записки имп. АН. 1878. Т. 31, кн. 2. С. 421–423; ср. также KZ, 35. 1898. С. 599.

Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопр. грамматики. М.; Л., 1960. С. 384–400.

Ржигза Ф. Этимология слова «девяносто» // Филологические записки. 1879. Т. XVIII, вып. 3. С. 1–5. (Особой пагинации).

Савицкая С. А. Имя числительное в современных славянских языках // Труды Одесского государственного университета. Т. 148. Сер. филол. наук. Вып. 7. Одесса, 1958. С. 173–186.

Самійленко С. П. 3 історичних коментаріїв до української мови. Числівник // Українська мова в школі. 1954. № 4. С. 3–14.

Симонов Р. А. 1) Числовые грамоты на бересте XIII–XIV вв. и некоторые вопросы истории кирилловской нумерации. Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963. С. 287–294 ; 2) О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 14–36.

Соболевский А. И. 1) Редкая форма местного падежа. РФВ, 1913. Т. 69, № 2. С. 385–388 ; 2) Заметки по славянской морфологии. *Девяносто*. Slavia. V. 1927. С. 451–453.

Станкевич Л. И. 1) История сочетаний количественных числительных с существительными и прилагательными в русском и украинском языках : автореф. канд. дис. Днепропетровск, 1956 ; 2) Формы согласования определений при количественно-именных сочетаниях в русском языке XV–XVII вв. // Наук. зап. Днепропетров. гос. ун-та. Т. 64. 1958. С. 105–118.

Супрун А. Е. 1) Производные существительные с корнями числительных. Фрунзе, 1953. 68 С. (Рец.: Ю. Авалиани // Учен. зап. филол. фак. Киргиз. гос. ун-та. Вып. 5. Фрунзе, 1958. С. 183–186) ; 2) Слова с корнями числительных в современном русском литературном языке: автореф. канд. дис. Фрунзе, 1955. 14 С. ; 3) К употреблению родительного и именительного падежей множественного числа прилагательных в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* в современном русском языке // Учен. зап. Киргиз. гос. заоч. пед. ин-та. Вып. 111. Русский язык и литература. Фрунзе, 1957. С. 72–84 ; 4) Некоторые общие явления в историческом развитии числительных в славянских языках. Фрунзе, 1958. 14 с. // Учен. зап. филол. фак. Киргиз. гос. ун-та. Вып. 51. Фрунзе, 1958. С. 9–20 ; 5) Об одной синтаксической особенности болгарских числительных // Труды Узбекского гос. ун-та. № 92. Самарканд, 1958. С. 123–129 ; 6) Форма числа сказуемого при количественном подлежащем в македонском языке. Тезисы докладов и сообщений на научной конференции по славянской филологии. Фрунзе, 1958. С. 24–28 ; 7) О русских числительных. Фрунзе, 1959. 172 С. (Рец.: С. М. Глускина. Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 8. Фрунзе, 1962. С. 114–117 ; Р. Вечерка. Slavia. Т. XXXI. 1962. С. 465–469 ; И. Подгаецкая. Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 10. 1964. С. 189–191) ; 8) Старославянские числительные. Фрунзе, 1961. 108 с. (Рец.: Р. Вечерка. Slavia. Т. 31. 1962. С. 465–469 ; Ш. Яношка. Slavica. Т. 3. Дебрецен, 1963. С. 165–168 ; Ю. Карпенко // Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 10. Фрунзе, 1964. С. 199–202 ; С. Глускина // Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 13. Фрунзе. 1964. С. 139–142 ; Э. Благова. Byzantinoslavica. XXXVI. С. 162–164 ; Л. Мошинский. Rocznik slawistyczny, XXVI. С. 136–145 ; Т. Б. Лукинова. Слов'янське мовознавство, 5 // Структура і розвиток слов'янських мов. 1967. С. 168–173) ; 9) К вопросу о немецком влиянии на числительные в некоторых славянских языках. Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на 1-й Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания. Минск, 1961. С. 35–37 ; 10) Полабские числительные. Фрунзе, 1962. 68 с. (Рец.: Л. Ройзензон. Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 10. Фрунзе, 1964. С. 206–207 ; М. Радловский. Rocznik slawistyczny. Т. 23. 1964. С. 136–138 ; К. Полянский. Slavia Occidentalis, 25. 1965. С. 259–260) ; 11) Числівник і граматичне число в слов'янських мовах. Тези доповідей 5 міжвузівської республіканської славянотичної конференції. Ужгород, 1962. С. 69–71 ; 12) Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи орределенно-количественных числительных // Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 8. Фрунзе. 1962. С. 5–14 ; 13) Какого характера должны быть вопросники по морфологии и словообразованию? [для общеславянского диалектологического атласа] // Вопр. языкознания. 1962. № 6. С. 76–77 ; 14) О согласовании

сказуемого с количественным подлежащим в словенском языке : тез. докл. и сообщений XI науч.конф. Киргиз. гос. ун-т; секция филол. наук. Фрунзе, 1962. С. 23–26 ; 15) О согласовании сказуемого с подлежащим, включающим количественные числительные в сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 138–153 ; 16) Какова типологическая дистрибуция славянских языков в отношении так называемых *genus animale* и *genus virile*? // Славянская филология. Т. 1. София, 1963. С. 167 ; 17) Каковы особенности системы числительных в славянских языках? *Там же*. С. 151–152 ; 18) Заметки по синтаксису польских числительных. Питання слов'янського мовознавства. Кн. 7–8. Львов, 1963. С. 135–145 ; 19) Числительные и категория падежа в славянских языках // Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 10. Фрунзе. 1964. С. 7–17 ; 20) Сочетания числительных с существительными в сербо-лужицких языках. *Там же*. С. 159–162 ; 21) Об одной синтаксической особенности русских числительных. *Rusky jazyk*, г. 14, 1963–1964. № 5, январь 1964. С. 199–202 ; 22) Число и числительное // Сознание и действительность. Фрунзе, 1964. С. 11–25 ; 23) Словотвір слов'янських числівників: тези доповідей 6 Української славістичної конференції. Черновці, 1964. С. 49–50 ; 24) Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964. С. 160 ; 25) Числительное и грамматический род в славянских языках // Учен. зап. филол. ф-та Киргиз. гос. ун-та. Вып. 13. Фрунзе. 1964. С. 133–138 ; 26) Славянские числительные : автореф. докт. дис. Л., 1965. 32 с.

Титова Р. Ф. 1) Имя числительное в деловых документах конца XVII века // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. Т. 42. Воронеж. 1962. С. 89–93 ; 2) Имя числительное в деловых документах конца XVII века : материалы конф. по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1964. (В первой статье – числительные 1–4, во второй – 5 и под.).

Токар В. П. Історія східнослов'янських іменників жіночого роду, утворюваних за допомогою суфікса *-к(а)* від числівникових основ // Питання слов'янознавства. Львов, 1962. С. 26–36.

Тот И. Х. К истории форм числительного трье (трие), три в древнерусском языке. Материалы и сообщения по славяноведению, III. Сегед, 1965. С. 21–25.

Угринова Р. Број со именка. «Македонски јазик», 1952, III, 3. С. 52–57.

Филиппов А. И. О славянской нумерации. М., 1913. 15 с. (Математическое образование, № 3).

Ханпира Эр. Сочетания типа пара слов, пара дней // Русский язык в школе. 1964. № 2. С. 27–30.

Цейтин Г. С. 1) Набор алгорифмов для перевода числительных от 1 до 9999999. Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текстов. М., 1961. 16 с. ; 2) Эксперимент многоязычного перевода числительных на машине «Урал» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 5. М., 1961. С. 22–26.

Чабырук А. 1) Лічэбнікі два, тры, чатыры у беларускіх гаворках. Пытанні мовазнаўства і методыкі выкладання моў. Мінск, 1965. С. 53–63 ; 2) Колькасна-іменныя словазлучэнні у беларускіх гаворках. Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966. С. 94–104.

Чемерисов М. Т. Словотвір числівників в українській мові XVI – першої половини XVII ст. Лінгвістичний семінарій. Днепропетровск, 1966.

Чернышев В. И. О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языке // Изв. АН Казах. ССР. Сер. филол. 1946. № 4. (29). С. 45–52.

- Чернышевский Н. Г.* О весьма замечательном употреблении имен числительных два, три, четыре в русском языке // Полн. собр. соч. Вып. 15, т. 2. М., 1949. С. 728.
- Шафарик П. И.* Филологический разбор числительных имен. Сборник, издаваемый студентами Ими. Спб. университета. Вып. 2. Спб, 1860. С. 172–212 (пер. с чеш.).
- Швецов К. И.* Славянская нумерация // Математика в школе. 1952. № 2. С. 8–12.
- Шерцль В. И.* Об именах числительных в индоевропейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей. Харьков, 1870. 178 с.
- Шлейхер А.* Темы имен числительных (количественных и порядочных) в литовском и немецком языках. Приложение к X тому Записок Импер. Академии Наук. № 2. Спб. 1866. 69 с.
- Эндзелин И.* Болг. *педесет* и *девендесет*, и *нд* из *дд* // Рус. филол. вестн. Т. 70. 1913. № 3. С. 109–113.
- Янко-Триницкая Н. А.* «Проблема номер один» (числительное в роли несогласованного определения). Развитие грамматики и лексики современного русского литературного языка. М., 1964. С. 303–310.
- Янов Ян.* Наблюдения над частицами в славянских языках. I. Разыскания в области первичной формы числительного один и происходящих из него частиц. Ташкент, 1919. 31 с. (по некрологу Т. Лера-Сплавинского о Янове).
- Bąk S.* Liczebnik siedem w polskich gwarach. Rozprawy Komisji językowej (Wrocławskie t wo naukowe). T. 3. 1961. Str. 127–137.
- Bezděk J.* Typy číslovkových frazeologismů v ruštině a češtině. Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury, IV, Praha, 1960. S. 85–102.
- Boguslawski A.* Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologija w języku Rosyjskim. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966. 280 S.
- Boissin H.* Les noms de nombre du serbo – croate: théorie et réalité, RESI. X LI I. 1963. P. 138.
- Decaux E.* L'expresslon de la détermination au pluriel numérique en Polonais, RESI. T. XL. Mél. A. Vaillant. 1964. P. 61–72.
- Erhart A.* Die ie. Dualendung -ō(u) und die Zahlwörter. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, A 13, 1965. S. 11–33.
- Gallis A.* Tallordenes syntaks i ruslsk. Festskrift til professor Olaf Broch. Oslo, 1947. S. 63–75.
- Grappin H.* 1) Les noms de nombre en polonais. Kraków, 1950, 166 p. (Rec.: J. Otrębski, Lingua Posnanlensis, 111, 1951. S. 472–473) ; 2) La flexion primitive des collectifs du četvoro // Slavia. XV. 1937. P. 321–335.
- Hamm J.* Promjena brojeva 2, 3 i 4 // Jezik. 1956/57, 1. S. 9–14.
- Horak G.* Dvadsat' tri koruny // Slovenská reč, 18. 1953. S. 318–319.
- Horecký J.* O slovách s pol- a polo- // Slovenská reč, 27. 1962. S. 30–36.
- Išačenko A.* O niektorých zvláštnostiach základných číslovek v ruštině // Ruský jazyk. T. 3. 1953. S. 55–59.
- Jireček J.* O složených číslovkách staročeských. Časopis českého muzeum, 1864.
- Kajanová O.* Využitie čísloviek v terminológii // Slovenské odborné nazvoslovie. 8. 1960. S. 257–263.
- Kalina A.* O liczebnikach w języku staropolskim. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. T. 6. S. 43.

- Klemensiewicz Z.* 1) Liczebnik główny w polszczyźnie literackiej. *Prace filologiczne*. T. 15, cz. 1. Warszawa, 1930. 130 S.; 2) Odmiana i składnia 21. // *Język Polski*, 17. 1932. S. 33–39, 71–75; Składnia liczebnika 21 w perspektywie trzydziestu lat. // *Język Polski*, 44. 1964. S. 146–149.
- Komàrek M.* Inventar jevŭ z oblastl čislovek; zàsady vybeŕu a vybeŕ sàm. // *Slavia*, r. 29. 1960. S. 262–267.
- Kopečný F.* K problému kvantitativního přivlastku v češtině. // *Slovo a slovesnost*, 18. 1957. S. 85–88.
- Kotulič I.* Vyznam, rozširente a pôvod slovkam eru. // *Slovenska reč*. 32. 1967. S. 89–94.
- Leskien D.* Das russische двумя, тремя, четырьмя // *Archiv für slavische Philologie*. I. 1875. S. 56–58.
- Maretič T.* Die typischen Zahlen in der russischen Volksepik // *Archiv für slavische Philologie*. 25. 1903. S. 452–462.
- Meillet A.* Les origines du vocabulaire slave. Quelques noms de nombre, RESI, V. 1925.
- Mrázek R.* Při číslkách 2–4 v ruštině vždy 2. pad jednotného čísla? // *Ruský jazyk*, r. XI. 1961. S. 201–206 (Diskuse: ibid., r. XII, 1962. S. 282, r. XIV, 1964. S. 199–202).
- Noha M.* Čísllice v Assemanově kodexu // *Slavia*, 25. 1956. S. 394–400.
- Obrembska-Jabłońska A.* Liczebniki nieokreslone w systemie języka polskiego // *Język Polski*. 28. 1948.
- Ondrus P.* 1) Miesto slov málo, mnoho v gramatickej stavbe slovenského jazyka // *Jazykovedné štúdie*. IV. 1959. S. 229–233; 2) Číslkovky v slovenčine // *Slovenská reč*. 27. 1962. S. 223–234; 3) Zámenné tvary niekoľ'ki a niekoľ'ko, ibid., 30, 1965. S. 10–12; 4) Podielové číslkovkové výrazy, ibid., 32, 1967. S. 286–292; 5) Číslkovky jeden a dva v absolútnom postavení, ibid., 33, 1968. S. 38–42; 6) Gramatická kategória mužskej osoby v číslkách 5–99. *Sborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského*, XVI, Philologica. Bratislava, 1964. S. 129–133.
- Osowski L.* Połabskie tarai..., bułgarskie tari, *Slavia Occidentalis*, 13. 1934. S. 117–118.
- Peciar Š.* 1) Poznámky o niektorých druhoch čísloviek // *Slovenská reč*. 21. 1956. S. 48–51; 2) Nula celých či nula celá? ibid., 23. 1958. S. 117–118.
- Poldauf I.* Vyjadřování kvantity v češtině // *Slovo a slovesnost*. 18. 1957. S. 71–85.
- Polivka J.* Les nombres 9 et 3×9 dans les contes des slaves de l'est, RESI, 7. 1927. F. 3/4, P. 217–223.
- Popović M.* O brojnim konstrukcijama kao blokovima, koji se sklanjaju // *Jezik*. 14. 1966/67. S. 144–148.
- Porák J.* O neurčitém významu u čísloviek určitých // *Naše reč*. 41. S. 241–251.
- Reichenkron G.* Der lokative Zähltypus für die Reihe 11 bis 19: „eins auf zehn“. *Südost-Forschungen*, 17, 1958: Festschrift für E. Koschraieder, S. 152–174.
- Rogić R.* Deklinacija brojeva dva, oba (obadva), tri i četiri // *Jezik*. 1954/55. S. 138–147.
- Šafarik P. J.* Mluvozpylný rozbor číslslova. *Časopis českého museum*. 1848. S. 218–258. Рус. пер.: Сборник, изд. студентами Спб. ун-та. Вып. 2. 1860. С. 172–212.
- Šerech J.* Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen, Lund, 1952. 171 S. (Lunds, N. f. Avd. 1, Bd. 48, Nr. 2).
- Siekierska K.* Liczebniki nieokreślone w języku polskim XVII wieku // *Poradnik językowy*. 1962. S. 49–61, 114–133.
- Schabowska J. M.* O formalnej numeralizacji rzeczowników // *Język Polski*. 42, 1962. S. 116–123.

- Schwela G.* Typische Zahlen in der sorbischen (wendischen) Volksdichtung // Archiv für slavische Philologie. 33. 1912; Typiske ličby... Časopis mačicy serbskeje. 1912. 61. 1. S. 3–18.
- Skulina T.* Słowiańskie liczebniki 11–19, Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. Językoznawstwo. Warszawa, 1963. S. 141–151.
- Smetanka E.* Slovenské dvaja, traja, MNHMA, sborník... J. Zubatého Praha, 1926.
- Stieber Z.* Das Zahlwort čotyrdešat „40“ in den lemckischen Dialekten // Die Welt der Slaven. 7. 1962. S. 372–374.
- Strzelczykówna Z.* Formy liczebników dwa, oba, obadwa i złożonych z dwa: dwanaście, dwadzieścia, dwieście u W. Potockiego // Język Polski. 33. 1953. S. 49–52.
- Szemerényi O.* Studies in the Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960.
- Szober S., Łoś J.* Trzy piękne córki było nas u matki czyli Formy podmiotu i orzeczenia w zdaniach z podmiotem logicznym, określonym przydawką liczebnikowa // Język Polski. 13. 1928. S. 97–112.
- Trypućko J.* Słowiańskie przysłowki liczebnikowe typu stesł. dvašdi, trišti. Uppsala, 1947, 102 S. (Rec.: *E. Tangl* // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 21. S. 207–216, 22, 123–145; *A. Dostál* // Slavica. 19. 1950. S. 455–459).
- Trubetzkoy N.* Russ. семь „sieben“. Zeitschrift für slavische Philologie. 4. 1927. 3/4.
- Urbančok M.* Dvesto – dvojstý, dvojstovka // Slovenská reč. 22. 1957. S. 55–58.
- Vaillant A.* Jeterŭ et jedinŭ // Die Welt der Slaven. 7. 1962. P. 342–345.
- Worth D. S.* Grammatical and Lexical Quantification in the Syntax of the Russian Numeral // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. I/II. 1959. P. 117–132.
- Zwollński P.* 1) Geneza tematu -g- w odmianie liczebników dwoje, czworo w języku polskim. Sprawozdania t-wa naukowego we Lwowie. 18. 1. 1938. S. 3–7; 2) Liczebniki zespolowe w języku polskim na tle słowiańskim i indoeuropejskim. Wrocław, 1954. 92 S. (Rec.: *A. Suprun* // Poradnik językowy. 1956. S. 435–437 ; *И. А. Дзензелевский*. Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 18. М., 1956. С. 79–85.